

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№ 2S / 2022

Том 28

DOI: 10.19181/nko.2022.28.2S

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издается с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК.
Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва • 2022

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, руководитель центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и государственного управления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, Университет ОАЭ (ОАЭ).

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, профессор РГГУ; профессор РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор, Воронежский филиал РАНХиГС.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, МосГУ.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт Социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Deputy Director of Science and Research, Head of the Center for Political Science ISPR FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS (Moscow, Russia).

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, United Arab Emirates University (UAE).

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, ISPR FCTAS RAS.

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Professor, RSUH; RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Larissa S. Ruban, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Moscow University for the Humanities.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К читателю	6
----------------------	---

ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Великая Н. М., Берёзкина Е. Ю.

Особенности женского представительства в законодательных органах власти Европы: левые против популистов	8
---	---

Гребняк О. В., Новоженина О. П.

Структура социальной тревожности российского общества: гендерный акцент	24
---	----

Ирсетская Е. А.

Проблемы гендерной дифференциации на рынке труда РФ	36
---	----

Милованова М. Ю., Василевская В. А.

Насилие и домогательства в сфере труда как проблема гендера	46
---	----

Калинина С. Б.

Приверженность стереотипам как предпосылка для принятия ситуации домашнего насилия у студентов гражданского и военного ВУЗов	58
--	----

Китайцева О. В.

Проблема домашнего насилия в отношении женщин в российском медиапространстве: основной репертуар российских СМИ	71
---	----

Козлова Н. Н., Рассадин С. В., Овчарова О. Г.

Проблема домашнего насилия в контексте реализации государственной семейной политики РФ: анализ сетевых ресурсов региональных сообществ	83
--	----

Швецова А. В., Кривошёркова М. С.

Сценарии нематеринских практик молодых российских матерей	96
---	----

OPENING ADDRESS

To the reader	6
-------------------------	---

GENDER RELATIONS

<i>Velikaya N. M., Berezkina E. Yu.</i> How do women are represented in the European legislative assemblies: comparative analysis of the left and populist political parties' practices	8
<i>Grebnyak O. V., Novozhenina O. P.</i> The structure of social anxiety in Russian society: gender emphasis	24
<i>Irsetskaya E. A.</i> Problems of gender differentiation in the labor market of the Russian Federation.	36
<i>Milovanova M. Yu., Vasilevskaya V. A.</i> Violence and harassment in the world of work as a gender problem	46
<i>Kalinina S. B.</i> Adherence to stereotypes as a prerequisite for acceptance of the situation of domestic violence in civil and military university students	58
<i>Kitaitseva O. V.</i> The problem of domestic violence against women in the Russian media space: the main repertoire of the Russian media	71
<i>Kozlova N. N., Rassadin S. V., Ovcharova O. G.</i> The problem of domestic violence in the context of the implementation of the state family policy of the RF: analysis of network resources of regional communities.	83
<i>Shvetsova A. V., Krivoshchekova M. S.</i> Scenarios of nonmaternal practices of Russian mothers	96

© ISPR FCTAS RAS, 2022
© PUBLIC RUSSIAN ACADEMY
OF SOCIAL SCIENCES, 2022

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаем Вашему вниманию специальный выпуск журнала «Наука. Культура. Общество», статьи которого объединены общей тематикой гендерных отношений. Вопросы, связанные с политическим и экономическим положением женщин, распределением гендерных ролей в обществе и семье, с гендерными стереотипами, домашним насилием поднимались в рамках серии мероприятий, проводимых на базе ИСПИ ФНИСЦ РАН: Всероссийский семинар «Женщины. Семья. Переживание кризиса. Сценарии разрешения проблемы» (июнь 2022 г.), международная конференция «Гендерные ресурсы устойчивого развития: международный и российский опыт» (март 2022 г.), международная конференция «Гендерные исследования: теория, научные школы, практика» (март 2021 г.), международная конференция «Политика гендерного равенства как фактор устойчивого развития современных государств: возможности и вызовы в условиях цифровизации» (февраль 2021 г.). Эти обсуждения и легли в основу предлагаемых материалов.

Рубеж XX–XXI вв. в отечественном социогуманитарном знании отмечен настоящим «взрывом» исследовательского интереса к изучению социальных проблем при помощи гендерного анализа. Несомненно, это связано с тем, что методологическая эффективность гендерного подхода позволяет увидеть социальную обусловленность гендерных отношений и гендерную обусловленность всех социальных процессов. Привлечение понятия «гендер» делает возможным перенос акцентов с изучения «мужского доминирования» и «женской специфики» на анализ гендерных отношений как системы, как представления о мужественности и женственности конструируют, воспроизводят и изменяют социальную реальность в целом. Помимо того, гендерное знание имеет и ярко выраженную практическую составляющую, ориентируясь не только на анализ взаимоотношений мужчин и женщин, но и на деконструкцию иерархии между ними.

Принципиально важно отметить, что именно перманентная, культурно обусловленная и медленно и сложно трансформирующаяся иерархия гендерных отношений всегда будет актуализировать как теоретическую ценность гендерных исследований, так и практическую. Гендерное знание соответствует запросам современности. Несмотря на переходы современного общества в различные ипостаси, как то – «цифровой мир», «век технологий», формирование нового миропорядка и т.д. – женщины остаются более социально уязвимы, а их социальный опыт далеко не всегда находит адекватные социальные оценки и востребованность. Гендерная асимметрия сохраняется

в политике, материально ресурсные сферы труда более благоволят мужчинам, насилие различного толка в отношении женщин сохраняется как в сфере публичной, так и приватной, а последняя (дом) – всё же сфера более женской ответственности, где реализуются принципы частное/женское – публичное/мужское, раскритикованные еще авангардными мыслителями прошедших веков, начиная с XVIII в.

В настоящем выпуске журнала социологи и политологи из разных регионов России предлагают результаты исследований, ориентированных на поиски решения поставленных выше проблем. Опираясь как на отечественные, так и западные практики преодоления гендерной иерархии в различных социальных сферах, все ученые единодушны во мнении о том, что учет интересов и мужчин и женщин, важнейших социально-демографических групп, использование их уникального опыта и знаний при решении социальных, экономических, политических задач позволит сформулировать принципы оптимизации формирования социального прогресса настоящего времени.

*ОВЧАРОВА Ольга Геннадиевна
доктор политических наук
редактор тематического выпуска
РГСАИ; РГГУ. Москва, Россия*

DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.1

EDN HBDIZD

УДК 324, 328.1, 329

Н. М. Великая¹, Е. Ю. Берёзкина^{1,2}

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

² Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.
Москва, Россия.

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ ЕВРОПЫ: ЛЕВЫЕ ПРОТИВ ПОПУЛИСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема гендерного равенства в политике посредством представленности женщин в законодательных органах власти в Европе. Авторы обращают внимание на то, что на европейском политическом ландшафте усиливается роль женщин на фоне кризиса традиционных политических партий. Отмечается зависимость между процентом женщин, вовлеченных в работу законодательных органов власти, и политической ориентацией выдвинувших их партий. В качестве гипотезы принимается идея о том, что проводником женщин в политику являются страны с наивысшим индексом гендерного равенства и сильными позициями социально-демократических партий. Популистские партии в основном являются сторонниками классического европейского традиционализма, поэтому в странах с сильными популистскими партиями правого толка представленность женщин менее выражена и наблюдается неравномерное распределение мест в законодательных органах в пользу мужчин.

С помощью анализа эмпирической базы (электоральной статистики и дискурс-анализа) авторы приходят к выводам, что гендерный паритет не достигнут в большинстве европейских стран, а в качестве наиболее эффективных механизмов включения женщин в политику действуют квотирование на уровне национального законодательства и добровольное квотирование со стороны партий. Тем не менее искусственное выдвижение слабых кандидатов-женщин, которые не находят поддержки среди избирателей, обеспечивают сильным кандидатам-мужчинам гарантированную избираемость. Особенно это присуще правым популистским политическим партиям. Данная тенденция характерна для большинства стран Европы. Кроме квотирования в европейских странах используют образовательную и социальную политику, позволяющую минимизировать давление гендерных стереотипов и расширять практики политического участия женщин на всех уровнях власти. Данные действия дают положительные результаты, поскольку в сегодняшнем созыве Европарламента женщины представлены больше, чем в предыдущие созывы.

Ключевые слова: политические партии, гендерное равенство, женщины в политике, выборы, левые партии, популистские партии, гендерные квоты, феминизм.

Для цитирования: Великая, Н.М., Берёзкина, Е.Ю. Особенности женского представительства в законодательных органах власти Европы: левые против популистов // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 8-23. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.1. EDN HBDIZD

Введение. Изменение партийно-политического ландшафта в Европе в течение последних электоральных циклов, связанное с усилением правых и популистских политических сил, сопровождалось определённым наступлением на права женщин [1, с. 119].

На фоне кризиса традиционных политических партий, потери их популярности среди избирателей обращает на себя внимание факт усиления разнород-

ных женских движений, благодаря которым гендерный дискурс приобретает конфликтные формы, демонстрируя тенденцию к обострению. По мнению М. Кастельса, «деятельность “старых” женских общественных организаций сопровождается нарастанием значимости и влиятельности новых социальных движений и медиа» [2], которые включают в активные политические практики все большее количество граждан.

Это закономерным образом усилило исследовательский интерес к гендерной проблематике в политическом пространстве, поставило перед учеными задачу расширения исследовательских стратегий и применения комплексного подхода с опорой на качественные методы [3].

Работы, посвященные представленности женщин в политике можно разделить на несколько групп. Основная масса исследователей фокусируются на описании региональных или страновых особенностей участия женщин в политике. К таким исследованиям можно отнести статьи С. Глас о представленности женщин в арабских странах Персидского залива [4], Д. Т. Агбаладжоби о ситуации в Нигерии [5], Й. Кантола и Э. Лобардо – сравнительный анализ ситуации в Финляндии и Испании [6], работа М. А. Мира и Дж. А. Бхата о гендерном равенстве в Индии [7], а также сборник публикаций об участии женщин в политике в странах Латинской Америки под редакцией Л. А. Швиндт-Байер [8]. В центре внимания других работ осмысление гендерного равенства в различных странах происходит через призму исследуемой проблемы: насилие в отношении женщин (Ф. Бироли [9]), экономика в рецессии (Й. Кантола и М. Верло [10]). Третья группа исследований анализирует процессы, возникающие как реакция на проводимую политику по достижению гендерного равенства, к таким работам относятся публикации И. Энжели и Э. Мазур [11], а также М. Равлушко [12].

В российских исследованиях вопрос гендерного равенства рассматривается как социальная проблема без акцента на политическом участии женщин, но часть авторов рассматривает эту проблему в нормативно-правовом ракурсе. Среди последних работ можно выделить публикации следующих авторов: О. А. Воронина [13], К. Хонкелдиева и З. Фарохиддинова [14], И. Е. Калабихина [15], Г. Р. Тожибова [16], С. Г. Асланян [17]. Однако ощущается недостаток работ, отражающих исследования на эмпирических данных, о том, как именно выражается гендерное неравенство женщин в политике и их представленность в законодательных органах.

Цель статьи – рассмотреть включенность гендерной тематики в избирательные стратегии европейских политических партий разной направленности.

Эмпирическая база статьи – электоральная статистика и статистические данные, в частности, результаты выборов в Европарламент в 2019 году, материалы Евразийского форума, данные о распределении депутатских мандатов между мужчинами и женщинами в национальных парламентах стран ЕС, данные Совета Европы об распределении долей участия мужчин и женщин в принятии решений, статистические данные Института политических исследований и консалтинга «Political Capital», а также данные Международного института демократии и содействия выборам (IDEA) о наличии квот для женщин в европейских правых политических партиях и данные Женского социалистического Интернационала о квотах для женщин в европейских партиях социалистического толка. Кроме того, в качестве эмпирической базы использовался контент-анализ партийных программ следующих политических партий: Социал-демократическая партия Германии (SPD), Свободная демократическая партия Германии (FDP), «Защита человека, природы и животных» (Tierschutzpartei),

«Альтернатива для Германии» (AFF), «Лига» (Lega), «Братья Италии» (FdI), «Вперед, Италия» (FI).

Противостояние левых и правых в современной европейской политике.

В политическом пространстве современной Европы левая часть спектра представлена в основном традиционными социально-демократическими политическими и коммунистическими движениями и партиями, среди которых как партии классического толка, с устойчивыми брендами (Социалистическая партия Франции, Социал-демократическая партия Германии, Народная партия Европы), так и новыми объединениями (Партия зеленых, Обновление Европы, Конфедеративная группа объединённых левых Европы / Нордик левые зелёные).

В рядах правых доминирующую роль играют новые правопопулистские партии (в Германии: «Альтернатива для Германии», в Италии: «Лига», «Братья Италии», «Вперед, Италия», во Франции: «Национальное объединение»), которые аккумулируют недовольство избирателей миграционной и интеграционной политикой ЕС и выражают по-европейски традиционалистский взгляд на социальную политику и роли женщины в обществе.

Противостояние левых и правых популистов обострено глобализационными процессами, что особенно ярко отражается в публичном пространстве. Политический дискурс партий и их лидеров становится полем гендерных конфликтов. Усложнившееся пространство идентичностей сформировало новые социальные практики, что привело к трансформации семейных отношений и форм родительства и вызывает масштабную политическую полемику.

Распределение мест в национальных парламентах стран ЕС между женщинами и мужчинами неравномерно. Относительно равные пропорции достигнуты в странах с наивысшим индексом гендерного равенства и сильными позициями социально-демократических партий. Несмотря на то, что в большинстве стран ЕС показатель представленности женщин в национальных парламентах выше, чем в среднем по миру (24,9% в 2020 г. и 22,1% в 2015 г.)¹, в 8 странах доля женщин в национальных парламентах ниже среднемировых.

Таблица 1

Женщины в национальных парламентах стран ЕС, %

Страна	Доля мужчин в парламенте ЕС	Доля женщин в парламенте ЕС
Австрия	60,2	39,8
Бельгия	56,7	43,3
Болгария	72,9	27,1
Венгрия	87,4	12,6
Германия	68,6	31,4
Греция	78,3	21,7
Дания	60,3	39,7
Кипр	77,8	22,2

¹ Материалы Евразийского женского форума 2021. URL: <https://u.to/L1RIHA> (дата обращения: 28.07.2022).

Окончание табл. 1

Страна	Доля мужчин в парламенте ЕС	Доля женщин в парламенте ЕС
Ирландия	72,7	27,3
Испания	57,8	42,2
Италия	64,4	35,6
Латвия	71	29
Литва	73,8	26,2
Люксембург	68,3	31,7
Мальта	86,6	13,4
Нидерланды	67,1	32,9
Польша	72,3	27,7
Португалия	60,5	39,5
Румыния	80	20
Словакия	77,3	22,7
Словения	78,6	21,4
Финляндия	54	46
Франция	61,4	38,6
Чехия	79,6	20,4
Швеция	50,4	49,6
Хорватия	69,9	31,1
Эстония	70,3	29,7

Источник: Статистические данные о распределении депутатских мандатов между женщинами и мужчинами в национальных парламентах стран ЕС (Gender statistics database: National parliaments: presidents and members), Европейский институт гендерного равенства (European Institute for Gender Equality)².

Наряду с национальными выборами, выборы в Европарламент являются своеобразным индикатором гендерного баланса в политике. Однако в среднем доля женщин среди членов парламента в странах Европы остается ниже критической отметки в 40%, которая в Евросоюзе считается минимально необходимой (см. табл. 1).

Между тем, в Европарламент, по результатам выборов 2019 года, вошло 302 женщины, что составляет 40,4% от общего депутатского корпуса. Однако стоит отметить, что не все страны ЕС включают женщин в деятельность Европарламента равномерно. Например, от Италии количество женщин-депутатов составляет всего 22,8% [18]. Это самый высокий показатель за все годы существования Европарламента и на 8 пунктов больше, чем это было в 2014 году (см. табл. 2).

² Gender statistics database: National parliaments: presidents and members // European Institute for Gender Equality. URL: <https://u.to/cG5DHhA> (дата обращения: 22.06.2022).

Таблица 2

Женщины члены Европарламента от стран-членов (2020)

Страна	Доля женщин в Европарламенте от страны (в %)	Общее количество мест	Наличие квот
Финляндия	57,1	14	нет
Швеция	52,4	21	нет
Люксембург	50	6	50%
Латвия	50	8	нет
Мальта	50	6	нет
Словения	50	8	40%
Дания	50	14	нет
Франция	49,4	79	50%
Нидерланды	48,3	29	нет
Португалия	47,6	21	33%
Ирландия	46,2	13	нет
Испания	44	59	40%
Австрия	42,1	19	нет
Хорватия	41,7	12	40%
Венгрия	40	20	нет
Италия	39,5	76	50 %
Бельгия	38,1	21	50%
Германия	36,5	96	нет
Польша	34,6	52	35%
Чехия	33,3	21	нет
Болгария	29,4	17	нет
Эстония	28,6	7	нет
Литва	27,3	11	нет
Греция	28,6	21	33%
Словакия	21,4	14	нет
Румыния	18,2	33	>0
Кипр	0	6	нет
ЕС	38,9	704	–

Источник: составлено авторами на основании данных с сайта Европейского Парламента³.

И хотя пост спикера ЕП до 2022 г. занимает представитель ПЕС (Партия европейских социалистов) из Италии Д. Сассоли, по оценкам экспертов есть вероятность, что следующие 2,5 года этот пост сможет занять женщина, которая будет представлять ЕНП (Европейскую народную партию) [19].

³ Members of the European Parliament // European Parliament. URL: <https://u.to/rG5DHA> (дата обращения: 26.04.2020).

Отдельно стоит остановиться на гендерном соотношении внутри европейских партий. Включение женщин в партийные списки – важный показатель готовности партии заниматься гендерно-ориентированными проблемами, к которым относятся включенность женщин в экономическую деятельность, поддержка семей, особенно с детьми, стимулирование рождаемости, доступность детских садов и школ, а также борьба с проявлением насилия в отношении женщин и детей.

Рассматривая состав представленных в Парламенте фракций, обратим внимание на отсутствие гендерного паритета: лишь в «Партии зеленых» представлено 52,7% женщин и установлено гендерно-сбалансированное руководство (Ска Келлер и Филипп Ламбертс). Практически достигли равного представления партии «Обновление Европы» (47% женщин), «Конфедеративная группа объединённых левых Европы / Нордик левые зелёные» (43,9%) и «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» (43,5%). Остальные группы всё ещё отстают от сбалансированных показателей: в составе «Идентичности и демократии» 39,7% женщин, в «Народной партии Европы» – 34,1%, а в «Европейских консерваторах и реформистах» – всего 32,3% женщин⁴ (см. табл. 3).

Таблица 3

Женщины в политических партиях Европарламента (2019), %

Название партии	Доля женщин
Европейская народная партия (EPP)	25,58
Прогрессивный альянс социалистов и демократов (S&D)	17,19
Альянс либералов и демократов за Европу (ALDE)	16,69
Зеленые – Европейский свободный альянс (G/EFA)	11,63
Европейские объединенные левые – Лево-зеленые Севера (GUE/NGL)	11,30
Европа за свободу и демократию (EFDD)	6,48
Европейские консерваторы и реформисты (ECR)	5,73
беспартийные (NI)	5,40

Источник: составлено авторами на основании данных с сайта Европейского Парламента⁵.

Наименьшее количество женщин представляют правые и правоцентристские партии, являющиеся проводниками политики евроскептиков, консерваторов и противников миграционных процессов в ЕС.

Тот факт, что максимальная представленность женщин имеет место в партиях левой части спектра и у зеленых, вполне закономерен. Повторим, что именно к концу XX века партии социалистического толка ввели практику активного включения женщин в политический и избирательный процесс, принимая сначала на партийном уровне определённые административные решения, обеспечивающие представленность женщин как в руководящих органах партии, так и в партийных списках во время выборов [20]. В «Декларации принципов», принятой в 2011 году «Партией европейских социалистов», лучшее будущее подразумевает гендерное равенство, означающее что «мужчины и женщины

⁴ Там же.

⁵ Там же.

должны в равной степени распределять работу, власть, время и роли как в государственном, так и в частном секторах» [21].

Анализ программ политических партий социалистической направленности [22] показал, что наряду с тем, что практически каждая из представленных 27 партий из 21 страны мира заявляет своими ключевыми проблемами борьбу с социальным неравенством и кризис демократических институтов, далеко не все включают повестку гендерного равенства в программные документы. Испанская социалистическая рабочая партия, одна из старейших партий, имеющая 120 из 350 мест в Конгрессе депутатов и 21 место в Европарламенте, предлагает комплексный план по решению проблемы занятости женщин, чтобы сократить гендерный разрыв на рынке труда. Этот план рассматривается как дополнение к закону о гарантиях равных возможностей для мужчин и женщин в сфере занятости. Социалистическая партия Сербии называет современный капитализм «диким» и предлагает активные меры по борьбе с безработицей за счёт бюджета, в том числе создание условий для лучшего совмещения работы, семьи и личной жизни. Из новых партий можно назвать «Непокорённую Францию», основанную в 2016 году, которая предлагает применять финансовые санкции к предприятиям, где нарушаются равенство зарплат мужчин и женщин.

Политика квотирования и расширения представительства женщин в органах власти. Важнейшим инструментом реализации гендерного равенства в политике и управлении являются квоты. На сегодняшний день 75% государств – членов Совета Европы имеют законодательно закреплённую или добровольную систему квот. По рекомендации Совета Европы в партийных списках квота на женщин должна составлять не менее 40% [23].

Вместе с тем, эти положения носят рекомендательный характер и не все политические партии им следуют. В различных партиях социалистической направленности квоты на женщин варьируются от 20% до 50% (см. табл. 4). Обратим внимание, что квоты ниже рекомендованной, как правило, принимают политические партии в новых странах-членах Евросоюза. Речь идет о странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза (Румыния, Словакия, Чехия, Болгария, Литва).

Обратим внимание и на то, что квоты используются двояко. В случае, когда они применяются при формировании партийных списков, они действительно позволяют обеспечить определённое представительство женщин в списке для голосования (30, 40 или 50%). При этом в ряде случаев оговаривается даже очерёдность и последовательность представления в списке, например, «мужчина, женщина, мужчина, женщина» и т.д.

Другой формат квотирования – это включение женщин в руководящие органы политических партий, что само по себе значимо, однако не является стимулированием к участию женщин в избирательном процессе.

Один из первых законов, установивших квоту в 25% для партийных списков на национальном уровне, был принят в 1994 в Бельгии. Позже эта квота была увеличена до 30%. В 1995 г. подобный закон был принят в Финляндии. В свою очередь, французские социалисты в 1999 г. смогли провести поправку в Конституцию, гарантирующую равный доступ мужчинам и женщинам к электоральным мандатам, чем обеспечили гендерный паритет в рамках политического процесса. При этом партии, превышающие разрыв между мужчинами и женщинами в списке на 2%, выплачивают штраф⁶.

⁶ Balanced Participation of Women and Men in Decision-Making: Analytical Report – 2016 / Gender Equality Commission (GEC) // The Council of Europe. URL: <https://u.to/2oJDHA> (дата обращения: 05.05.2021).

Таблица 4

**Европейские политические партии социалистического толка,
принявшие квоты для женщин**

Страна	Партия	Квота
Албания	Социалистическая партия Албании (PSSH)	30% для женщин
Австрия	Социалистическая партия Австрии	40% для каждого пола
Бельгия	Социалистическая партия Валлонии PS	20% для женщин
	Фламандская социалистическая партия (Socialistische Partij Anders, SPA)	25%
Босния и Герцеговина	Социалистическая партия Боснии и Герцеговины (SDP BiH)	40% для представителей каждого пола
Болгария	Социал-демократическая партия Болгарии (PBSD)	30% только для партийных структур
Германия	Социал-демократическая партия Германии (SPD)	40% для представителей каждого пола
Греция	ПАСОК (PASOK)	40% для каждого пола и для партийных структур
Хорватия	Социал-демократическая партия Хорватии (SDP)	40% для представителей каждого пола
Кипр	Movement of Social Democrats EDEK	25%
Республика Чехия	Чешская социал-демократическая партия (CSSD)	25% только для партийных структур
Дания	Социал-демократическая партия Дании (SDP)	40% для представителей каждого пола и партийных структур
Финляндия	Социал-демократическая партия Финляндии (SDP)	40% для представителей каждого пола и партийных структур
Франция	Социалистическая партия Франции (PS)	50%
Венгрия	Венгерская социалистическая партия (MSzP)	20% квота для женщин
Ирландия	Ирландская партия лейбористов (The Labour Party)	25% квота для женщин
Италия	Партия социалистов Италии (PSI)	66% для представителей каждого пола и в партийных структурах
Литва	Литовская социал-демократическая партия (LSDP)	30% для женщин
Черногория	Социал-демократическая партия Черногории (SDP)	30% для женщин
Норвегия	Народная партия Норвегии (DNA)	40% для представителей каждого пола
Португалия	Социалистическая партия Португалии (PS)	33% для представителей каждого пола
Румыния	Румынская социал-демократическая партия (PSD)	25% для женщин

Окончание табл. 4

Страна	Партия	Квота
Словакия	Социал-демократическая партия Словакии (SMER)	20% для женщин
Испания	Испанская социалистическая партия (PSOE)	40% для представителей каждого пола
Швеция	Социал-демократическая рабочая партия Швеции (SAP)	50%
Швейцария	Социал-демократическая партия (SP/PS)	50%

Источник: составлено авторами на основе данных сайта «Женский социалистический Интернационал»⁷.

Семь стран ЕС (Бельгия, Греция, Испания, Польша, Португалия, Словения и Франция) установили гендерные квоты (от 35% до 50%) при выборах в местные органы власти, что позволило поднять политическую активность женщин. Десять европейских стран имеют гендерные квоты (от 30% до 40%) при избирательном процессе в нижнюю палату, среди них есть лидеры в уровне гендерного паритета: Бельгия (42,7% женщин), Испания (47,4%) и Франция, чья доля женщин увеличилась с 18,5% в 2008 году до 39,7% в 2019 г.

Практически во всех странах ЕС часть партий социалистического толка ввели квотирование для женщин или для обоих полов. Минимальный процент присутствия женщин в партийных списках находится на уровне 20%. В странах с наибольшим гендерным разрывом установлены минимальные квоты (Венгрия), в то время как партии стран с минимальным гендерным неравенством установили самые высокие квоты (Швеция – 50% и Финляндия – 40%).

Добровольное квотирование участия женщин менее распространено в правых политических партиях. Лишь в 4 странах ЕС удалось обнаружить данные об установленных квотах. Это объясняется тем, что правые партии ориентированы на консервативно-настроенных избирателей, которые не видят для женщин возможность сменить традиционную роль и активно принимать участие в процессе принятия решений и управлении государством.

Таблица 5

Европейские правые политические партии, принявшие квоты для женщин

Страна	Партия	Квота
Австрия	Австрийская народная партия (ÖVP)	33,3% для женщин в партийных списках
Испания	Канарская коалиция (Canarian Coalition)	40% для представителей обоих полов
Словакия	Союз новых граждан (Alliance of the New Citizen)	33% для женщин
Швеция	Умеренная коалиционная партия (Moderate Party)	2 женщины и 2 мужчины должны возглавлять партийные списки

Источник: данные Международного института демократии и содействия выборам (International Institute for Democracy and Electoral Assistance, IDEA)⁸.

⁷ Socialist International Women. URL: <http://www.socintwomen.org/en/members.html> (дата обращения: 21.09.2021).

⁸ Voluntary political party quotas // International Institute for Democracy and Electoral Assistance. URL: <https://u.to/sXBDHA> (дата обращения: 23.11.2021).

Второй важнейший механизм включения женщин в политический процесс и продвижения женщин в политике – это работа гендерных фракций и внутри-партийных гендерных организаций.

Эта практика довольно широко используется левыми политическими партиями как на национальном, так и на субнациональных уровнях. Практически в каждой социалистической и социал-демократической партии Европы есть своя женская организация, которые объединяются в Женский Социинтерн (Socialist International Women)⁹, а на европейском уровне работает организация при партии европейских социалистов – PES Women¹⁰.

Представители «Социал-демократической партии Германии» (SPD) и «Свободной демократической партии Германии» (FDP) во время избирательной кампании в Европарламент активно освещали в своем дискурсе гендерные темы (семья, женщины, аборты, домашнее насилие), однако, ключевыми вопросами в их повестке остались вопросы экономического развития и благосостояния. Энвайронменталистская партия Германии «Защита человека, природы и животных» (Tierschutzpartei) в своем дискурсе не акцентирует внимание на женщинах, но выступает за равноправие вне зависимости от гендера.

Рассматривая отношение к гендерной проблематике в современной Европе, обратим внимание на широкую представленность левых политических партий в политическом пространстве. Здесь мы должны упомянуть и старые, традиционные политические движения, такие как коммунистические, социалистические и социал-демократические партии, и новые общественные объединения – «Сириза» (Греция), «Подemos» (Испания), «Пять звезд» (Италия), «Народная партия» (Румыния), – которые ряд политологов называют популистскими [23]. Они тоже достаточно активно старались включать женщин в избирательный процесс в последние годы. Например, партия «Movimento 5 Stelle» (5 звезда) отбирала кандидатов с помощью голосования на платформе «Руссо» (Rousseau) и среди 76 отобранных кандидатов было 44 женщины¹¹. При этом лидер партии Луиджи Ди Майо в каждом избирательном округе поставил женщину во главе списков кандидатов, что позволило привлечь дополнительный электорат в поддержку женщин.

Правые партии также активно включают женщин в избирательные списки, однако стоит отметить, что такое включение чаще всего носит вынужденный характер из-за особенностей электорального законодательства. Например, в Италии на выборах в Европарламент в 2019 г. можно было выбрать до 3 кандидатов в своем избирательном округе, но при этом нельзя, чтобы все трое были одного пола¹². Итальянские правые подошли к решению этого вопроса по-разному: «Лига» включила в списки 35 женщин из 72 кандидатов; «Вперед, Италия» – 37 женщин из 73 кандидатов и «Братья Италии» – 37 женщин из 72 кандидатов. При этом женщины-депутаты были избраны только от «Лиги», представительницы «Вперед, Италия» и «Братья Италии» потерпели поражение.

Гендерные темы в дискурсе представителей правых партий упоминаются,

⁹ Socialist International Women [официальный сайт]. URL: <http://www.socintwomen.org.uk/en/> (дата обращения: 27.11.2021).

¹⁰ Официальный сайт организации при партии европейских социалистов PES Women. URL: <https://pes.eu/es/pes-women/> (дата обращения: 27.11.2021).

¹¹ Ritzzuti, S. Elezioni europee 2019: i candidati del Movimento 5 Stelle e le liste per circoscrizione // Fanpage.it. 06.05.2019. URL: <https://u.to/LnFDHA> (дата обращения: 05.05.2021).

¹² Berlini, A. Elezioni Europee, tutte le liste e i candidati all'Europarlamento // Today.it. 25.03.2019. URL: <https://u.to/5asbGw> (дата обращения: 01.02.2021).

но служат инструментом оправдания консервативной политики и сохранения статуса и положения женщины на традиционном для Европы уровне. О правах женщин, защите семей, материнства и детства чаще говорят как об аргументах для реализации антииммиграционной политики. Так, во время избирательной кампании в Европарламент 2019 г., представители правых партий Маттео Сальвини и Джорджиа Мелони в 3-4 раза чаще упоминали в своем дискурсе социальные гарантии и права традиционных семей, в том числе и женщин, чем представители левых партий.

Ультраправая партия «Альтернатива для Германии» (AFD) в дискурсе выступает за равные права для женщин и мужчин, но использует исключаящую дискриминационную полемику, противопоставляя носителей европейской культуры носителям неевропейской культуры, т.е. мигрантам-мусульманам.

По данным Европейского социального исследования (ESS) и его индекса «Спрос на правый экстремизм» (the Demand for Right-Wing Extremism (DEREX) Index) в Европейском Союзе сохраняется интерес к равноправию в странах с наибольшим гендерным неравенством¹³. Вместе с тем, в странах с наивысшим показателем интереса к правым партиям доля участия женщин невелика, хотя и встречаются исключения. Женщины-кандидаты заметно менее успешны, что говорит о том, что несмотря на попытки квотирования, заключающиеся в искусственном выдвигании слабых кандидатов-женщин, последние не находят поддержки и обеспечивают сильным кандидатам-мужчинам гарантированную избираемость.

Заключение. Деятельность Совета Европы, принимаемые директивы, которые связаны с равными возможностями мужчин и женщин, документы, принимаемые Европарламентом, а также партийная политика говорят о том, что институциональная и законодательная база в сфере обеспечения гендерного равноправия в ЕС сложились.

Реализация пассивного и активного избирательного права путём участия женщин в деятельности политических партий, отражение повестки гендерного равенства в программных документах политических партий позволяют маркировать публичную политику как трансформирующееся пространство, где актуальная повестка меняется в соответствии с общественными потребностями, а доля женщин на уровне принятия политических решений растёт.

Эффективным механизмом, обеспечивающим достижение гендерного равенства в современной европейской политике, считают квоты для женщин, закреплённые либо в национальном законодательстве, либо в партийных документах, а также соответствующую образовательную и социальную политику, позволяющую минимизировать давление гендерных стереотипов и расширять практики политического участия женщин на всех уровнях власти. По итогам прошедших в 2019 г. выборов в Европарламент удалось заметно улучшить показатели гендерного равенства в ведущих политических институтах Евросоюза.

Вместе с тем, даже при наличии квот, женщины-кандидаты заметно менее успешны, что говорит о том, что несмотря на попытки квотирования, заключающимся в искусственном выдвигании слабых кандидатов-женщин, они не находят поддержки и обеспечивают сильным кандидатам-мужчинам гарантированную избираемость [24].

¹³ Спрос на правый экстремизм (The Demand for Right-Wing Extremism (DEREX) Index). Данные исследования Института политических исследований и консалтинга «Political Capital». URL: <http://derexindex.eu/countries> (дата обращения: 30.11.2021).

Что касается Российской Федерации, здесь на сегодняшний день не существует специальных законов, направленных на достижение гендерного баланса в органах власти и управления, а уровень представленности женщин существенно отстает от европейских стандартов и составляет порядка 15% на федеральном уровне законодательной власти, около 14% в законодательных собраниях субъектов федерации и около 50% в местных органах власти. Политические партии в РФ пока тоже не готовы принимать решения, направленные на продвижение женщин в политику, поэтому вопрос о квотах ни в рамках партийных структур, ни в рамках избирательных списков не поднимается.

Между тем, социологи фиксируют все больший интерес женщин к гражданской активности и политической деятельности. Считаем, что для становления партисипаторной демократии требуются определенные действия органов власти, политических партий и общественных организаций, которые подразумевают не только принятие соответствующих законов и формальных внутрипартийных правил, но и реализацию на практике различных форм участия женщин в политическом процессе.

Библиографический список

1. *Anselmi, M.* Populism. An introduction. London : Routledge, Taylor & Francis Group, 2017. 130 p. ISBN 978-1315268392.
2. *Кастельс, М.* Власть коммуникации: учеб. пособие. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с. ISBN 978-5-7598-1009-4.
3. *Fonow, M. M., Cook, J. A., Jorge, J. A.* Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy // *Signs Journal of Women in Culture and Society*. 2005. Vol. 30, No. 4. Pp. 2211-2236. DOI [10.1086/428417](https://doi.org/10.1086/428417).
4. *Glas, S., Spierings, N., Lubbers, M., Scheepers, P.* How Politics Shape Support for Gender Equality and Religiosity's Impact in Arab Countries // *European Sociological Review*. 2019. Vol. 35, No. 3. Pp. 299-315. DOI [10.1093/esr/jcz004](https://doi.org/10.1093/esr/jcz004). EDN [NEBIOQ](https://www.edn.net/NEBIOQ).
5. *Agbalajobi, D. T., Oluwalogbon, L. A.* The Nigerian senate and the politics of the non-passage of the gender equality bill // *African Journal of Political Science and International Relations*. 2019. Vol. 13(3). Pp. 17-23. DOI [10.5897/AJPSIR2019.1150](https://doi.org/10.5897/AJPSIR2019.1150).
6. *Kantola, J., Lombardo, E.* Populism and feminist politics: The cases of Finland and Spain // *European Journal of Political Research*. 2019. Vol. 58, Issue 4. Pp. 1108-1128. DOI [10.1111/1475-6765.12333](https://doi.org/10.1111/1475-6765.12333).
7. *Mir, M. A., Bhat, J. A.* The Politics of Inclusion and Equality in India: A Gender Perspective // *Journal of Positive School Psychology*. 2022. Vol. 6, No. 3. Pp. 10045-10050.
8. *Gender and representation in Latin America* / Ed. by L. A. Schwindt-Bayer. New York : Oxford University Press, 2018. 350 p. ISBN 978-0190851224.
9. *Biroli, F.* Violence against Women and Reactions to Gender Equality in Politics // *Politics & Gender*. 2018. Vol. 14, Issue 4. Pp. 681-685. DOI [10.1017/S1743923X18000600](https://doi.org/10.1017/S1743923X18000600).
10. *Kantola, J., Verloo, M.* Revisiting gender equality at times of recession: a discussion of the strategies of gender and politics scholarship for dealing with equality // *European Journal of Politics and Gender*. 2018. Vol. 1, Issue 1-2. Pp. 205-222. DOI [10.1332/251510818X15272520831139](https://doi.org/10.1332/251510818X15272520831139).
11. *Engeli, I., Mazur, A.* Taking implementation seriously in assessing success: the politics of gender equality policy // *European Journal of Politics and Gender*. 2018. Vol. 1, Issue 1-2. Pp. 111-129. DOI [10.1332/251510818X15282097548558](https://doi.org/10.1332/251510818X15282097548558).
12. *Rawłuszko, M.* And If the Opponents of Gender Ideology Are Right? Gender Politics, Europeanization, and the Democratic Deficit // *Politics & Gender*. 2019. Vol. 17, Issue 2. Pp. 301-323. DOI [10.1017/S1743923X19000576](https://doi.org/10.1017/S1743923X19000576).
13. *Ворогина, О. А.* Гендерное равенство в России: роль женского движения, гендерного сообщества и государства // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика* : Материалы междунар. науч. конф. (Москва-Иваново-Плес, 16-18 мая 2019 г.). Москва-Иваново-Плес : Ивановский государственный университет, 2019. С. 11-18. EDN [ZBSTRI](https://www.edn.net/ZBSTRI).

14. *Хонкелдиева, К., Фарохиддинова, З.* Гендерное равенство как ценность права // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы : Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 24 июня 2020 г.). Вологда : ООО «Маркер», 2020. С. 61-62. EDN [SGQNTQ](#).

15. *Калабихина, И. Е.* Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство? // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 3-16. DOI [10.21064/WinRS.2021.2.1](#). EDN [NOVVHY](#).

16. *Тожибова, Г. Р., Бекирова, Э. Р.* Актуализация гендерного равенства в современном обществе // Academic research in educational sciences. 2020. Vol. 1, Issue 4. С. 389-395.

17. *Асланян, С. Г.* Обеспечение гендерного равенства посредством уголовно-правовых норм : автореферат дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / Асланян Сурен Георгиевич. Краснодар, 2019. 27 с.

18. *Березкина, Е. Ю.* Гендерная тема в избирательных кампаниях итальянских populistских партий на выборах в Европарламент в 2019 г.: дискурс в СМИ и социальных сетях // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 58-68. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.5](#). EDN [ANRICI](#).

19. *Гуселтов, Б. П.* Итоги европейских выборов 2019: новая расстановка сил в Европарламенте и Еврокомиссии, включая гендерный аспект // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2, № 4. С. 10-16. DOI [10.33693/2658-4654-2020-2-4-10-16](#). EDN [LOGULY](#).

20. *Sundstrom, A., Stockemer, D.* Political party characteristics and women representation: the case of the European Parliament // Representation. 2022. Vol. 58. Issue 1. Pp. 119-137. DOI [10.1080/00344893.2021.1898458](#).

21. *Великая, Н. М.* Реализация прав женщин в области политического представительства на местном уровне: социологический анализ // Права человека: формы реализации и способы защиты в исторической ретроспективе (российский и зарубежный опыт) : сб. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. в рамках Саратовского междунар. юридич. форума (Саратов, 08 июня 2021 г.). Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 13-19. EDN [CTTOQV](#).

22. За что ведут борьбу социалисты сегодня? / Сост. А. К. Никитин. Москва : Ключ-С, 2021. 128 с. ISBN 978-5-6046085-4-8.

23. *Santana, A., Rama, J.* Electoral Support for Left Wing Populist Parties in Europe: Addressing the Globalization Cleavage // European Politics and Society. 2018. Vol. 19. Issue 5. Pp. 558-576. DOI [10.1080/23745118.2018.1482848](#).

24. *Wauters, B., Maddens, B., Put, G.-J.* It takes time: the long-term effects of gender quota // Representation. 2014. Vol. 50. Issue 2. Pp. 143-159. DOI [10.1080/00344893.2013.860911](#).

Дата поступления в редакцию: 23.07.2022.

Принята к печати: 13.08.2022.

Сведения об авторах:

Наталья Михайловна Великая, доктор политических наук, зам. директора по научной работе, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: natalivelikaya@gmail.com

Author ID РИНЦ: 286986

ORCID: 0000-0001-5532-844X

Researcher ID (WoS): A-9577-2017

Scopus ID: 8438345700

Елена Юрьевна Берёзкина, аспирант, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; старший преподаватель, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. Москва, Россия.

e-mail: euproskurina@gmail.com

Author ID РИНЦ: 733398

N. M. Velikaya¹, E. Yu. Berezkina^{1,2}

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

²Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia.

HOW DO WOMEN ARE REPRESENTED IN THE EUROPEAN LEGISLATIVE ASSEMBLIES: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEFT AND POPULIST POLITICAL PARTIES' PRACTICES

Abstract. The article is devoted to the problem of gender equality in politics and the representation of women in legislative bodies in Europe. The authors draw attention to the fact that the role of women in the European political landscape is increasing against the background of the crisis of traditional political parties. There is a relationship between the percentage of women involved in the work of legislative bodies and the political orientation of the parties that nominated them. As a hypothesis, the idea is accepted that the countries with the highest gender equality index and strong positions of social democratic parties are main donors for women in politics. Populist parties are mainly supporters of classical European traditionalism, therefore, in countries with strong right-wing populist parties' women are less represented and there is an uneven distribution of legislative seats in favor of men.

By analysing the empirical base (electoral statistics and discourse analysis), the authors come to the conclusion that gender parity has not been achieved in the most European countries. The most effective way to enforce women representation in the European legislative bodies is to implement quotas at the level of national legislation, as well as to use of voluntary party quotas. However, the artificial nomination of weak female candidates who do not find support among voters and thus ensure guaranteed electability for strong male candidates. This is especially true for right-wing populist political parties, furthermore this trend is typical for most European countries. In addition to quotas, the European countries use special educational and social policies to minimise the pressure of gender stereotypes and expand the practice of women's political participation at all levels of government, which has yielded positive results; in today's convocation of the European Parliament, women are represented more than in previous convocations.

Keywords: political parties, gender equality, women in politics, left parties, populist parties, gender quotas, feminism.

For citation: Velikaya, N.M., Berezkina, E.Yu. (2022) How do women are represented in the European legislative assemblies: comparative analysis of the left and populist political parties' practices. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 8-23. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.1

References

1. Anselmi, M. (2017) *Populism. An introduction*. London, Routledge, Taylor & Francis Group. 130 p. ISBN 978-1315268392 (in Eng.).
2. Castells, M. (2016) *Communication power*. Moscow, HSE Publ. 564 p. ISBN 978-5-7598-1009-4 (in Russ.).
3. Fonow, M. M., Cook, J. A., Jorge, J. A. (2005) Feminist methodology: new applications in the academy and public policy. *Signs Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 30. No. 4. Pp. 2211-2236. DOI [10.1086/428417](https://doi.org/10.1086/428417) (in Eng.).
4. Glas, S., Spierings, N., Lubbers, M., Scheepers, P. (2019) how politics shape support for gender equality and religiosity's impact in Arab countries. *European Sociological Review*. Vol. 35. No. 3. Pp. 299-315. DOI [10.1093/esr/jcz004](https://doi.org/10.1093/esr/jcz004) (in Eng.).
5. Agbalajobi, D. T., Oluwalogbon, L. A. (2019) The Nigerian senate and the politics of the non-passage of the gender equality bill. *African Journal of Political Science and International Relations*. Vol. 13(3). Pp. 17-23. DOI [10.5897/AJPSIR2019.1150](https://doi.org/10.5897/AJPSIR2019.1150) (in Eng.).

6. Kantola, J., Lombardo, E. (2019) Populism and feminist politics: The cases of Finland and Spain. *European Journal of Political Research*. Vol. 58. Issue 4. Pp. 1108-1128. DOI [10.1111/1475-6765.12333](https://doi.org/10.1111/1475-6765.12333) (in Eng.).
7. Mir, M. A., Bhat, J. A. (2022) The politics of inclusion and equality in India: A gender perspective. *Journal of Positive School Psychology*. Vol. 6. No. 3. Pp. 10045-10050 (in Eng.).
8. Schwindt-Bayer, L. A. (ed.) (2018) *Gender and representation in Latin America*. New York, Oxford University Press. 350 p. ISBN 978-0190851224 (in Eng.).
9. Biroli, F. (2018) Violence against women and reactions to gender equality in politics. *Politics & Gender*. Vol. 14. Issue 4. Pp. 681-685. DOI [10.1017/S1743923X18000600](https://doi.org/10.1017/S1743923X18000600) (in Eng.).
10. Kantola, J., Verloo, M. (2018) Revisiting gender equality at times of recession: a discussion of the strategies of gender and politics scholarship for dealing with equality. *European Journal of Politics and Gender*. Vol. 1. Issue 1-2. Pp. 205–222. DOI [10.1332/251510818X15272520831139](https://doi.org/10.1332/251510818X15272520831139) (in Eng.).
11. Engeli, I., Mazur, A. (2018) Taking implementation seriously in assessing success: the politics of gender equality policy. *European Journal of Politics and Gender*. Vol. 1. Issue 1-2. Pp. 111–129. DOI [10.1332/251510818X15282097548558](https://doi.org/10.1332/251510818X15282097548558) (in Eng.).
12. Rawłuszko, M. (2019) And if the opponents of gender ideology are right? Gender politics, europeanization, and the democratic deficit. *Politics & Gender*. Vol. 17. Issue 2. Pp. 301-323. DOI [10.1017/S1743923X19000576](https://doi.org/10.1017/S1743923X19000576) (in Eng.).
13. Voronina, O. V. (2019) Gender equality in Russia: the role of women movement, gender society and a state. *Gender relations in the modern world: management, economy, social policy*. Proc. of the intern. scientific conf. Moscow-Ivanovo-Ples, Ivanovo State University. Pp. 11-18 (in Russ.).
14. Khonkeldiyeva, K., Farokhildinova, Z. (2020) Gender equality as a value of law. *Science today: facts, trends, forecasts*. Proc. of the intern. scientific and practical conf. Vologda, Marker Ltd. Pp. 61-62 (in Russ.).
15. Kalabikhina, I. E. (2021) How do we know whether gender equality has arrived? *Woman in Russian society*. No. 2. Pp. 3-16. DOI [10.21064/WinRS.2021.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.1) (in Russ.).
16. Tojiboeva, G. R., Bekirova, A. R. (2020) Actualization of gender equality in modern society. *Academic research in educational sciences*. Vol. 1. Issue 1. Pp. 389-395 (in Russ.).
17. Aslanyan, S. G. (2019) *Ensuring gender equality through criminal law*. An abstract from the PhD thesis. Krasnodar. 27 p. (in Russ.).
18. Berezkina, E. Y. (2021). Gender related topics in the European parliament election campaigns of the Italian populist parties in 2019: ideas reflection in the media and social networks. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. № 1. Pp. 58-68. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.5) (in Russ.).
19. Guseletov, B. P. (2020) The results of the European elections 2019: new alignment of forces in the European Parliament and European Commission, including gender aspect. *History and Modern Perspectives*. Vol. 2. No. 4. Pp. 10-16. DOI [10.33693/2658-4654-2020-2-4-10-16](https://doi.org/10.33693/2658-4654-2020-2-4-10-16) (in Russ.).
20. Sundstrom, A., Stockemer, D. (2022) Political party characteristics and women representation: the case of the European Parliament. *Representation*. Vol. 58. Issue 1. Pp. 119-137. DOI [10.1080/00344893.2021.1898458](https://doi.org/10.1080/00344893.2021.1898458) (in Eng.).
21. Velikaya, N. M. (2021) Realization of women's rights in political representation at the local level: social analysis. *Human rights: forms of implementation and methods of protection in historical retrospective (Russian and foreign experience) [Prava cheloveka: formy realizacii i sposoby zashchity v istoricheskoy retrospektive (rossijskij i zarubezhnyj opyt)]*. Proc. of the All-Russian scientific-practical conf. within the Saratov intern. legal forum. Saratov, Saratov State Law Academy. Pp. 13-19 (in Russ.).
22. Nikitin, A. K. (2021) *What are socialists fighting for today?* Moscow, Klych-C Publ. 128 p. ISBN 978-5-6046085-4-8 (in Russ.).
23. Santana, A., Rama, J. (2018) Electoral Support for Left Wing Populist Parties in Europe: Addressing the Globalization Cleavage. *European Politics and Society*. Vol. 19. Issue 5. Pp. 558-576. DOI [10.1080/23745118.2018.1482848](https://doi.org/10.1080/23745118.2018.1482848) (in Eng.).
24. Wauters, B., Maddens, B., Put, G.-J. (2014) It takes time: the long-term effects of gender quota. *Representation*. Vol. 50. Issue 2. Pp. 143-159. DOI [10.1080/00344893.2013.860911](https://doi.org/10.1080/00344893.2013.860911) (in Eng.).

The article was submitted on July 23, 2022.
Accepted on August 13, 2022.

Information about the authors:

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of Science and Research, Main researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.
Moscow, Russia.

e-mail: natalivelikaya@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5532-844X

Researcher ID (WoS): A-9577-2017

Scopus ID: 8438345700

Elena Yu. Berezkina, post-graduate student, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS; senior lecturer, Plekhanov Russian University of Economics.

Moscow, Russia.

e-mail: euproskurina@gmail.com

DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.2

EDN KNQPPC

УДК 316.4

О. В. Гребняк¹, О. П. Новоженина¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
Москва, Россия.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ГЕНДЕРНЫЙ АКЦЕНТ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
в рамках научного проекта № 20-011-00013 а*

Аннотация. В статье представлена структура тревожности российских граждан в гендерном контексте, внимание акцентировано на отношении российских женщин к проводимой властями экономической и социальной политике, самооценке их материального положения, ожиданий и видения будущего. В основе материала лежат данные 52-го этапа всероссийского мониторинга «Как живешь, Россия?», проведенного при участии авторов в мае 2022 года сотрудниками Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Показано сближение оценочных суждений мужчин и женщин вследствие повышения социальной и экономической активности женщин. В то же время сохраняется традиционная разница в уровне дохода, а также в распределении гендерных ролей по архетипам «женщина = хранитель семейного очага» и «мужчина = стратег, мыслящий глобально».

Респонденты обоих полов выразили в равной степени минимальную обеспокоенность темой специальной военной операции на Украине, при этом женщины проявляют серьезную обеспокоенность экономическими последствиями проводимой внешней политики. В структуре их тревожности с отрывом лидируют проблемы роста цен, экономические санкции, ухудшение отношений с США и Европой, и, как следствие, – страх перед неопределенностью будущего. Отсутствие стабильности и неопределенность снижают высокую среди женской аудитории лояльность к властным структурам у наиболее уязвимой в сложившейся ситуации категории женщин-респондентов, несколько повышая параллельно уровень протестной активности.

Ключевые слова: женщины, неопределенность будущего, структура тревожности, материальное положение, рост цен, санкции, гендерные роли.

Для цитирования: Гребняк, О.В., Новоженина, О.П. Структура социальной тревожности российского общества: гендерный акцент // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 24-35. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.2. EDN KNQPPC

Введение. В начале 2022 года на мировой политической арене обострилось столкновение процессов глобализации и де-глобализации, – регионализации, отстаивания национальных интересов, получившее серьезную подпитку в период пандемии COVID-19 [см. например, 1-4]. Глобализация, как отмечают исследователи современного общества, сама по себе характеризуется нестабильностью и неподконтрольностью. «Глубочайший смысл идеи глобализации – это неопределенный, неуправляемый и самостоятельный характер всего, что происходит в мире <...> Глобализация – просто другое название “нового мирового беспорядка” Джоуитта», отмечал З. Бауман [5, с. 35]. Столкновение её с противоположным трендом общественного развития дополнительно увеличивает хаос и неопределенность, что сказывается на эмоциональном благополучии, на страхах и тревожности граждан разных социальных групп

и слоев общества. Собственно, по мнению Баумана, деятельность современного общества в принципе сводится к попыткам сжиться с нарастающей неопределенностью, примириться со страхами повседневности [6, стр. 69].

Динамика массовой тревожности общества следует за отдельными ситуациями, – катастрофами, катаклизмами, военными обострениями, террористическими актами, порождающими новые и актуализирующими старые страхи. Поэтому, подчеркивают исследователи, как элемент массовых настроений, «страх гибко следует за ситуациями, складывающимися в социальной среде в тот или иной период времени» [7]. В такой ситуации оказались российские граждане весной 2022 года, попав в эпицентр глобальных недружественных политических, экономических, военизированных действий, поднявших на поверхность большинство глобальных общественных страхов – войны, голода, нищеты, – что неизбежно отразилось на ответах респондентов в ходе социологических исследований.

Ситуационная реакция отражается не только в колебаниях общественного спокойствия, но и в поведенческих паттернах. Одним из первых советских ученых, изучавшим в 1960-х гг. по отдельности поведение юношей и девушек в стрессовой ситуации, был Б. Г. Ананьев [8], обративший внимание на различия в реакции, в энергетических затратах на переживание стресса и выхода из стрессовой ситуации.

В целом, гендерный подход к анализу социальной реальности подразумевает сконструированные обществом социальные модели условных «М» и «Ж», диктующие роли и поведенческие стандарты в обществе и его институтах. Когда не столько биологический пол, сколько стереотипические социокультурные нормы определяют психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин [9]. На сегодняшний же день в обществе все больше продвигается идея гендерного равенства (одна из 17 целей устойчивого развития ООН), призванная как разрушить стереотипы гендерно-запрограммированного социокультурного поведения, так и ликвидировать распространенные неравенства, к которым относятся не только исключительные методы угнетения (насилие, секс-торговля), но и ставшие повседневными гендерный разрыв в заработной плате, доступ к трудоустройству на руководящие должности, бытовое насилие и пр.

На основании вышеуказанного, авторы поставили целью рассмотреть не столько общие основания и причины тревожности граждан весной 2022 года, сколько проследить их гендерное распределение и отражение современных социокультурных трансформаций в структуре ответов респондентами женского пола.

Характеристика исследования. Эмпирический материал статьи основан на результатах очередного – 52-го этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?»¹, проведенного Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН в мае 2022 года. Мониторинг проводится с 1992 года с целью изучения социальной и социополитической ситуации в стране в контексте формирования гражданского общества, построения социального государства и исследования возможностей устойчивого развития страны.

В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00013 а «Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов» (рук. проекта д-р социол. наук В. К. Левашов).

соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности в мае 2022 г. составил 1700 респондентов.

Опрос населения проведен в период 10.05.2022 – 29.05.2022 в следующих регионах Российской Федерации: ЦФО (Владимирская область, Воронежская область, Московская область, Тульская область, Ярославская область, Москва), СЗФО (Архангельская область, Новгородская область, Санкт-Петербург), ЮФО (Республика Крым, Ростовская область), СКФО (Ставропольский край), ПФО (Республика Татарстан, Нижегородская область, Саратовская область), УрФО (Свердловская область, Челябинская область), СФО (Красноярский край, Иркутская область, Новосибирская область), ДФО (Хабаровский край).

Структура тревожности. Результаты мониторинга в целом демонстрируют динамику изменений, протекающих в социуме. Так, становится видимым влияние проводимой политики гендерного равенства в целом, но на виду оказываются и отдельные ключевые аспекты, в которых проблема неравенства полов проявляется максимально.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов разного пола на вопрос «Какие проблемы Вас сегодня беспокоят в первую очередь?» (РФ, май 2022 года, % от числа опрошенных каждого пола, n = 1700)

Примечание: здесь и далее – сумма ответов по каждому гендеру превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: здесь и далее – Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Повышение социальной и экономической активности – рост числа женщин в органах управления, в органах власти, на руководящих должностях, – привели к сокращению разрыва в оценочных суждениях мужчин и женщин. То есть тенденция к уравниванию в экономическом и социально-политическом плане приводит к сближению их взглядов и оценочных суждений по целому ряду аспектов социальной и экономической жизни. Разница просматривается даже в сравнении с минувшим 2021 годом, где по отдельным проблемам уровень тревожности мужчин и женщин отличался на 9 п.п. и даже доходил до 14 п.п., тогда как в текущем году расхождение суждений ни по одному пункту не превышает 7 п.п. Тем более значимыми становятся сохраняющиеся различия.

Мужчины в большей степени озабочены общими социально-экономическими и политическими проблемами (высокая инфляция, произвол чиновников, коррупция – разница в 7 п.п.; безработица – 5 п.п.; углубление разделения общества на богатых и бедных – разница в 4 п.п.). В то время как женщин больше тревожат проблемы, касающиеся непосредственно материального положения сейчас и в старшем возрасте, экологии, воспитания детей (падение нравов): экология и ухудшение материального положения пенсионеров беспокоит на 5 п.п. больше женщин, чем мужчин. Схожая разница (4 п.п.) в отношении роста цен на продукты питания, падения нравов и культуры, а также страха перед неопределенностью будущего.

Последний пункт – страх перед неопределенностью будущего – беспокоит всё большее число людей, этот вариант ответа отметили четверть респондентов мужского пола (25%) и почти треть женщин (29%). В целом по массиву этот вариант ответа выбрали 27% опрошенных россиян, на текущий момент это максимальный показатель. Для сравнения, данный показатель в сентябре «пандемийного» 2020-го года составил 19%, в июне 2021 года – 13% [10, с. 9]. Ближайшее по размеру значение (25%) было отмечено в ходе мониторинга в декабре 2018 года. Возможно, это также «отзвук» событий, связанных с Украиной: как раз в конце ноября 2018 произошел инцидент в Керченском проливе, получивший широкий резонанс в информационном поле.

Уровень тревожности по таким проблемам, как отношения России с США и Европой (24% в целом по массиву) распространение наркомании и терроризма (по 8%), рост преступности (7%) минимально различается в зависимости от гендерной принадлежности респондента.

Еще двум проблемам уделим отдельное внимание:

- Минимальную тревогу (3%) у всех опрошенных вызывает проблема задержки выплат зарплат и пенсий, что является показателем определенного уровня общественной стабильности. Это наименьший показатель с момента введения данного индикатора: последние 20 лет он колебался в диапазоне от 6 до 9%, впервые опустившись ниже.
- Столь же малое число респондентов выделили в числе ответов тему спецоперации на Украине, её отметили лишь 4% мужчин и 3% женщин. Однако, как мы рассмотрим далее, если тема СВО мало тревожит женщин-респондентов сама по себе, то экономические последствия, напрямую связанные с проводимой Россией внешней политикой, вызывают у них серьезное беспокойство.

Структура тревожности среди женщин разных возрастов. Ключевые тренды в распределении проблем, беспокоящих женщин-респондентов в максимальной и минимальной степени, в целом сохраняются вне зависимости от возраста. Несколько меняется только их выраженность и отдельные акценты.

Одни из них связаны с нюансами экономической активности в разные возрастные периоды; другие – с периодом актуализации тематики. К последним относится, например, забота об окружающей среде. Стремление к сокращению экологического следа и снижению ущерба для окружающей среды постепенно распространяется как в производственной среде, так и среди частных домохозяйств, но процесс этот начал набирать обороты не столь давно. Это является одной из причин того, что беспокойство по поводу экологической обстановки пока еще остается прерогативой женщин допенсионного возраста, резко снижаясь (с 23% до 11,5%) при переходе от категории 51-60 лет к возрасту 60+ (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы Вас сегодня беспокоят в первую очередь?» (РФ, май 2022 года).
Женщины, $n = 938$. % от числа опрошенных в группах по возрасту)

Варианты ответа	18-24 лет	25-30 лет	31-40 лет	41-50 лет	51-60 лет	старше 60 лет
Рост цен на продукты питания	47,7	58,1	55,7	59,7	64,6	64,0
Дороговизна жизни	36,4	46,8	53,7	48,3	57,5	52,5
Повышение тарифов на жильё и коммунал. услуги	18,2	25,8	30,9	30,2	30,1	39,6
Страх перед неопределенностью будущего	22,7	22,6	28,9	38,3	33,6	21,6
Высокая инфляция	25,0	19,4	21,5	31,5	21,2	21,6
Ухудшение отношений России с США и Европой	38,6	22,6	16,1	28,9	18,6	24,5
Экономические санкции против России	36,4	19,4	17,4	23,5	27,4	20,9
Экологическая обстановка	25,0	24,2	24,8	19,5	23,0	11,5
Безработица	15,9	27,4	23,5	17,4	20,4	12,9
Ухудшение материального положения пенсионеров	2,3	3,2	6,0	6,0	22,1	46,8
Падение нравов, культуры	6,8	17,7	15,4	12,8	21,2	20,9
Произвол чиновников, коррупция	6,8	11,3	16,8	13,4	13,3	10,1
Углубление разделения общества на богатых и бедных	13,6	12,9	11,4	10,1	15,0	12,2
Отсутствие гарантии безопасности Вашей и Ваших близких	18,2	9,7	17,4	8,7	11,5	8,6
Обострение международных отношений	22,7	19,4	9,4	9,4	12,4	9,4
Мировой экономической кризис	15,9	14,5	12,1	12,1	11,5	6,5
Закрытие, простой предприятий	2,3	16,1	12,8	10,1	12,4	6,5
Распространение наркомании	9,1	14,5	8,7	5,4	6,2	9,4
Распространение терроризма	9,1	16,1	4,7	11,4	7,1	5,0
Рост алкоголизма	4,5	4,8	11,4	9,4	4,4	7,9
Рост преступности	2,3	8,1	10,1	7,4	3,5	7,9
Спецоперация на Украине	4,5	3,2	,7	6,0	1,8	2,2
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	2,3	3,2	2,0	2,0	3,5	2,2
Другая проблема	0,0	0,0	,7	0,0	2,7	,7

Примечание: данные ранжированы в соответствии со структурой тревожности гендерной группы в целом. Заливка изменяется от красного цвета (максимальные значения) к зеленому (минимальные значения).

На первом месте по уровню тревожности у женщин однозначно находится «рост цен на продукты питания» (от 47,7% до 64,6% в разных возрастных группах), на втором – «дороговизна жизни» (от 36,4% до 53,7% в разных возрастных группах). Эти проблемы лидируют для женщин всех возрастов без исключения с некоторой тенденцией к нарастанию по мере повышения возрастной категории. Обеспокоенность подтверждается и последними измерениями Romir. По данным исследовательского холдинга, объем расходов на питание продолжает расти уже 2 месяца подряд: «Продуктовый сегмент увеличил свою долю в кошельке россиян на 9 процентных пунктов за 8 недель»². В период с 18 по 24 июля расходы на питание составили 31% всех расходов граждан.

Структура тревожности респондентов-женщин в целом консолидируется вокруг двух приоритетных направлений. Первое связано с беспокойством по поводу материального положения: помимо уже перечисленных категорий, не менее трети ответов в каждой возрастной группе старше 30 лет отдано проблеме «повышения тарифов на жилье и коммунальные услуги»; у женщин от 50 лет и старше резко растет беспокойство по поводу «ухудшения материального положения пенсионеров» (6% в группе 41-50 лет; но уже 22,1% в группе 51-60 лет; и 46,8% среди женщин 60+). Отметим, что подобный контраст сигнализирует о наличии межпоколенного противоречия в женской среде. То есть до наступления собственного пенсионного возраста³ о финансовом положении старшего поколения – в частности, собственных предков, – молодежь не слишком беспокоится. Высокая инфляция также вызывает опасения у всех возрастов, в первую очередь у возрастной группы 41–50 лет (31,5%): еще активно работающие, но уже планирующие накопления «на старость» женщины-респонденты. Впрочем, как видно из рис. 1, инфляция в большей степени беспокоит мужчин.

Вторым центром тревожности становятся беспокойства, связанные с внешнеполитической и связанной с ней внешнеэкономической ситуацией. Так, более трети (36,4%) молодых женщин от 18 до 24 лет беспокоят «экономические санкции против России», а также «ухудшение отношений России с США и Европой» (38,6%). Политическая ситуация закрывает многие возможности для обучения или стажировки выпускников средних/высших учебных заведений в зарубежных ВУЗах и компаниях, а уход из страны ряда брендов вызывает тревогу у склонной к консьюмеризму молодежи⁴. Отметим, что уровень тревоги по этим двум параметрам растет в прямой зависимости от уровня образования респондентов женского пола: «санкции» абсолютно не тревожат (0%) опрошенных женщин с неполным средним образованием, но занимают мысли более чем четверти (26,9%) женщин с высшим/неполным высшим образованием. То же касается ухудшения отношений с США и Европой, проблема беспокоит 17,6% респонденток с неполным средним образованием, по мере роста уровня образования это значение повышается до 26,9% у опрошенных с высшим/неполным высшим образованием.

² М-Пульс: расходы на питание растут 8 неделю подряд // Romir. 29 июля 2022. URL: <https://romir.ru/studies/m-puls-rashody-na-pitanie-rastut-8-nedelyu-podryad> (дата обращения: 31.07.2022). Примечание: выборка репрезентирует население городов России с численностью более 10 тысяч человек.

³ Согласно федеральному закону №350-ФЗ от 3 октября 2018 года в России началось постепенное повышение пенсионного возраста. Изменения планируется проводить поэтапно с 2019 по 2028 год. В 2022 году право выйти на пенсию имеют женщины, достигшие 56,5 лет и мужчины, достигшие 61,5 года.

⁴ Подробнее об образе будущего и ценностных ориентациях молодежи см. [11].

Разделение на два центра тревожности достаточно условно, в силу того что вопросы роста цен в определенной степени также взаимосвязаны с политической обстановкой, санкциями, изменением логистики поставок, сокращением производств и пр.

Индикатор «страх перед неопределенностью будущего» выявляет наиболее уязвимые группы населения, оказавшиеся в критической зоне. Согласно данным опроса, это женщины 41-50 лет (вариант отметили 38,3% женщин этой возрастной категории), чьего дохода хватает только на приобретение продуктов питания («бедные», 39,3%), со средним специальным образованием (31,6%). Согласно уровню образования, – это преимущественно сотрудницы торговой и производственной сферы, с высокой долей вероятности пострадавшие финансово из-за ухода с российского рынка работодателя иностранного происхождения или в связи с перебоями в поставках комплектующих и сырья.

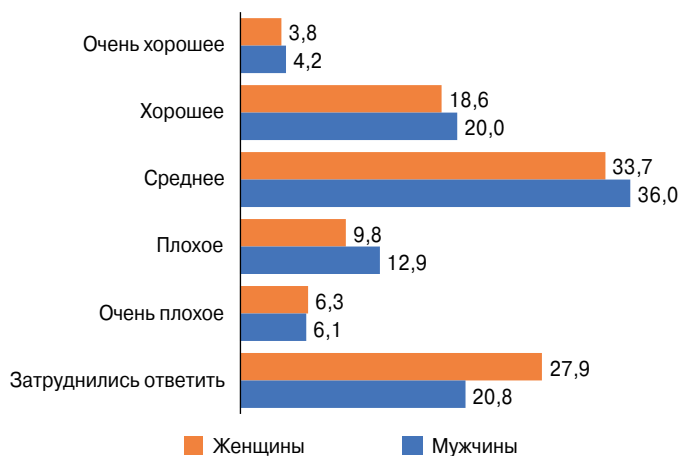
Отношение к себе и государству. Денежные доходы – одна из основных категорий, на которой пока мало сказываются успехи в продвижении гендерного равенства в России. Финансовое положение женщин, согласно самооценке респондентов, сохраняется на более низком уровне. К числу «бедных»⁵ слоёв населения себя отнесли немногим менее четверти (22%) опрошенных женщин и лишь 15% мужчин. А среди «обеспеченных» оказалась почти пятая часть (19%) респондентов-мужчин и лишь 15% женщин. Большинство же почти в равной степени обозначили себя как «ограниченные в средствах». Аналогичная картина просматривается и в результатах исследований прошлых лет.

Здесь стоит обратиться к другому вопросу мониторинга, посвященному оценке респондентами своего материального положения через 5 лет. Как следует из данных рисунка 2, женщины менее категоричны: они менее пессимистичны и менее оптимистичны по подавляющему большинству вариантов. Но резко выделяется значительное преобладание доли затруднившихся ответить: их на 7,1 п.п. больше среди женщин (27,9% среди женщин и 20,8% среди мужчин), что в общем согласуется с высоким уровнем респондентов, испытывающих страх перед неопределенностью будущего.

Приведенные данные коррелируют с результатами исследований Института общественного мнения: «... сегодня 68% опрошенных по-прежнему испытывают тревогу за свое будущее и будущее своей семьи. Что важно, этот показатель почти не изменился, если сравнивать с результатами предыдущих исследований: в начале апреля беспокоились о будущем 67%, в начале марта – 73%. Не сильно ослабла и степень тревоги россиян: сегодня опрошенные оценивают ее на 7,3 балла из 10, в апреле средняя оценка составила тоже 7,3 балла, в марте – 7,6 балла»⁶.

⁵ Вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

⁶ Как меняется эмоциональное состояние россиян в последние два месяца // Институт общественного мнения. 05.05.2022. URL: <https://iom.anketolog.ru/2022/05/05/emocii-rossiyan-maj-2022> (дата обращения: 20.06.2022).

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов разного пола на вопрос «Как вы оцениваете материальное положение вашей семьи (или свое личное) через пять лет?» (РФ, май 2022 года, % от числа опрошенных каждого пола, n = 1700).

На вопрос, в чем респондентам в течение последнего года приходилось себе отказывать, по всем предложенным пунктам у женщин ответ «постоянно» встречается чаще, чем у мужчин. Разница достигает 9 п.п. по варианту «в ремонте жилья», 7 п.п. – «в покупке бытовой техники», 5 п.п. – «в покупке одежды и обуви» и т. д. В то же время ответ «никогда» по всем категориям без исключений чаще выбирали мужчины. Так, разница между количеством мужчин и женщин, никогда не отказывавших себе в продуктах питания, а также в покупке одежды и обуви достигает 9 п.п. В покупке лекарств – 8 п.п.; в медицинском обслуживании – 6 п.п. Этот вопрос отражает не только разницу в оценке материального благосостояния респондентов, но и в значительной степени демонстрирует их общую ориентацию на себя / на семью.

Распределение доходов неизбежно оказывает влияние на отношение к оценке собственного места в обществе, к деятельности институтов власти, проводимой государством социальной политике. Несмотря на тревожащий их рост цен, низкие доходы и потребность в самоограничениях, женщины склонны проявлять более высокую лояльность властным структурам по сравнению с мужчинами⁷. Так женщины больше доверяют церкви (52% опрошенных женщин, что на 14 п.п. больше аналогичного показателя у мужчин), также выше, чем у мужчин доверие к другим институтам власти и структурам гражданского общества – полиции (доверяют 35% женщин и 27% мужчин), политическим партиям (20% и 14% соответственно) и президенту (76% и 72% соответственно). Мужчины значительно больше выражают недоверия к полиции (не доверяют 54% мужчин и 41% женщин), церкви (33% мужчин и 24% женщин), политическим партиям (57% мужчин и 52% женщин), СМИ (56% мужчин и 49% женщин), общественным организациям (38% и 32% соответственно), правительству (34% и 29% соответственно).

⁷ Дополнительно о гендерном выборе поведенческих паттернов на основе социального доверия и влиянии этих показателей на социальную напряженность в обществе см. [12].

Женщины выше оценивают и выполнение российским государством своих обязанностей по гарантии прав и свобод гражданина: право на судебную защиту и равенство перед законом и судом, а также социальные гарантии: защиту материнства и детства, право на социальное обеспечение и пенсию.

Как следствие, среди женщин-респондентов почти не проявляется протестная активность: 33% опрошенных женщин ничего не будет предпринимать в защиту своих интересов; 22% затруднились ответить; 20% считают, что их интересы защищены в достаточной степени; 13% напишут обращение к властям; обратятся к общественности 10% через интернет и 7% через СМИ; 6% готовы участвовать в разрешенных забастовках и акциях протеста; 5% выйдут на митинг, демонстрацию; 1% готов принять участие в акциях гражданского неповиновения. Такие настроения делают женщин в большинстве своем более комфортными для государства.

Исключение составляет группа женщин-респондентов, составляющая описанную выше наиболее уязвимую категорию, в наибольшей степени подверженную страху перед будущим. Среди женщин со средним специальным образованием наименьшая доля тех, кто ничего не будет делать (30%); наивысшая тех, кто затрудняется с ответом (23%) и больше всего среди них (хоть и невелика) доля тех, кто готов участвовать в забастовках (7%).

Заключение. Повышение социальной и экономической активности женщин, проводимое благодаря расширяющейся политике гендерного равноправия, ведет к сближению оценочных суждений женщин с оценочными суждениями мужчин, что находит свое отражение в результатах социологических опросов. И всё же, несмотря на прогрессивные трансформации, данные проведённого мониторинга демонстрируют значительную степень концентрации женщин на вопросах, в первую очередь затрагивающих благополучие семьи, что говорит о сохраняющемся преобладании в обществе традиционного представления о женщине как хранительнице семейного очага. Этим объясняется, что женщины в большей степени тревожатся по поводу конкретных материальных аспектов жизни. Также они же по-прежнему склонны жертвовать своими интересами в пользу семьи.

Высказывая ярко выраженную обеспокоенность в отношении дороговизны жизни, роста цен, женщины, тем не менее, проявляют большую по сравнению с мужчинами лояльность к институтам власти и результатам их деятельности, менее склонны к проявлению протестных настроений.

Специальная операция на Украине мало тревожит россиян обоих полов с внешнеполитической точки зрения. При этом тревогу у разных возрастных категорий вызывали различные проявления последствий СВО: потеря доходов, рост цен, экономические проявления объявленных санкций.

Женщин в большой степени тревожит неопределенность, вызванная текущими политическими и экономическими событиями, то есть потеря стабильности и возможности уверенно строить прогнозы на будущее. Наиболее уязвимыми в данной ситуации оказались женщины 41-50 лет со средним специальным образованием, что делает эту категорию наименее лояльной и повышает риски протестных настроений.

Библиографический список

1. Громько, А. А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 5. С. 6-19. DOI [10.23932/2542-0240-2020-13-5-1](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1). EDN ZCSDCJ.

2. *Веркей, Ж.* Понять изменения в процессе современной глобализации: Экономические перспективы // Россия и современный мир. 2020. № 2(107). С. 78-94. DOI [10.31249/rsm/2020.02.05](https://doi.org/10.31249/rsm/2020.02.05). EDN [XCUBEH](https://www.edn.ru/10.31249/rsm/2020.02.05).

3. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / М. А. Ананшин, В. Н. Архангельский, В. А. Безвербный [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021). EDN [GJTТTK](https://www.edn.ru/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021).

4. *Сапир, Ж.* Находимся ли мы на пороге масштабной трансформации мировой экономики // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6(183). С. 27-45. DOI [10.47711/0868-6351-183-27-45](https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-27-45). EDN [TNUMRH](https://www.edn.ru/10.47711/0868-6351-183-27-45).

5. *Бауман, З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М. Л. Коробочкина. Москва : Изд-во «Весь Мир», 2004. 188 с. ISBN 5-7777-0303-8.

6. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. Москва : Логос, 2005. 390 с. ISBN 5-98704-075-2.

7. *Иванова, В. А., Шубкин, В. Н.* Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2(250). С. 22-27. EDN [OPFFDH](https://www.edn.ru/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021).

8. *Хохряков, В. Б. Г. Ананьев* — ученый, педагог, мыслитель-гуманист // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 14(3762). Ст. 5. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2007/14/5.shtml> (дата обращения: 22.07.2022).

9. *Агеев, В. С.* Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 153-157.

10. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 52 этап социологического мониторинга, май 2022 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов. Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. 91 с. (в печати).

11. *Левашов, В. К., Гребняк, О. В., Новоженина, О. П.* Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 104-120. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120). EDN [SETQMU](https://www.edn.ru/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120).

12. *Лазукина, А. О.* Доверие к органам власти в период пандемии: гендерный аспект // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 33-44. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.3). EDN [BUBZVN](https://www.edn.ru/10.19181/nko.2021.27.1.3).

Дата поступления в редакцию: 01.08.2022.

Принята к печати: 20.08.2022.

Сведения об авторах:

Оксана Валерьевна Гребняк, младший научный сотрудник
Центра социальных и социально-политических исследований,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: oksananov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 183639

ORCID: 0000-0002-4565-7095

Researcher ID (WoS): AAI-8781-2020

Ольга Петровна Новоженина, старший научный сотрудник
Центра социальных и социально-политических исследований,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

e-mail: olgananov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 74348

ORCID ID: 0000-0003-3511-0384

Researcher ID (WoS): R-5132-2019

O. V. Grebnyak¹, O. P. Novozhenina¹¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

THE STRUCTURE OF SOCIAL ANXIETY IN RUSSIAN SOCIETY: GENDER EMPHASIS

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00013 a

Abstract. The article presents the structure of Russian citizens' anxiety in the gender context, focusing on the attitude of Russian women to the economic and social policy conducted by the authorities, self-assessment of their financial situation, expectations and vision of the future. The material is based on the data of the 52nd stage of the All-Russian monitoring "How are you, Russia?", conducted with the participation of the authors in May 2022 by the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

It shows the convergence of men's and women's value judgments due to the increased social and economic activity of women. At the same time, there is still a traditional difference in the level of income, as well as in the distribution of gender roles according to the archetypes "woman = keeper of the family home" and "man = strategist, thinking globally.

Respondents of both sexes expressed equally minimal concern about the topic of the special military operation in Ukraine, with women showing serious concern about the economic consequences of the current foreign policy. In the structure of their anxiety, problems of rising prices, economic sanctions, deteriorating relations with the U.S. and Europe, and, as a consequence, fear of an uncertain future lead the way. Lack of stability and uncertainty decrease the loyalty to the power structures among female respondents, who are the most vulnerable in the current situation, slightly increasing the level of protest activity in parallel.

Keywords: women, uncertainty about the future, anxiety structure, financial situation, rising prices, sanctions, gender roles.

For citation: Grebnyak, O.V., Novozhenina, O.P. (2022) The structure of social anxiety in Russian society: gender emphasis. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 24-35. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.2

References

1. Gromyko, A. A. (2020) The pandemic and the crisis in the system of international relations. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 13. No. 5. Pp. 6-19. DOI [10.23932/2542-0240-2020-13-5-1](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1) (in Russ.).
2. Vercueil, J. (2020) To understand the changes in modern globalization: economic outlook. *Russia and the contemporary world [Rossiya i sovremennyy mir]*. No. 2(107). Pp. 78-94. DOI [10.31249/rsm/2020.02.05](https://doi.org/10.31249/rsm/2020.02.05) (in Russ.).
3. Ananyin, M. A., Arkhangelsky, V. N., Bezverbny, V. A. [et al.] (2021) *Pandemic challenges and the strategic agenda for society and the state: the socio-political situation and demographics in 2021*. Moscow, FCTAS RAS. 558 p. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021) (in Russ.).
4. Sapir, J. (2020) Are we on the verge of a major transformation of the global economy? *Problemy Prognozirovaniya*. No. 6(183). Pp. 27-45. DOI [10.47711/0868-6351-183-27-45](https://doi.org/10.47711/0868-6351-183-27-45) (in Russ.).
5. Bauman, Z. (2004) *Globalization: The Human Consequences*. Transl. from Eng. by M. L. Korobochkin. Moscow, Ves' Mir Publ. 188 p. ISBN 5-7777-0303-8 (in Russ.).
6. Bauman, Z. (2005) *The individualized society*. Transl. from Eng., ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Logos Publ. 390 p. ISBN 5-98704-075-2 (in Russ.).
7. Ivanova, V. A., Shubkin, V. N. (2005) Mass anxieties among Russians as an obstacle to societal integration. *Sociological Studies [Sotsiologicheskie Issledovaniia]*. No. 2(250). Pp. 22-27 (in Russ.).

8. Khokhryakov, V. (2007) B. G. Ananyev – scientist, pedagogue, humanist thinker. *St. Petersburg University Journal*. No. 14(3762). Art. 5. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2007/14/5.shtml> (last request: 22.07.2022) (in Russ.).

9. Ageev, V. S. (1987) Psychological and social functions of gender stereotypes. *Voprosy psichologii*. No. 2. Pp. 153-157 (in Russ.).

10. Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. [et al.] (2022) *How are you, Russia? Express information*. 52nd stage of the sociological monitoring, May 2022. Moscow, FCTAS RAS. 91 p. (in print) (In Russ.).

11. Levashov, V. K., Grebnyak, O. V., Novozhenina, O. P. (2021) Images of the future in the consciousness of Russian youth: value orientations, digital innovation and socio-political expectations. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. Vol. 14. No. 2. Pp. 104-120. DOI [10.17213/2075-2067-2021-2-104-120](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120) (in Russ.).

12. Lazukina, A. O. (2021) Trust in government during the pandemic: gender aspect. *Science. Culture. Society*. Vol. 27. No. 1. Pp. 33-44. DOI [10.19181/nko.2021.27.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.1.3) (in Russ.).

The article was submitted on August 01, 2022.

Accepted on August 20, 2022.

Information about the authors:

Oksana V. Grebnyak, Junior researcher, Center for Social and Socio-Political Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: oksanov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4565-7095

Researcher ID (WoS): AAI-8781-2020

Olga P. Novozhenina, Senior Researcher, Center for Social and Socio-Political Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

e-mail: olganov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3511-0384

Researcher ID (WoS): R-5132-2019

DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.3](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.3)EDN [NNQLXT](https://edn.nko.ru/NNQLXT)

УДК 316.346.2, 331.5

Е. А. Ирсетская^{1,2}¹ Финансовый университет при Правительстве РФ.² Всероссийский центр изучения общественного мнения.
Москва, Россия.

ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА РФ

Аннотация. Проблематика гендерного дисбаланса является одной из наиболее распространенных тем для анализа в рамках научного дискурса сегодня, а также находит отражение во многих проводимых прикладных исследованиях социально-экономической направленности. События последнего времени, такие как пандемия коронавируса и специальная военная операция, оказали большое влияние на российскую экономику, что в первую очередь наиболее заметно проявилось в сфере трудовых отношений и занятости. Государственные гарантии по предоставлению равных прав на рынке труда для женщин и мужчин в ситуации сложившегося кризиса нуждаются в дополнительном стимулировании и развитии, чтобы отражать и обеспечивать права женщин и мужчин на рынке труда и не допустить серьезной гендерной асимметрии. Однако, изменения, произошедшие в обществе, способствовали усилению процесса проявления гендерной дифференциации и дискриминации женщин на рынке труда. Социально-экономические изменения во многом отразились и на жизни каждой российской семьи. Возникающие внутрисемейные проблемы в значительной степени ограничили возможности социального и профессионального роста женщин, их возможности самореализации, а также привели к увеличению риска для женщин, связанному с потерей работы. Кроме того, в современном обществе отмечено наличие и воспроизводство гендерных стереотипов, которые в значительной степени влияют на формирование общественного мнения и отношения к женскому труду, как среди руководителей организаций, так и среди самих женщин. Сложившаяся ситуация способствует дальнейшему закреплению процесса гендерной дифференциации в экономической сфере, а также усилению финансовой зависимости женщин от мужчин.

Ключевые слова: социология труда, гендерная дифференциация, женская занятость, трудовые отношения, гендерная дискриминация.

Для цитирования: Ирсетская, Е.А. Проблемы гендерной дифференциации на рынке труда РФ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 36-45. DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.3](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.3). EDN [NNQLXT](https://edn.nko.ru/NNQLXT)

Актуальность. Недавние социально-экономические и политические события в России повлияли на обострение ряда проблем в сфере труда и занятости населения. С одной стороны, общество столкнулось с эпидемиологической проблемой распространения коронавируса (новой инфекции COVID-19, на борьбу с которой были положены огромные усилия государства). В результате актуализировались вопросы гендерного неравенства во многих областях социальной жизнедеятельности [1]. Как отмечал автор в прошлых работах, «перемены, вызванные введением карантина и социальной изоляцией, во многом затронули проблемы трудовых отношений и в частности, повлияли на положение женщин на рынке труда» [2]. С другой стороны, проведение специальной военной операции на Украине привело к тому, что страны Запада начали деятельность по масштабному развертыванию санкционного давления на Россию с целью

ослабления и разрушения экономики страны¹. Дестабилизация экономического сектора также оказала значимое влияние на сферу труда и занятости. Последние исследования показывают, что во многих компаниях уменьшилось число сотрудников (23% организаций заявили об этом), а 9% организаций прогнозируют сокращение штата до конца 2022 года. В 45% компаний говорят о внеплановом снижении, а также прекращении приема персонала до конца 2022 года². Кроме того, во многих сферах занятости неравенство полов становится более заметным. По данным Росстата, в России 78,8 млн женщин, что составляет 54% населения страны. При этом уровень занятости среди трудоспособных женщин и мужчин – 60% и 70% соответственно³. «В первую очередь респонденты отмечают неравенство прав в получении зарплаты в соответствии с количеством и качеством труда: 29% опрошенных утверждают, что у мужчин в этом вопросе прав больше, причем эта доля выросла на 9 п.п. с 2015 г., а среди женщин эта доля достигает 35%», говорится в исследовании ВЦИОМ⁴. Кроме того, женщины зарабатывают на 28% меньше, чем мужчины с такой же квалификацией. Это приводит к тому, что в «женских» сферах деятельности снижается уровень оплаты труда, теряется престиж и привлекательность данных сфер для многих перспективных специалистов⁵.

На фоне обозначенных проблем, актуализируется необходимость анализа гендерного аспекта трудовых отношений в современном российском обществе: его научное осмысление, анализ реальной текущей ситуации рынка занятости и разработка практических рекомендаций по преодолению выявленных трудностей. При изучении данной проблематики мы будем опираться на гендерный подход к анализу экономической и социальной политики. В рамках данного подхода рассматривается взаимодействие интересов мужчин и женщин, семьи, рынка и государства [3].

Гендерная дифференциация: проблемы и стратегии женщин на рынке труда. Анализируя концепции гендерной дискриминации отметим, что часто исследователи обращаются к концепциям, заимствованным из экономической теории. Марксистская концепция (XIX в.) хронологически является одной из первых, которая объясняет причины неравенства мужчин и женщин в сфере занятости. Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» развивал идею о том, что подчиненное положение женщин обусловлено появлением частной собственности. Обосновывалось, что женщина лишена возможностей и власти по экономическим причинам, обусловленным тем, что мужчина являлся единственным добытчиком в семье, и это обстоятельство давало ему право отстранить женщину от управления капиталом. Хотя данная концепция в ходе общественного развития продемонстрировала некоторую несостоятельность, подтверждение ряда выводов мы можем найти и в современном мире. Так, эксперты утверждают, что расширение экономических возможностей женщин будет способствовать снижению уровня

¹ Ланина А. Два месяца спецоперации на Украине: экономические итоги для России и мира // Экономика сегодня. 24 апреля 2022. URL: <https://u.to/u7xDHA> (дата обращения: 05.07.2022).

² Демидкина К. 45% компаний в России снижают или останавливают набор сотрудников до конца года // Forbes. 15 апреля 2022. URL: <https://u.to/5r5DHA> (дата обращения: 06.07.2022).

³ Андреева А. Опасные взгляды: как гендерные стереотипы мешают развивать экономику // Forbes. 14 мая 2020. URL: <https://u.to/AL9DHA> (дата обращения: 03.07.2022).

⁴ Гендерное равенство в России: миф или реальность? // ВЦИОМ. 5 апреля 2019. URL: <https://u.to/B79DHA> (дата обращения: 06.07.2022).

⁵ Андреева А. Опасные взгляды: как гендерные стереотипы мешают развивать экономику // Forbes. 14 мая 2020. URL: <https://u.to/AL9DHA> (дата обращения: 03.07.2022).

бедности для всех. Для того, чтобы достичь этой цели необходимо скорректировать функционирующую современную экономическую модель, т.к. она нарушает гендерное равенство и ведет к усугубляющемуся экономическому неравенству. Причем сегодняшняя неolibеральная модель закрепляет экономическое неравенство для женщин, которым все сложнее добиться хорошо оплачиваемых рабочих мест, равенства в неоплачиваемой работе по уходу, равенства в вопросах влияния решений на уровне управления государством. Сегодня процесс преодоления гендерного неравенства идет в экономике очень медленно. «По всему миру женщины зарабатывают стабильно меньше, чем мужчины, и сосредоточены в низкооплачиваемых и наименее безопасных видах занятости. В мировом масштабе, средняя разница в оплате труда составляет 23%»⁶.

Другим актуальным подходом, который объясняет распространение гендерной дискриминации, является объяснение неравенства между мужчинами и женщинами с точки зрения обладания разным уровнем человеческого капитала. Г. Беккер, работая в рамках данной концепции полагал, что работодатель, принимая решение о приеме на работу, в первую очередь оценивает социальный капитал соискателя, который накапливается человеком в форме образования, трудового опыта и профессиональной квалификации. Соискатели с наиболее высоким уровнем капитала являются наиболее успешными. Если же работодатель выбирает кандидата с более низким уровнем социального капитала, это напрямую отражается на его зарплате, т.к. ему предлагается более низкая оплата труда. В рамках данной концепции – 2 основных критерия оценки уровня социального капитала, которые определяют гендерную дифференциацию: 1) капитал накапливается в тех видах деятельности, в которых индивид преимущественно занят; 2) учитывается пролонгированность временного периода занятий в определенной социальной области. В итоге делается вывод о том, что женщины уступают мужчинам в объеме владения социальным капиталом, т.к. во-первых, для женщины преимущественным видом труда является домашний труд, потому что они занимаются им больше, чем мужчины, соответственно именно в данном направлении сформированы основные их компетенции, в то время как мужчины преимущественно заняты и совершенствуют свои навыки с сфере производства. Во-вторых, для рассматриваемой концепции характерно представление о том, что в связи с тем, что женщина из-за необходимости рождения и забот о ребенке вынуждена на определенное время прервать работу в сфере общественного производства, то её человеческий капитал в этой сфере, по сравнению с мужчиной, имеет меньшую пролонгированность. Концепция человеческого капитала имеет ряд ограничений и не может приниматься как универсальная модель, объясняющая гендерные различия в сфере труда. Можно привести пример случая должностной дискриминации. Когда мужчины и женщины, имея на старте одинаковые должностные и профессиональные позиции, прикладывали одинаковые усилия и время при накоплении своего социального капитала, и в результате столкнулись с трудовой дискриминацией в вопросе должностного повышения. Тем не менее, ряд выводов концепции человеческого капитала может быть применим при описании современных процессов трудового неравенства. Многие эксперты отмечают, что после распада СССР увеличились традиционалистские взгляды на распределение гендерных ролей, согласно которым, женщина преимущественно занята домашним хозяйством, а мужчина карьерой и зарабатыванием денег. Эти установки закрепи-

⁶ Гендерная дифференциация на рынке труда: тенденции и проблемы // Мир перемен. 07.03.2017. URL: <https://u.to/Vr9DHA> (дата обращения: 03.07.2022).

лись в массовом сознании и повлияли на весь рынок труда⁷. В связи с этим, женщинам тяжело участвовать в конкурсе на высокостатусные должности.

Отметим, что гендерные стереотипы являются значимым фактором, влияющим на неравенство мужчин и женщин в сфере занятости. Например, некоторые работодатели полагают, что новая сотрудница может вскоре после найма уйти в декрет и в этой связи более привлекательными кандидатами для них являются мужчины. Другой сильный стереотип заключается в том, что часто женщина воспринимается в образе домохозяйки, т.к. почти вся нагрузка по уходу за детьми и ведению домашних дел является обязанностью женщины и большинство мужчин не готовы делить с ней или брать на себя часть этих обязанностей. 71% россиян считают, что главное предназначение женщины – быть матерью и хорошей хозяйкой⁸. При решении о приеме на работу, на это обстоятельство работодатель также часто обращает внимание и его выбор бывает не в пользу женщины.

Влияние традиционных стереотипов делает практически любую профессию гендерно не нейтральной. Этому влиянию подвержены не только работодатели, но и часто сами работники. В научной литературе выделяются стереотипы положения и стереотипы поведения [4]. Стереотипы положения – социальные конструкты, присущие работодателю. Они проявляются в том, что работодатель часто воспринимает женщин, как менее продуктивных работников из-за того, что им приходится совмещать работу и домашние обязанности, что в конечном счете ведет к уменьшению производственной эффективности. С другой стороны, стереотипы поведения – это стереотипы, которые присущи самим работникам. Женщины, понимая, что им сложно конкурировать с мужчинами, предпочитают выбирать такую сферу деятельности, где предполагается меньшая затрата трудовых усилий и возможности карьерного роста практически отсутствуют. По данным опросов НАФИ, 89% женщин считают, что именно мужчина должен обеспечивать семью, и только 45% согласны, что женщина должна обеспечивать себя сама⁹. Таким образом, влияние стереотипов на гендерную дискриминацию в трудовой сфере проявляется не только со стороны работодателя, но также отмечается влияние механизма «самоотбора» работника. Т.е. сотрудник сам ставит себе ограничения, что в итоге не позволяет мужчинам и женщинам занимать должностную позицию схожую по уровню сложности и требующую схожих компетенций [4].

Сегодня на законодательном уровне закреплены нормы о том, что отдавать предпочтения кандидатам или ограничивать чьи-то права при найме на работу в зависимости от пола – запрещено. Однако данные исследований демонстрируют нам, что отбор соискателей определенного пола работодатели часто проводят в негласной форме. Служба Исследований HeadHunter опросила представителей работодателей и выяснилось, что большинству опрошенных (96%) приходилось специально искать сотрудников определенного пола. «Чаще всего подбор кандидатов конкретного пола проводится на позиции неквалифицированного персонала (рабочие, административный персонал, например секретари и администраторы офиса, и так далее) – 30% работодателей утверждают, что целенаправленно ищут только мужчин или только женщин на эти пози-

⁷ Смагин А., Троянова А. Сколько вы зарабатываете по сравнению с коллегами противоположного пола // Тинькофф Журнал. 24 июня 2021. URL: <https://u.to/hr9DHA> (дата обращения: 05.07.2022).

⁸ Андреева А. Опасные взгляды: как гендерные стереотипы мешают развивать экономику // Forbes. 14 мая 2020. URL: <https://u.to/AL9DHA> (дата обращения: 03.07.2022).

⁹ Там же.

ции постоянно»¹⁰. Требование заказчика – одна из главных причин, по которым ведется отбор сотрудников на основании гендерного разделения. Другая значимая причина – содержание должностных обязанностей и стереотипные представления работодателя о том, что с необходимым функционалом лучше справится представитель конкретного пола. Об этих причинах заявили 64% участвовавших в опросе представителей работодателя соответственно¹¹. Отметим, что в современном российском обществе достижение гендерного баланса в трудовой сфере несколько затруднено. Большинство профессий в России могут быть отнесены к преимущественно мужским или преимущественно женским. Укреплению такого мнения среди работодателей отчасти способствуют СМИ, которые закрепляют подобные гендерные стереотипы в современном публичном дискурсе [5].

По данным ВЦИОМ, 71% опрошенных говорят о том, что работают в коллективе, где ярко обозначено преобладание сотрудников мужского или женского пола, и только 26% респондентов отмечают, что трудятся в гендерно сбалансированных коллективах, где примерно одинаковое количество мужчин и женщин. «При этом трудятся преимущественно в мужском коллективе 41% работающих россиян, в том числе 64% мужчин и только 15% женщин. В преимущественно женском коллективе работают 30%, в том числе 52% женщин и только 10% мужчин»¹² (см. табл. 1).

Таблица 1

Скажите, Ваш рабочий коллектив преимущественно мужской, преимущественно женский или в коллективе примерно поровну мужчин и женщин?

(закрытый вопрос, один ответ, % от работающих респондентов, март 2022)

Вариант ответа	Все опрошенные	Мужчины	Женщины
Преимущественно мужской	41	64	15
Преимущественно женский	30	10	52
Примерно поровну мужчин и женщин	26	24	28
Затрудняюсь ответить	3	2	5

Источник: ВЦИОМ. Результаты всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник». Дата проведения: 03 марта 2022 года. N = 1600 респондентов от 18 лет. URL: <https://u.to/r8BDHA>.

Анализируя вопрос о непосредственном руководителе, также видим, что мужчины-управленцы склонны чаще принимать подчиненных мужского пола, а женщины-руководители – женского. Данные исследования показывают, что в 82% случаев мужской коллектив возглавляют мужчины, в 54% случаев женский коллектив возглавляют женщины. При этом отметим, что в целом, должность руководителя – преимущественно мужская: 63% опрошенных работают в трудовых коллективах, возглавляемых мужчинами (см. табл. 2).

¹⁰ Достижимо ли гендерное равенство на рынке труда? // Head Hunter. 2 марта 2020. URL: <https://hh.ru/article/26280> (дата обращения: 04.07.2022).

¹¹ Там же.

¹² Работа, зарплата и руководство: достигнут ли гендерный баланс? : аналитический обзор // ВЦИОМ. 05 марта 2022. URL: <https://u.to/r8BDHA> (дата обращения: 02.07.2022).

Таблица 2

Скажите, Ваш непосредственный руководитель – мужчина или женщина?
(закрытый вопрос, один ответ, % от работающих респондентов, март 2022)

Вариант ответа	Все опрошенные	Мужчины	Женщины
Мужчина	63	82	42
Женщина	31	12	54
Затрудняюсь ответить	6	6	4

Источник: ВЦИОМ. Результаты всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник». Дата проведения: 03 марта 2022 года. N = 1600 респондентов от 18 лет. URL: <https://u.to/r8BDHA>.

В вопросе оплаты труда гендерное неравенство проявляется особенно ярко в коллективах, членами которых являются преимущественно мужчины. Только 55% опрошенных, которые работают в таких коллективах говорят о том, что зарплаты распределены справедливо, без учета гендерного фактора. В коллективах, которые состоят в основном из работников женского пола – ситуация несколько лучше, здесь о справедливом разделении оплаты труда заявляют 65% опрошенных (см. табл. 3).

Таблица 3

Скажите, в организации, в которой Вы работаете, у мужчин и у женщин, выполняющих одинаковые обязанности на одинаковых должностях, зарплата одинаковая или разная? И если разная, то у кого она больше: у мужчин или у женщин?

(закрытый вопрос, один ответ, % от работающих респондентов, март 2022)

Варианты ответа	Все	Работающие в преимущественно мужском коллективе	Работающие в преимущественно женском коллективе	Работающие в гендерно сбалансированном коллективе
Одинаковая у мужчин и у женщин	62	55	65	71
Больше у мужчин	11	16	5	9
Больше у женщин	4	3	8	4
Затрудняюсь ответить	23	26	22	16

Источник: ВЦИОМ. Результаты всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник». Дата проведения: 03 марта 2022 года. N = 1600 респондентов от 18 лет. URL: <https://u.to/r8BDHA>.

Негативный гендерный стереотип в общественном мнении о женском лидерстве часто является одной из причин, которые затрудняют профессиональную реализацию женщины. Однако, как показывают данные исследований, сегодня его во многом удается преодолеть. По данным ВЦИОМ, 58% россиян считают, что пол не оказывает влияния на предрасположенность к лидерским качествам (см. табл. 4).

Таблица 4

**По Вашему мнению, кто больше предрасположен к лидерству
— мужчины или женщины? И почему?**
(полузакрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных, ноябрь 2019)

Варианты ответа	Все опрошенные
Пол не имеет значения	58
Мужчины	32
Женщины	8
Затрудняюсь ответить	2

Источник: ВЦИОМ. Результаты всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник». N = 1600 респондентов от 18 до 60 лет. URL: <https://u.to/csRDHA>.

К лидерам-женщинам позитивно относятся 47% опрошенных, а о нейтральном отношении заявляют 49%. Респонденты отмечают, что есть сферы, в которых руководство нужно доверить именно женщинам. Так полагают четверть россиян, 25% опрошенных. Среди таких сфер выделяют: гуманитарные отрасли и образование (6%), медицину (5%), воспитание детей и дошкольное образование (3%), сферу красоты и моды (2%). Факторы, которые способствуют профессиональной карьере женщины и достижению руководящих позиций следующие: личные качества женщины (45%), желание и личная заинтересованность (37%), поддержка окружающих (25%). Среди факторов, которые в наибольшей степени ограничивают женскую карьеру, 36% опрошенных назвали нежелание или отсутствие заинтересованности женщины заниматься карьерой¹³. Отметим, что сегодня многие компании в разных сегментах рынка считают значимым вопросом процесс формирования эффективного состава руководства и персонала, не принимая во внимание гендерный фактор. Это позволяет достигать открытости бизнеса для всех соискателей. Однако, данные исследований свидетельствуют о низкой представленности женщин на руководящих и ключевых постах в разных сферах занятости. Так, например, в списке 1000 компаний, составленных Fortune, женщин руководителей все лишь 14%¹⁴.

Выводы. В целом отметим, что нам удалось проанализировать ряд тенденций гендерных различий, которые сегодня являются наиболее ярко проявляющимися, оказывают как косвенное, так и прямое влияние на социальные практики поведения россиян в сфере занятости на рынке труда. Можно говорить о том, что на сегодняшний день гендерное равенство достигнуто только в шести странах мира – это Бельгия, Дания, Франция, Латвия, Люксембург и Швеция. Согласно исследованию «Женщины, бизнес и закон 2019», которое провел Всемирный банк, Россия занимает 75 место в данном рейтинге. Существенным выводом, на который указывает Всемирный банк является тот факт, что существует связь между уровнем экономического развития и гендерным

¹³ Лидерство: гендерные стереотипы отстают : аналитический обзор // ВЦИОМ. 26 ноября 2019. URL: <https://u.to/csRDHA> (дата обращения: 02.07.2022).

¹⁴ Фокина Н. Бизнес без границ. Почему нельзя верить мифам о женщинах-лидерах // Forbes. 14 апреля 2018. URL: <https://u.to/OMVDHA> (дата обращения: 03.07.2022).

равенством¹⁵. Поэтому значимой задачей является деятельность по созданию благоприятных условий для работы женщин. Это позволит эффективно обеспечивать их экономические права и предоставит возможности для профессиональной самореализации. Современная неолиберальная модель общественного устройства создает препятствия расширению экономических возможностей женщин. В результате проведенного анализа выделены следующие аспекты, на которые можно опираться сегодня при рассмотрении существующих проблем гендерного неравенства сферы труда и занятости. Первый аспект заключается в том, что политика неолиберализма стала основной причиной нарушения трудовых прав женщин, а также способствовала увеличению разрыва в заработной плате мужчин и женщин. Это привело к отмеченному низкому уровню зарплат у женщин, по сравнению с мужчинами. «Страны проводят стратегии экономического развития с приоритетом дешевой и нестандартной занятости, большинство которых приходится на женщин. Женщины также сосредоточены в неформальном секторе, где они часто испытывают недостаток прав и привилегий, таких как безопасный контракт, минимальный размер оплаты труда и социальной защиты»¹⁶. Второй аспект состоит в том, что обществом и государством не учитывается вклад неоплачиваемой работы женщин по дому в экономику. По данным ВЦИОМ, каждый второй (50%) респондент отмечает, что в выполнении хозяйственных дел по дому обязанностей больше у женщин, чем у мужчин¹⁷. Экономическая политика сегодня не развивает направление достаточных и необходимых инвестиций в сферы образования, здравоохранения и социальной защиты, что приводит к тому, что женщины вынужденно занимаются не приносящей им дохода домашней работой. Такое неравномерное распределение приводит к тому, что эта работа практически целиком и полностью ложится на женщин, что не позволяет им в полной мере заниматься работой или учебой. Кроме того, часто женщины оказываются в положении, когда они вынуждены отказаться от трудовой занятости из-за необходимости выполнять роль домашней работницы. Третий аспект, на который также важно обратить внимание – это затруднения, с которыми сталкиваются женщины, пытаясь включиться в процесс участия и влияния на принятие экономических и управленческих решений. Так, по данным исследований каждый пятый (21%) опрошенных считает, что в возможности участвовать в общественной и политической жизни у мужчин прав больше, чем у женщин¹⁸. Это обусловлено тем, что женщины преобладают в неформальных секторах занятости, которые не просто организовать и обеспечить равноправное участие в общественно политическом процессе.

Библиографический список

1. *Фадеева, Е. В., Великая, Н. М., Белова, Н. И.* Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2(26). С. 58–71. DOI [10.28995/2073-6401-2021-2-58-71](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-2-58-71). EDN OAJLZI.
2. *Ирсетская, Е. А.* Особенности организации трудовой деятельности женщин в России в период пандемии коронавируса // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-2. С. 215-227. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-215-226](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-215-226). EDN ZFCRWZ.

¹⁵ Гендерные проблемы рынка труда Москвы : проектная работа. Москва, 2020. URL: <https://mguu.ru/wp-content/uploads/2020/04/Tekst-vystupleniya-1.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гендерное равенство в России: миф или реальность? // ВЦИОМ. 5 апреля 2019. URL: <https://u.to/B79DHA> (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁸ Там же.

3. *Абазиева, К. Г.* Гендерная дифференциация в России в сфере занятости: новые тенденции и социальные проявления // Учет и статистика. 2008. № 2(12). С. 245-250. EDN [JZBJZF](#).

4. *Мальцева, И. О., Роцин, С. Ю.* Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ. 2006. 295 с. ISBN 5-7598-0435-9. EDN [QOGLON](#).

5. *Китайцева, О. В.* Проблема насилия в отношении женщин в российском медиапространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-3. С. 435–447. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-435-447](#).

Дата поступления в редакцию: 20.07.2022.

Принята к печати: 13.08.2022.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Ирсетская, кандидат социологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ; специалист Департамента специальных программ и мероприятий, ВЦИОМ. Москва, Россия.

e-mail: irsetskaya_e@wciom.com

Author ID РИИЦ: 617235

ORCID: 0000-0003-0191-6486

Scopus ID: 57195632910

E. A. Irsetskaya^{1,2}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation.

² VCIOM (Russian Public Opinion Research Center).

Moscow, Russia.

PROBLEMS OF GENDER DIFFERENTIATION IN THE LABOR MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The issue of gender imbalance is one of the most common topics for analysis within the framework of scientific discourse today, and it is also reflected in many applied socio-economic studies. Recent events such as the coronavirus pandemic and the special military operation have had a major impact on the Russian economy, most notably in the area of labor relations and employment. State guarantees for the provision of equal rights in the labor market for women and men in the current crisis need additional stimulation and development in order to reflect and ensure the rights of women and men in the labor market and prevent serious gender asymmetries. However, the changes that have taken place in society have contributed to the intensification of the process of manifestation of gender differentiation and discrimination against women in the labor market. Socio-economic changes have largely affected the life of every Russian family. Emerging intra-family problems significantly limited the opportunities for social and professional growth of women, their opportunities for self-realization, and also led to an increase in the risk for women associated with the loss of a job. In addition, we can notice the presence and reproduction of gender stereotypes in modern society. They have significant impact on development of public opinion and attitudes towards women's work, both among the leaders of organizations and among women themselves. The current situation goes to the further consolidation of the process of gender differentiation in the economic sphere, as well as to the strengthening of the financial dependence of women on men.

Keywords: sociology of labor, gender differentiation, women's employment, labor relations, gender discrimination.

For citation: Irsetskaya, E.A. (2022) Problems of gender differentiation in the labor market of the Russian Federation. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 36-45. DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.3](#)

References

1. Fadeeva, E. V., Velikaya, N. M., Belova, N. I. (2021) Social well-being of Russians during the spread of coronavirus. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. No. 2. Pp. 58–71. DOI [10.28995/2073-6401-2021-2-58-71](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-2-58-71) (in Russ.).
2. Irsetskaya, E. A. (2022) The organization features of the Russian women labor activity during pandemic of coronavirus. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. No. 1. Part 2. Pp. 215-227. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-215-226](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-215-226) (in Russ.).
3. Abazieva, K. G. (2008) Gender differentiation in sector of employment in Russia: new tendencies and social manifestation. *Accounting and statistics*. No. 2(12). Pp. 245-250 (in Russ.).
4. Maltseva, I. O., Roshchin, S. Yu. (2006) *Gender segregation and labor mobility in the Russian labor market [Gendernaya segregaciya i trudovaya mobil'nost' na rossijskom rynke truda]*. Moscow, HSE Publ. 295 p. ISBN 5-7598-0435-9 (in Russ.).
5. Kitaitseva, O. V. (2022) The issue of violence against women in the Russian media space. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. No. 1. Part 3. Pp. 435–447. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-435-447](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-435-447) (in Russ.).

The article was submitted on July 20, 2022.
Accepted on August 13, 2022.

Information about the author:

Elena A. Irsetskaya, Candidate of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; VCIOM (Russian Public Opinion Research Center), Specialist of the Department of Special Programs and Events.
Moscow, Russia.

e-mail: irsetskaya_e@vciom.com

ORCID: 0000-0003-0191-6486

Scopus ID: 57195632910

DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.4)EDN [MYCDDX](https://www.edn.ru/10.19181/nko.2022.28.2S.4)

УДК 316.4

М. Ю. Милованова¹, В. А. Василевская¹¹ Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия.

НАСИЛИЕ И ДОМОГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДА КАК ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРА

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Гендерные исследования как междисциплинарная академическая основа для эффективной научной коммуникации в современных социальных и гуманитарных науках» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ», 2022).

Аннотация. Проблема насилия и домогательств в сфере социально-трудовых отношений актуализируется как проблема гендера, репрезентация которой затруднена из-за недостаточных тематических исследований и социальной латентности. В статье проанализированы данные статистики и проведенных количественных социологических опросов, авторского качественного исследования «Деятельность профсоюзов в продвижении принципов гендерного равенства» методом глубинного интервью представителей и лидеров российских профсоюзов, являющихся экспертами в области гендера. Эмпирическая база позволила выявить степень остроты харассмента на рабочем месте, расставить приоритеты в сравнении с другими вопросами экономической дискриминации по признаку пола, готовности социума к открытому и публичному её обсуждению. Определён спектр причин, по которым люди подвергаются дискриминации на рабочем месте, их обусловленность уровнем материального благополучия, детерминированность бедностью, отраслью занятости, различием толкования культурно-нравственных норм в поколениях. В качестве механизма, который мог бы стать шагом к изменению отношения участников социального партнёрства к насилию и домогательствам в сфере труда, респондентами обсуждена Конвенция МОТ 190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда» (2019), ограничения её ратификации в связи с текущей общеполитической и международной ситуацией. Делается вывод о сохранении активной роли именно российских профсоюзов, их гендерных структур, являющихся ассоциативными членами международных профсоюзных организаций в просветительской, информационной работе, реальном оказании помощи пострадавшим, а также участии в разработке законодательных инициатив и рекомендаций в правоприменении действующих законов. Делается прогноз о необходимости поиска внутренних инструментов решения проблемы насилия и домогательств в сфере социально-трудовых отношений, перевода публичной повестки в конструктивное русло.

Ключевые слова: гендер, гендерное равноправие, профсоюзы, Международная организация труда (МОТ), харассмент, насилие, домогательства, занятость, трудовые отношения.

Для цитирования: Милованова, М.Ю., Василевская, В.А. *Насилие и домогательства в сфере труда как проблема гендера // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 46-57. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.4. EDN MYCDDX*

Введение. Важным проявлением гендерного неравенства является проблема насилия и домогательств в сфере социально-трудовых отношений. Одними из первых на глобальном уровне о защите и продвижении прав трудящихся женщин заговорили члены Международной организации труда (МОТ), что стало неотъемлемой частью мандата практически сразу после создания данной международной организации в 1919 году и явилось отправной точкой для

актуализации проблемы в масштабах всего мира. В 1951 году выходит Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности, а в 1958 году – Конвенция о дискриминации в области труда и занятий. МОТ как важный арбитр регулирования социально-трудовых отношений, призывает ратифицировать Конвенции, связанные с правами женщин прежде всего через глобальные профсоюзы, которые ведут активную работу во многих регионах мира, а далее локальные профсоюзные объединения все чаще рассматривают кейсы дискриминации женщин на рабочем месте, харассмента и принимают соответствующие меры. За полвека пути к достижению гендерного равенства предпринято действительно многое. Например, в 1970 году принимаются первые законы, касающиеся сексуальных домогательств на работе и насилия в семье. В настоящее время есть только 32 страны, которые не имеют законодательства о домашнем насилии, и 49, которые не имеют законов о сексуальных домогательствах¹. Отсутствие правовой защиты наблюдается в 70% стран Ближнего Востока и Северной Африки, половине в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе и одной трети в Латинской Америке и Карибском бассейне. Это потенциально затрагивает более 500 миллионов женщин по всему миру². На сегодняшний день одним из наиболее актуальных вопросов гендерной проблематики для МОТ является ратификация государствами Конвенции № 190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда»³. Современная Россия не имеет законов, касающихся этого⁴.

Смысловое наполнение понятия харассмента в русском языке несколько отличается от его толкования в английской версии. Под харассментом в России подразумевают приставания и сексуальные домогательства – нежелательное навязчивое внимание, шутки и сексуальные намеки, шлепки и прикосновения, угрозы, шантаж. В английской версии «harassment» имеет более широкую трактовку – любые действия, которые ставят человека в неловкое положение, унижают его достоинство и систематически нарушают личные границы. Сошлемся на интерпретацию Международной конфедерации профсоюзов (МКП/ITUC), выделяющей шесть основных форм гендерного насилия в сфере труда: словесные оскорбления, унижения, травля (буллинг), запугивание, преследование (сталкинг) и онлайн-атаки. В Международную конфедерацию профсоюзов (МКП/ITUC) входят оба национальных профцентра России – Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) и Конфедерация труда России (КТР). По данным КТР, насилие может исходить от коллег, работодателей, руководителей и клиентов, а наиболее высокими рисками являются неформальная занятость, случайные заработки, низкая оплата труда, отсутствие профсоюзов и низкая подотчетность управленцев. Из-за отсутствия корректной законодательной базы и просветительской работы с населением, ни по одному из них нет точных исследований.

Таким образом, для социологического исследования тема актуальна, но трудна, в силу своей латентности, имеющейся личностной консервации по причине замалчивания фактов, о которых стыдно говорить публично, а лучше забыть

¹ Foltynova K. The Rocky Road To Gender Equality: Are Women Better Off Now Than In 1970? // Radio Free Europe/Radio Liberty. April 13, 2021. URL: <https://u.to/dPIIDHA> (дата обращения: 04.06.2022).

² Women, Business and the Law: report // The World Bank. 2018. URL: <https://u.to/IPIDHA> (дата обращения: 04.06.2022).

³ Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда: Конвенция № 190 // МОТ: [официальный сайт]. URL: <https://u.to/qvIDHA> (дата обращения: 18.04.2022).

⁴ Foltynova K. The Rocky Road To Gender Equality: Are Women Better Off Now Than In 1970? // Radio Free Europe/Radio Liberty. April 13, 2021. URL: <https://u.to/dPIIDHA> (дата обращения: 04.06.2022).

и не вспоминать. Кроме этого, отсутствуют статистические данные, а также сами методы добывания эмпирической информации, а значит отсутствие точных репрезентативных тематических исследований⁵. С позиции гендера жертвами становятся лица обоих полов, однако в подавляющем большинстве сексуальным домогательствам подвергаются женщины.

Методы исследования. Данная публикация построена на основе вторичного анализа исследований по тематике насилия в трудовой сфере, научной литературы, но, более всего использовались результаты авторского качественного исследования «Деятельность профсоюзов в продвижении принципов гендерного равенства». Исследование проведено методом глубинного интервью в марте-апреле 2022 года. Все респонденты в возрасте до 55 лет являются экспертами в области гендерных исследований, социальных практик и деятельности профсоюзов в России. В ходе интервью перед экспертами ставился вопрос, насколько острой можно считать проблему харассмента, о готовности социума к открытому и публичному обсуждению, в чем состоит основная причина, по которой люди подвергаются дискриминации на рабочем месте, какие меры следует предпринимать профсоюзам для решения данной социальной проблемы?

Степень научной разработанности темы. Обозначенная проблема активно изучается в работах М. В. Арзамасцева [1], А. А. Долгополова [2], С. Н. Ерминой [3], А. А. Караванова и И. Ю. Устинова [4], И. Н. Мысляевой [5], Д. К. Назарова [6], А. В. Присекина и А. А. Волковой [7], О. А. Мирясовой [8], а также освещена в монографии о гендерных проблемах в сфере труда [9]. Особый акцент на гендерной дискриминации ставится в трудах таких авторов, как Т. Ю. Пашко [10], В. Сакевич [11], Д. С. Константинова [12], а также описываются в *Global Gender Gap Report*⁶ и в «Обзоре ситуации с насилием и харассментом в сфере труда в перспективе ратификации Конвенции МОТ № 190 в Российской Федерации»⁷. Изучение названных работ позволяет с разных точек зрения взглянуть на проблему гендерного неравенства как в целом, так и в социально-трудовом поле. Авторы обращают внимание не только на актуальную гендерную повестку, но и на причины возникновения дискриминации, механизмы борьбы с ней, а также на реальных примерах показывают состояние трудовой сферы и наличие неравноправия полов в ней.

Полученные результаты. Тема осуждения сексуального насилия и домогательств из теневой стала скандально-публичной в результате афиширования обвинений в киноиндустрии США, благодаря мгновенно распространившийся фразе «Me Too» - Я тоже (или #MeToo) в социальных сетях в октябре 2017 года. Хотя в правовом поле западных стран уже в 70-е годы судебные разбирательства были в практике. В России тема вышла в публичное пространство в последние годы, что наши респонденты единодушно подтвердили:

«В последние годы стало значительно больше внимания в публичном про-

⁵ Миронова К. Какие ваши домогательства // Коммерсант. 22 сентября 2018. URL: <https://u.to/5-IDHA> (дата обращения: 05.06.2022).

⁶ The Global Gender Gap Report 2012 // World Economic Forum. 2012. URL: <https://u.to/GfpDHA> (дата обращения: 05.06.2022).

⁷ Обзор ситуации с насилием и харассментом в сфере труда в перспективе применения и ратификации Конвенции МОТ № 190 в Российской Федерации // КТР: [официальный сайт]. 28 января 2022. URL: <https://u.to/MfpDHA> (дата обращения: 05.06.2022).

странстве и, в первую очередь, со стороны СМИ, потому что 10 лет назад вообще мало кто был готов на эту тему писать»⁸.

«Число публикаций у нас стало больше особенно за последние 5 лет по этой теме».

Однако, одна из эксперток подчеркнула, при увеличении количества публикаций до сих пор остаются СМИ, не относящиеся к описанной проблеме серьёзно:

«Вот есть эта желтая пресса, там пишут про звёзд шоу-бизнеса, кто к кому приставал, кто кого разоблачил».

Подобное преподнесение проблемы укрепляет в обществе мнение о надуманности и преувеличении масштабов неравенства, её персональной локальности.

«Если мы говорим об основной части населения нашей страны, то только Оксана Пушкина для них более-менее узнаваемое лицо».

Тем не менее, это же и даёт почву для дальнейшего изучения причин распространения неравенства и способов борьбы с ним. В 2020 году ВЦИОМ провел исследование о различных формах домогательства на работе, о личном опыте и об отношении к данной проблеме. Анализ полученных данных показывает, что 84% как мужчин, так и женщин никогда не сталкивались с неприличными ремарками, грубыми шутками, комментариями по поводу внешности. Однако в возрастной группе 18-24 года таких лишь 64%. По данным опроса высок процент тех, кто не получал предложений сексуальных отношений, требований сексуального характера – 85% мужчин и 87% женщин. Возрастная группа 18-24 года показывает менее благополучную ситуацию, лишь 63% не оказывались в такой щекотливой ситуации. Более внимательное отношение к данным показывает, что двое из ста мужчин, одна из ста женщин постоянно живут в этом, двое из ста, как женщин, так и мужчин переживали это много раз, а шестеро из ста представителей обоих полов – один-два раза. Суммирование, на первый взгляд, невысоких процентов даёт масштаб – каждый десятый открыто признаёт существование проблем предложения сексуальных отношений, требований сексуального характера, а также опыта обстоятельств нежелательных прикосновений, объятий, похлопывания⁹. Обращает на себя внимание опрос 20 257 российских работников (47% из них мужчины и 53% женщины), проведенный газетой «Ведомости» и аналитической компанией Online Market Intelligence (ОМІ) в 2020 году¹⁰. По результатам опроса 7% мужчин и 16% женщин хотя бы раз за свою карьеру подвергались сексуальным домогательствам. Любопытно, что половина респондентов не предприняла ничего, 16,8% опрошенных сами уладили инцидент (пожаловались родственникам, дали обидчику пощёчину, стали его избегать), 17,2% потерпевших подали заявление об увольнении. На такой радикальный шаг решились вдвое больше женщин, чем мужчин. Лишь 2,6% потерпевших обратились в правоохранительные органы [13].

Учитывая то, что в нашей стране высокий уровень участия обоих полов в рабочей силе, женщин в трудоспособном возрасте (16-54 года) – 79,1%, мужчин в трудоспособном возрасте (16-59 лет) – 85,1%¹¹, то исследование постав-

⁸ Здесь и далее: курсивом приведены ответы экспертов в ходе авторского качественного исследования «Деятельность профсоюзов в продвижении принципов гендерного равенства» (М. Ю. Милованова, В. А. Василевская). Российский государственный гуманитарный университет, 2022 г.

⁹ Приставания и харассмент на работе: не сталкивались, но осуждаем! : аналитический обзор // ВЦИОМ. 03 августа 2020. URL: <https://u.to/rvpDHA> (дата обращения: 06.07.2022).

¹⁰ Подчероб М. Сексуальные домогательства на работе: российская специфика // Ведомости. 23 января 2020. URL: <https://u.to/xvpDHA> (дата обращения: 06.07.2022).

¹¹ Женщины и мужчины России. 2020 : Стат. сб. / Росстат. Москва, 2020. 239 с. URL: <https://u.to/KglEHA> (дата обращения 04.07.2022).

ленной проблемы весьма актуально, что признают все эксперты. Несмотря на то, что позиции всех опрошенных специалистов сводятся к признанию серьезности и актуальности проблемы харассмента на рабочем месте, двое экспертов высказались о несколько иных случаях.

«В государственном ВУЗе стали известны случаи обвинения преподавателей в домогательствах со стороны студенток, которые в последствие благополучно раскрывались. Делалось это, чтобы отомстить неугодному преподавателю».

Одна из эксперток подтвердила практику продвижения по карьерной лестнице через связь с руководителем:

«Некоторые женщины самостоятельно идут на это, чтобы получить в обход других какие-то блага».

В указанных случаях, экспертные позиции ставят проблему домогательств на рабочем месте как благодатную почву для манипуляций, которыми может пользоваться не только женщина против любого мужчины, но и мужчины в своих интересах.

Эксперты ставят проблему экономической дискриминации в социально-трудовых отношениях как более приоритетную:

«Даже некорректно сравнивать харассмент с экономическим гендерным разрывом».

«Экономическая дискриминация касается 90 процентов занятых, а харассмента...60 процентов».

Действительно, самыми проблемными областями в реализации социально-трудовых прав остаётся оплата труда и начало карьеры. По данным Росстата, разрыв в оплате труда мужчин над женщинами в России в 2019 году составил 27,9%, что существенно превышает среднемировой показатель – около 16-17%¹², при этом разрыв варьируется от места работы и вида деятельности.

Основные причины харассмента на рабочем месте покоятся в разнящихся представлениях о норме взаимоотношений как у мужчин, так и у женщин, в зависимости от материального благополучия, возраста. Более того, реплики и прикосновения в свой адрес каждый человек, согласно мнениям экспертов, воспринимает по-разному в зависимости от своих культурных и ценностных установок. Интересно заметить, что при определенных условиях человек склонен нормализовать непристойное поведение в свою сторону, даже при условии, что отрицательно к нему относится.

«Это проблематично именно для бедных. Если мы говорим о Москве и о том, что у девушки не получается строить карьеру из-за домогательств начальника – это одна проблема. Но когда мы говорим о матери-одиночке, которая работает в каком-нибудь ларьке без оформления и у нее проблемы с домогательствами, но она знает, что если она оттуда уйдет, то вообще никуда не устроится, она вообще будет это терпеть. Чтобы в этом выжить, люди говорят, что всегда так было и ничего с этим не сделаешь».

Однако:

«Что для старших поколений и зрелых людей норма, то для молодёжи уже неприемлемо».

Таким образом, из-за финансовой зависимости от места работы, особенно при прочих обременяющих обстоятельствах (уход за детьми, больными род-

¹² How big is the gender pay gap in your country? : Global Wage Report 2018/19 // International Labour Organization. URL: <https://u.to/D-tDHA> (дата обращения: 12.04.2022).

ственниками, отсутствие других источников дохода и пр.) люди вынуждено мирятся с харасментом на рабочем месте, возводя в приоритет заработную плату, стабильное финансовое положение.

В качестве причины, по которой женщины подвергаются харасменту на рабочем месте, названо также стереотипное распределение властных полномочий.

«Это больше про власть. Просто уж так получается, что у нас властью располагают мужчины и они предпочитают распоряжаться этой властью через сексуализированное насилие».

«Если морального закона внутри нет, а правовая система тебя не защищает, то, конечно, начальник или работодатель может позволить себе всё, что угодно».

Таким образом, установка «начальник-подчиненный», где первый – чаще всего мужского пола, а второй – женского, создает в коллективе атмосферу превосходства и, в некоторых случаях, вседозволенности и безнаказанности.

В качестве механизма, который позволил бы более радикальное отношение к насилию и домогательствам в сфере труда, называется ратификации Конвенции МОТ № 190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда». Она принята Генеральной конференцией МОТ 10 июня 2019 года и является первым международным договором о недопущении насилия и домогательств. В конференции, работавшей в Женеве с 10 по 21 июня 2019 года, приняли участие около 5 тыс. представителей правительств, профсоюзов и предпринимателей из 187 стран, включая Россию¹³. На данный момент Конвенция ратифицирована одиннадцатью государствами, включая Аргентину, Намибию, Сомали, Уругвай, Фиджи, Эквадор и др., в марте 2022 года к ним присоединилась Великобритания, ставшая третьей среди европейских государств. Поясним, что в случае присоединения к Конвенции, страна применяет её в национальном законодательстве и практике, а также регулярно сообщает МОТ о результатах её деятельности. Договор обязывает властные структуры требовать от работодателей наличия политики, направленной на борьбу с насилием, буллингом и харасментом на рабочем месте, оценку рисков, превентивные меры и обучение¹⁴. Россия на момент голосования в 2019 году воздержалась от голосования, а еще семь государств высказались против¹⁵. В механизме социального партнёрства у нашей страны пока не сложилось какой-либо консолидированной позиции о необходимости ратификации К190: правительство воздерживается, работодатели уклонились ещё при голосовании, лишь профсоюзы поддержали упомянутую Конвенцию.

«Основная профсоюзная международная кампания – это, как раз, за ратификацию Конвенции против насилия и харасмента, а у нас нет такой профсоюзной кампании совсем».

«Конечно, на международном уровне идёт серьезная работа, там много аналитиков, экспертов, можно сказать, феминистское лобби присутствует...в европейских профсоюзах, конечно, свои практики».

«Для международного профсоюзного движения вот эта тема гендерного равенства и безопасности, тема насилия, харасмента, гендерная дискримина-

¹³ МОТ приняла конвенцию об искоренении насилия и домогательств в сфере труда // ИА ТАСС. 21 июня 2019. URL: <https://u.to/K-tDHA> (дата обращения: 18.02.2022).

¹⁴ Обзор ситуации с насилием и харасментом в сфере труда в перспективе применения и ратификации Конвенции МОТ № 190 в Российской Федерации // КТР: [официальный сайт]. 28 января 2022. URL: <https://u.to/MfpDHA> (дата обращения: 05.06.2022).

¹⁵ How big is the gender pay gap in your country? : Global Wage Report 2018/19 // International Labour Organization. URL: <https://u.to/D-tDHA> (дата обращения: 12.04.2022).

ция – это прямо одна из основных, ключевых тем для вообще всех международных профсоюзных объединений».

Несмотря на то, что ведущие профсоюзные ассоциации России – ФНПР, КТР – перенимают международные тенденции в сфере совершенствования трудовых отношений, эксперты полагают, что деятельность российских объединений несколько слабее, чем международных:

«У нас, знаете, догоняющая такая реакция. Международные профсоюзы, они гораздо дальше продвинулись».

«Во всех европейских профсоюзах сейчас обязательно есть женский комитет или комиссия по гендерному равенству».

Заостряется проблема «невидимости» харассмента, оценить ситуацию возможно лишь по отраслевым исследованиям (ресторанный бизнес, журналистика). Экспертами отмечена исследовательская работа «Новопрофа»:

«У них было проведено исследование о насилии в ресторанном бизнесе, и они вложились в это, выходили публикации. Это была такая профсоюзная инициатива».

Проводятся также параллели, сравнения ситуации на Западе и в России:

«Видение проблемы – оно одинаковое, но у них (у российских и зарубежных профсоюзов – прим. авт.) возможности разные и из-за численности, и из-за ситуации в стране»; «Можно вспомнить акцию, которая очень была шумевшая, с шествиями, когда горничные «Мариотта» выходили против харассмента...но у нас такая ситуация, что акции практически невозможно какие-либо провести».

«Им не нужно преодолевать те стереотипы, которые еще владеют умами многих в Российской Федерации».

«Если в других странах активисты думают, как проблему неравенства решить, то у нас до сих пор приходится доказывать, что неравенство – есть».

Обсуждение. Действительно, рост общественного внимания к проблеме насилия и харассмента в сфере труда наметился лишь в последние годы¹⁶. Однако, лидеры крупных профсоюзных центров России всё же настаивают на ратификации Конвенции 190, проводят просветительскую работу, участвуют в различных мероприятиях, посвященных борьбе с насилием, проводят исследования. В России разработка эффективных мер для противостояния харассменту в сфере труда находится на начальной стадии. Это связано, в том числе, с тем, что в настоящее время очень сложно дать объективную оценку масштабам насилия в трудовой сфере, в связи с многообразием его форм, субъективностью восприятия жертвы, а также сложностью выявления и фиксации случаев харассмента на рабочем месте [1, с. 164]. Согласно усредненным данным различных опросов, приведенным Конфедерацией труда России, приблизительно от 20% до 30% трудящихся в России сталкиваются с домогательствами в разных их проявлениях на рабочем месте, от 30% до 45% – с травлей на работе или во время учебы в высших и средне-специальных учебных заведениях [8, с. 10]. Кроме того, эксперты выделяют группы, которые наиболее подвержены насилию и унижениям на рабочем месте: студенты (разрыв в статусных позициях с коллективом), мигранты (социальный статус существенно ниже, неофициальная занятость), работники сферы развлечений и шоу-бизнеса (зависимость

¹⁶ Обзор ситуации с насилием и харассментом в сфере труда в перспективе применения и ратификации Конвенции МОТ № 190 в Российской Федерации // КТР: [официальный сайт]. 28 января 2022. URL: <https://u.to/MfpDHA> (дата обращения: 05.06.2022).

от оценок режиссеров, высокая конкуренция) [4, с. 81]. Выделяются также и условия, при которых сотрудники с большей вероятностью могут быть подвержены харассменту, такие как наличие изолированных помещений, работа в ночное время суток, «свобода» в употреблении одурманивающих веществ, экономическая зависимость от работодателя.

В случае ратификации Конвенции МОТ 190 в России потребуется комплексный пересмотр существующего правового регулирования, подчинённая отчётность перед Международной организацией труда о результатах её применения. На сегодняшний день в России в соответствии с Конституцией РФ, Ст. 19¹⁷ провозглашено равенство мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности, что подразумевает обеспечение гендерного равноправия, а Ст. 30¹⁸ позволяет гражданам объединяться в профсоюзы и иные движения с целью защиты своих прав и интересов. Иными словами, Основной закон государства закрепляет за россиянами равенство, независимо от пола, а также возможность отстаивать свои права, в случае их ущемления, также, в формате общественных объединений. В дополнение к Статьям Конституции Российской Федерации, существует также Ст. 3 Трудового Кодекса РФ «О запрещении дискриминации в сфере труда»¹⁹, которая также на законодательном уровне подкрепляет равные права мужчин и женщин, в частности, в социально-трудовом поле. Оценивая ближайшие перспективы ратификации Россией К190, эксперты заявляют о нехватке политической воли, готовности модернизировать действующее правовое регулирование²⁰. В целях создания эффективных механизмов по продвижению принципов Конвенции 190 и дальнейшей ее ратификации, эксперты-правоведы настаивают на изменении и пересмотре существующих в России нормативных актов, в первую очередь в сфере трудового, административного, уголовного законодательства – ТК РФ, КоАП РФ, УК РФ [3, с. 74].

Выводы. Харассмент в социально-трудовых отношениях, безусловно, входит в предметную область изучения гендерной социологии, отражает социальные взаимодействия не просто между полами, но и укоренившиеся иерархические властные отношения, сложившиеся культурные нормы, их специфику в зависимости от возраста, трансформацию в представлениях молодёжи как нового поколения. Именно качественное исследование методом глубинного интервью позволило более отчётливо репрезентировать данные статистики и массовых социологических исследований, понять глубину социальной проблемы, наличие которой недопустимо игнорировать для благополучного социального партнёрства как механизма социально-трудового пространства занятости и труда. Удалось актуализировать необходимость разработки эффективной законодательной базы, которая позволила бы отделять случаи клеветы от серьезных правонарушений. Кроме того, важным шагом может стать внесение подобного пункта с описанием применяемых санкций за нарушение в договорные документы между работником и работодателем, что, на данный момент, пока

¹⁷ Ст. 19 Конституции РФ // КонсультантПлюс. URL: <https://u.to/-PxDNA> (дата обращения: 14.04.2022).

¹⁸ Ст. 30 Конституции РФ // КонсультантПлюс. URL: <https://u.to/Ef1DNA> (дата обращения: 14.04.2022).

¹⁹ Ст. 3 ТК РФ «Запрещение дискриминации в сфере труда» // КонсультантПлюс. URL: <https://u.to/Kv1DNA> (дата обращения: 14.04.2022).

²⁰ Обзор ситуации с насилием и харассментом в сфере труда в перспективе применения и ратификации Конвенции МОТ № 190 в Российской Федерации // КТР: [официальный сайт]. 28 января 2022. URL: <https://u.to/MfpDNA> (дата обращения: 05.06.2022).

отсутствует. Вопросы соблюдения трудовых договоров, безусловно, прерогатива профсоюзных организации, их прямая обязанность. Именно профсоюз (локальный или крупная ассоциация) должен осуществлять всеобъемлющий контроль за взаимодействием работника и начальника на предмет насилия или харассмента. Нельзя не учитывать психологических и ценностно-нормативных ориентаций работников, зависимость состояния и масштаба проблемы от отрасли занятости, от контингента на рабочем месте и условий труда в целом. Было установлено, что чем хуже уровень жизни, тем вероятнее человек на рабочем месте будет подвергаться насилию, домогательствам и буллингу. Проблема насилия тесно связана и с уровнем оплаты труда, и со статусом того или иного предприятия, и, непосредственно, с индивидуальными условиями труда каждого работника. Немаловажным фактором, влияющим на существование харассмента в трудовой сфере, является стереотипное возложение на женщин роли беззащитного подчиненного, который не способен противостоять ситуации. Широкое освещение в публичной сфере ценности равноправия женщин и мужчин, репрезентация женщины как ценного сотрудника в трудовом коллективе, оценка, в первую очередь, ее профессионализма, внедрение реальных механизмов повышения представленности женщин на статусных должностях может способствовать профилактике и предотвращению насилия и домогательства в сфере труда. Вероятно, что общеполитическая и международная ситуация после 24 февраля 2022 года совсем не способствует ратификации Конвенции 190 МОТ в России и стоит искать внутренние инструменты для изменения существующих нормативно-правовых актов. Особая активная роль российских профсоюзов, так или иначе являющихся ассоциативными членами международных профсоюзных организаций, сохраняется, как в просветительской, информационной работе, реальном оказании помощи пострадавшим, так и экспертном участии в разработке законодательных инициатив и рекомендаций в правоприменении действующих законов.

Библиографический список

1. *Арзамасцев, М. В.* Основание и критерии криминализации сексуального домогательства в сфере трудовых отношений // Lex russica (Русский закон). 2019. № 10(155). С. 161-174. DOI [10.17803/1729-5920.2019.155.10.161-174](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.155.10.161-174). EDN [ITVQQD](https://elibrary.ru/ITVQQD).
2. *Долгополов, А. А.* Гендерное равенство в трудовой деятельности: правовое регулирование и особенности ситуации на рынке труда // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 409-414. EDN [NRNFPZ](https://elibrary.ru/NRNFPZ).
3. *Ерёмина, С. Н.* Проблемные вопросы неравенства в сфере действия норм трудового права // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 2. С. 71-76. DOI [10.18522/2313-6138-2021-8-2-13](https://doi.org/10.18522/2313-6138-2021-8-2-13). EDN [JABVHU](https://elibrary.ru/JABVHU).
4. *Караванов, А. А., Устинов, И. Ю.* Проблема моббинга и харассмента в служебном коллективе // Территория науки. 2013. № 3. С. 74-81. EDN [VCVACD](https://elibrary.ru/VCVACD).
5. *Мысляева, И. Н.* Создание женских комиссий в профсоюзах: первый российский опыт // Трудовая демократия. 2011. Вып. 38. С. 119-126.
6. *Назаров, Д. К.* Имплементация норм конвенций и рекомендаций МОТ в национальное законодательство // Вестник Педагогического университета. 2015. № 3-1(64). С. 285-287. EDN [VZSMWB](https://elibrary.ru/VZSMWB).
7. *Присекин, А. В., Волкова, А. А.* Проблемы реализации концепции гендерного равенства в сфере труда // Закон и право. 2021. № 10. С. 78-80. DOI [10.24412/2073-3313-2021-10-78-80](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-10-78-80). EDN [JSUBTF](https://elibrary.ru/JSUBTF).
8. *Мирясова, О. А.* Насилие и домогательства в сфере труда в современной России. Институциональный вакуум как предпосылка для активизации работников // Типичная и нетипичная занятость: перспективы исследований и регулирования (Пятое Гусовские чтения): материалы Междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 30–31 мая 2019 г.). Москва: РГ-Пресс, 2020. С. 196-201. EDN [YLKAWQ](https://elibrary.ru/YLKAWQ).

9. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы / Пер. с англ. Москва: Весь Мир, 2005. 404 с. ISBN 5-7777-0153-1. EDN SUGLOZ.

10. Пашко, Т. Ю. Гендерный аудит как метод анализа социально-экономических отношений на предприятии // Труд и социальные отношения. 2009. Т. 20, № 7. С. 124-128. EDN KWYYEP.

11. Сакевич, В. Есть ли в мире страны, преодолевшие гендерное неравенство? // Демоскоп. 2013. № 563-564. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/reprod01.php> (дата обращения: 05.06.2022).

12. Константинова, Д. С., Кудалева, М. М. Дискриминационные различия в заработной плате в России // Дискуссия. 2019. № 1(92). С. 38-46. DOI 10.24411/2077-7639-2018-10023. EDN KSVTFO.

13. Мосенц, М. Что такое насилие и домогательства на работе // Трудовая оборона. 01 февраля 2022. URL: <https://oborona.media/violence-harassment-at-work/> (дата обращения: 06.07.2022).

Дата поступления в редакцию: 20.07.2022.

Принята к печати: 13.08.2022.

Сведения об авторах:

Марина Юрьевна Милованова, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

e-mail: m_milovanova@mail.ru

Author ID РИНЦ: 383579

ORCID: 0000-0002-5453-5954

Researcher ID (WoS): AEO-4299-2022

Scopus ID: 57215696690

Валерия Александровна Василевская, студентка социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

e-mail: lerkins.theredhead@yandex.ru

M. Yu. Milovanova¹, V. A. Vasilevskaya¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

VIOLENCE AND HARASSMENT IN THE WORLD OF WORK AS A GENDER PROBLEM

The work was carried out within the framework of the RSUH project “Gender Studies as an interdisciplinary academic basis for effective scientific communication in modern social and humanitarian sciences” (competition “RSUH Project Research Teams”, 2022).

Abstract. The problem of violence and harassment in the sphere of social and labor relations is actualized as a gender problem, the representation of which is difficult due to insufficient case studies and latency. The article analyzes statistical data and conducted quantitative sociological surveys, the author's qualitative research “The activities of trade unions in promoting the principles of gender equality” by the method of in-depth interviews of representatives and leaders of Russian trade unions who are experts in the field of gender. The empirical base made it possible to identify the level of harassment severity in the workplace, to prioritize in comparison with other issues of economic discrimination based on gender, the readiness of society to discuss it openly and publicly. The range of reasons why people are discriminated

against in the workplace, their conditionality by the level of material well-being, determinism by poverty, employment industry, and the difference in the interpretation of cultural and moral norms in generations is determined. As a mechanism that could be a step towards changing the attitude of the members of social partnership to violence and harassment in the world of work the respondents discussed the ILO Convention 190 "About Eliminating of Violence and Harassment in the World of Work" (2019), restrictions on its ratification due to the current political and international situation. It is concluded that the active role of Russian trade unions, their gender structures, which are associative members of international trade union organizations in educational, informational work, real assistance to victims, as well as participation in the development of legislative initiatives and recommendations in the enforcement of existing laws, remains. The need to search for internal tools to solve the problem of violence and harassment in the sphere of social and labor relations, redirection of the public agenda into a constructive way is predicted.

Keywords: gender, gender equality, trade unions, International Labour Organization (ILO), harassment, violence, employment, labor relations.

For citation: Milovanova, M. Yu., Vasilevskaya, V.A. (2022) Violence and harassment in the world of work as a gender problem. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 46-57. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.4

References

1. Arzamastsev, M. V. (2019) Grounds and criteria for criminalization of sexual harassment in labor relations. *Lex Russica*. No. 10(155). Pp. 161-174. DOI [10.17803/1729-5920.2019.155.10.161-174](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.155.10.161-174) (in Russ.).
2. Dolgoplov, A. A. (2021) Gender equality in employment: legal framework and peculiarities of the situation in the labor market. *Voprosy rossijskoj justicii*. No. 14. Pp. 409-414 (in Russ.).
3. Eryomina, S. N. (2021) Problematic issues of inequality within the scope of labor law. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. Vol. 8. No. 2. Pp. 71–76. DOI [10.18522/2313-6138-2021-8-2-13](https://doi.org/10.18522/2313-6138-2021-8-2-13) (in Russ.).
4. Karavanov, A. A., Ustinov, I. Yu. (2013) The problem of mobbing and harassment in the work team. *Territoria nauki*. No. 3. Pp. 74-81 (in Russ.).
5. Myslyaeva, I. N. (2011) Creation of women's commissions in trade unions: the first Russian experience. *Labor democracy*. Vol. 38. Pp. 119-126 (in Russ.).
1. Nazarov, D. K. (2015) Implementation of the standards ILO conventions and recommendations into national legislation. *Herald of the Pedagogical University*. No. 3-1(64). Pp. 285-287 (in Russ.).
2. Prisekin, A. V., Volkova, A. A. (2021) Problems of the implementation of the concept of gender equality in the world of work. *Law and Legislation*. No. 10. Pp.78-80. DOI [10.24412/2073-3313-2021-10-78-80](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-10-78-80) (in Russ.).
3. Miriasova, O. A. (2020) Violence and harassment at work in modern Russia. Institutional vacuum as a prerequisite for employee activation. *Typical and atypical employment: prospects for research and regulation (Fifth Gusov readings): materials of the Intern. scientific and practical conf. (Moscow, May 30-31, 2019)*. Moscow, RG-Press. Pp. 196-201 (in Russ.).
4. *Engendering development : A World Bank Policy Research Repot*. Transl. from Eng. Moscow, Ves' mir. 2005. 404 p. ISBN 5-7777-0153-1 (in Russ.).
5. Pashko, T. Yu. (2009) *Gender audit as a method of the analysis of social and economic relationships at the enterprise*. Labour and Social Relations Journal. Vol. 20. No. 7. Pp. 124-128 (in Russ.).
6. Sakevich, V. (2013) Are there countries in the world that have overcome gender inequality? *Demoscope*. No. 563-564. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/reprod01.php> (last request: 05.06.2022) (in Russ.).
7. Konstantinova, D. S., Kudaeva, M. M. (2019) Discriminatory wage differentials in Russia. *Diskussiya [Discussion]*. No. 1(92). Pp. 38-46. DOI [10.24411/2077-7639-2018-10023](https://doi.org/10.24411/2077-7639-2018-10023) (in Russ.).
8. Mosenz, M. What is violence and harassment at work. *Trudovaja oborona*. February 01, 2022. URL: <https://oborona.media/ratification-convention/> (last request: 06.07.2022) (in Russ.).

The article was submitted on July 20, 2022.

Accepted on August 13, 2022.

Information about the authors:

Marina Yu. Milovanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Sociology and Social Technologies,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

e-mail: m_milovanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5453-5954

Researcher ID (WoS): AEO-4299-2022

Scopus ID: 57215696690

Valeria A. Vasilevskaya, a student of the Sociology Department,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

e-mail: lerkins.theredhead@yandex.ru

DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.5)EDN [ODZQHW](https://www.edn.ru/ODZQHW)

УДК 316.6, 316.647.8

С. Б. Калинина¹¹ Московское высшее общевойсковое командное училище.
Москва, Россия.

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ СТЕРЕОТИПАМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ПРИНЯТИЯ СИТУАЦИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ У СТУДЕНТОВ ГРАЖДАНСКОГО И ВОЕННОГО ВУЗОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию степени принятия гендерных стереотипов в профессиональной и частной области как фактора, повышающего вероятность принятия ситуации домашнего насилия как в качестве агрессора, так и в качестве жертвы. Проводится анализ подходов к пониманию домашнего насилия в социологических, психологических, философских школах. Домашнее насилие рассматривается автором как проявление социального неравенства, ведущее к криминализации семейных отношений, снижению уровня социальной и личностной безопасности, формированию беспомощности у жертв семейной агрессии. Раскрываются понятия социального и гендерного стереотипа, описывается структура и типология социальных стереотипов. Обобщая опыт работы в тверском кризисном центре, автор приводит описание характерных черт жертвы домашнего насилия, среди которых большинство являются приверженцами гендерных стереотипов. Рассматриваются результаты опроса, направленного на изучение степени приверженности гендерным стереотипам у молодых людей, обучающихся в гражданской и военной сфере, и проведенного с помощью составленной автором анкеты среди девушек и молодых людей из Твери и Москвы (226 чел.).

Анализ полученных данных показал, что в мужской и женской выборке наблюдается высокая степень принятия традиционных представлений о полоролевом поведении, что, по мнению автора, может являться базой для принятия ситуации домашнего насилия как модели семейных отношений и ее трансляции в следующих поколениях. По мнению автора, одним из важных направлений борьбы с гендерными стереотипами и повышения уровня социального равенства в российском обществе могут являться обучающие курсы по проблематике домашнего насилия. Приведенные результаты исследования и их анализ будут полезны практикам в сфере помогающих профессий, государственных и социальных учреждений.

Ключевые слова: социальное неравенство, домашнее насилие, гендерный стереотип, интериоризация родительских установок.

Для цитирования: Калинина, С.Б. Приверженность стереотипам как предпосылка для принятия ситуации домашнего насилия у студентов гражданского и военного ВУЗов // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 58-70. DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.5). EDN [ODZQHW](https://www.edn.ru/ODZQHW)

Введение. Выявление внешних и внутренних причин распространения домашнего насилия в нашей стране является актуальным направлением научных исследований в целях реализации равноправия, построения либерально-демократического общества. Как известно, преступления на семейно-бытовой почве в России занимают первое место среди всех преступлений, связанных с насилием. Жертвами таких инцидентов чаще всего являются женщины и дети. В обществе продолжают происходить деструктивные процессы, связанные с широкой представленностью агрессивных форм поведения во всех сферах жизни, в том числе, в материалах СМИ. Изменение нравственных идеалов ведет к росту

насилия во всех сферах жизни, включая семью и близкие отношения между людьми. По статистике около 60 тысяч женщин в нашей стране ежегодно погибают от рук мужей и сожителей. В ходе социологического опроса в г. Твери (2010 г.) каждый второй респондент отметил наличие насилия в собственной семье, семье родителей или родственников.

Как следует из доклада семи организаций по защите прав женщин, в период распространения пандемии COVID-19 (с марта по май 2020 г.) почти вдвое увеличилось число обращений на телефон доверия женских кризисных центров в России¹. Можно предположить, что в кризисные моменты жизни общества, связанные с повышением уровня тревоги, неопределенностью будущего, социальными ограничениями, во многих семьях актуализируется механизм смещения объекта агрессии. Растет число семейных конфликтов, эпизодов психологического и физического насилия, когда жертвами агрессии становятся наиболее уязвимые члены семей. Такой регресс в семейных отношениях с новой силой ставит под сомнение реализацию прав женщин на безопасный мир, а в конечном счете приводит и к дегуманизации других общественных отношений. Интересы социального развития России в целом требуют широкого освещения и осмысления всех проявлений социального неравенства в обществе, в том числе и домашнего насилия.

Гендерное равенство является общепризнанной ценностью современной мировой цивилизации, наряду с ценностями уважения человеческого достоинства, отказа от насилия и экстремизма. Для распространения этих ценностей актуальным является развитие гендерного образования как части гражданского образования в России.

Анализ гендерных отношений, положения женщины в современной семье является основой для разработки стратегий новых моделей гендерного взаимодействия, внесения новых положений в содержание школьных и университетских дисциплин. Но на данном этапе проблема домашнего насилия недостаточно исследована и осознана на уровне социальных институтов. В этой связи изучение представлений о полоролевом поведении как основы для реализации различных гендерных сценариев представляется актуальным.

Насилие над женщинами в семье, как правило, имеет много причин, поэтому становится объектом исследования комплекса гуманитарных наук: социологии, права, психологии, философии. В философии разработаны теории происхождения социального неравенства (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс, Ф. Энгельс). Попытки анализа семейных отношений встречаются в трудах Ж. Руссо, Д. Локка, А. де Сен-Симона. Чаще всего эти философы пытались оправдать подчиненное поведение женщин физическим и умственным превосходством мужчин.

При анализе причин психологических различий между мужчинами и женщинами обычно исходят либо из биологического, либо из социокультурного подхода. Представители биологического подхода исходят из природных и биологических особенностей мужчин и женщин и пытаются объяснить различия в изучаемых явлениях — в том числе и в когнитивной сфере — исходя из них. Они привлекают для объяснения особенности строения и функционирования мозга или гормональные особенности [1].

Сторонники социокультурного подхода видят основания для формирования таких различий в особенностях социальной и культурной среды.

---

¹ Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России : Доклад семи организаций по защите прав женщин. 2020. URL: <https://u.to/afFDHA> (дата обращения: 10.07.2022).

Существует ряд научных точек зрения на причины возникновения домашнего насилия. Социологи видят истоки насилия в социальной структуре, комплексе ценностей, традиций, привычек и верований, которые относятся к гендерному неравенству. Пострадавшей от насилия чаще является женщина, насильником – мужчина, а организация общества поддерживает это неравенство.

Социолог Д. Ритцер обращал внимание на контроль одними социальными группами других, в том числе и с помощью различных форм доминирования. Т. Парсонс в своем полоролевом подходе предложил традиционную теорию гендерной социализации. М. Джонсон и Д. Бернанд в своих работах изучали проблему равенства в браке [2].

В последнее время наблюдается тенденция к переходу на стратификационные исследования, имеющие важное значение для понимания картины реальной социальной жизни. Д. Левинсон выявил корреляцию между проявлениями домашнего насилия и статусом, материальными доходами супругов. В своей теории соотносительных ресурсов он описывает увеличение проявлений насилия по отношению к женщине, имеющей сопоставимый с мужчиной материальный доход и социальный статус [2].

В центре теории М. Киммеля находится идея о том, что семейное насилие является результатом социализации. Наблюдая насилие как способ решения внутрисемейных споров в своей семье или в семьях знакомых, ребенок привыкает к мысли о том, что насилие является вполне приемлемой формой коммуникации.

Домашнее насилие активно изучается в последние десятилетия. Многие активисты кризисных центров в нашей стране обобщили опыт работы с жертвами домашнего насилия и опубликовали ряд интересных работ (С. Н. Бурова, Е. В. Забадыкина, М. П. Писклакова). В то же время, несмотря на значительный объем научных разработок в данной области, механизмы влияния культурных стереотипов и ценностных значений при всей очевидности их роли при выстраивании семейно-брачных отношений в достаточной степени не изучены. Для предупреждения домашнего насилия необходим развернутый социокультурный анализ причин отклоняющегося поведения в семье. Но такой анализ затруднен в силу многих факторов. Исследователь практик домашнего насилия, М. В. Ищенко отмечает, что существует проблема ограниченности статистического материала по преступлениям, совершаемым на бытовой почве [2].

Социальные психологи предлагают три подхода к пониманию истоков происхождения насилия: *Теория социального научения*, представителями которой являются Бандура, О'Лири, Фарли, описывает насилие как форму приобретенной реакции вследствие родительского научения, которая используется как метод разрешения конфликтов, привычное средство удержания власти и контроля в личных отношениях [3]. В *теории привязанности* (Боулби, Корво) подробно рассматривается аффективная поддержка акта насилия. Плохое обращение с ребенком в семье образует патологическую форму привязанности, которая заставляет затем уже взрослого человека выбирать такие же модели взаимоотношений на протяжении всей своей жизни. *Теория Систем* (Рассел, Эрчак, Нейдинг и т.д.) не отделяет жертву от агрессора, рассматривая их как части транзакционного паттерна, а не как отдельные характеристики отдельных личностей [3].

Долгое время психологи придерживались психопатологической модели, объясняющей причину насилия в семье наличием психических расстройств у насильника и жертвы.

Американский психолог Ленор Уокер в 1979 году провела исследование, в котором выявила лишь небольшой процент психопатологических расстройств

у женщин-жертв домашнего насилия [4]. В исследованиях не были обнаружены психологические или социологические предпосылки того, что женщина имеет тенденцию стать жертвой. Напротив, накопленные данные позволяли объяснить инертность женщины в случаях повторяющегося насилия в семье зависимостью от ситуативных факторов.

Некоторые закономерности реагирования женщины на травму были сгруппированы Уокер в т.н. «Синдром избиваемой Женщины», компонентами которого являются: травматические эффекты насилия (хроническая тревога, психосоматические расстройства); синдром выученной беспомощности (депрессия, низкая самооценка, низкая способность к решению конфликтов); саморазрушающие механизмы работы насилия (вина, отрицание насилия, неверное понимание сущности насилия).

Были выделены некоторые психологические особенности женщин-жертв насилия: низкая самооценка; склонность к манипулированию другими людьми либо с целью защиты от насилия, либо с целью сохранения влияния и контроля; наличие одновременно пассивности и агрессивного драйва.

Несмотря на полученные данные, дискуссия о том, какие женщины могут быть жертвами насилия, не закончена до сих пор. Особую важность понимание механизмов насилия имеют для реализации системы реабилитационных и коррекционных мероприятий для жертв и их обидчиков.

Культура и гендерные роли. Многообразие гендерных ролей в различных культурах и в разные эпохи свидетельствует в пользу гипотезы о том, что наши гендерные роли формируются культурой. Представители разных культур придерживаются разных точек зрения о том, кто должен выполнять домашнюю работу, каково должно быть отношение к карьере, своей и мужа (жены), каким быть распределению власти в семье и т.д. Так, согласно теории межкультурных измерений Г. Хофстеда, различия в гендерных ролях зависят от степени гендерной дифференциации в культурах или степени маскулинности или фемининности той или иной культуры. По Хофстеду, высокая степень маскулинности, или выраженности «мужского начала», означает высокую ценность в данной культуре материальных вещей, власти и представительности. Культуры, в которых главной ценностью является сам человек, его воспитание, считаются феминными, или основанными на «женском начале» [2].

Личностно-ориентированные семьи способствуют усвоению равенства в гендерных ролях, а позиционно-ориентированные семьи, которые построены иерархично, в которых отец — авторитарная фигура и в которых власть распределяется неравномерно, в конечном счете, способствуют жесткой дифференциации в гендерных ролях.

Таким образом, имеющиеся исследования по проблеме гендерных ролей позволяют сделать вывод о том, что на их формирование и развитие у человека оказывают влияние общество и культура, закрепленные в них представления о содержании и специфике гендерных ролей. В ходе исторического развития общества содержание гендерных ролей подвергается изменениям.

Важную роль также играет изучение проблем гендерной идентичности. Гендерная идентичность — это отождествление себя с определенным полом, освоение соответствующих ему форм поведения и формирование личностных характеристик. Как пишет И. С. Кон, это «результат сложного биосоциального процесса, соединяющего онтогенез, половую социализацию и развитие самосознания» [5, с. 53].

Таким образом, все концепции, объясняющие различия между полами, можно разделить на две большие категории: биологические и социальные. Соци-

окультурный подход предполагает, что различия между полами формируются обществом. Биологический подход исходит из того, что различия между мужчинами и женщинами объясняются генетическими и гормональными факторами, строением мозга, врожденными особенностями конституции, темперамента и т.д. Многообразие объяснительных парадигм демонстрирует уникальность, многогранность исследуемого феномена существования двух полов как двух миров, способов существования человека.

С нашей точки зрения, важным является также рассмотрение проблемы реагирования и решения трудных жизненных ситуаций с точки зрения гендера. Нам представляется, что эта проблема особенно актуальна в русле изучения психологии женщин, чьи психические и социальные ресурсы традиционно считаются сниженными.

Уте Эрхардт, директор Швейцарского Общества психологов-консультантов, считает, что одной из самых больших проблем женщин является желание понравиться всем [6]. Эта цель закрывает собой множество возможностей женщины. Женщина ограничивает себя в самоопределении, в независимости, в карьере и власти. Вместо того, чтобы искать себя, она все больше удаляется от собственной личности. Но даже если кто-то дает понять женщине, что она нравится, она часто не верит этому, потому что изначально не ожидает уважения к себе. Подобная история продолжается до тех пор, пока женщина ориентируется на мнение окружающих больше, чем на собственные мысли и желания. Большинство женщин остаются заключенными в привычные схемы, потому что выйти за них мешает страх быть наказанной за проявления свободы, смелость, нарушения установленных правил. Следствие этого страха – подавленность, депрессивность, отказ от самых естественных радостей и неумение добиваться желаемых целей.

Причины такого поведения лежат в прошлом. С младенческого возраста мальчиков и девочек воспитывают по-разному. И именно отсюда происходит та беспомощность, которая присуща многим женщинам. Эта беспомощность распространяется на многие повседневные ситуации. Женщины, захваченные беспомощностью, редко доводят до конца то, что начали. Из-за постоянных сомнений в себе они остаются далеко позади своих же собственных возможностей.

Эта модель поведения, безусловно, не распространяется на все области жизни. Женщина может быть абсолютно неуспешной в конфликтах с собственной матерью, например, но прекрасно общается с клиентами в профессиональной среде. При этом, как ни странно, позитивный опыт успеха в одной области не помогает добиться успеха в другой. Женщины достаточно часто приписывают успех случайности, а не своим собственным способностям и умениям. В психологии такую особенность называют внешним локусом контроля (согласно теории Дж. Роттера). Все это отражается на личности женщин. «Беспомощные» страдают от внутренней инертности, заторможенности, постоянной усталости, бессонницы или бесцельной активности.

Однако немногие женщины скажут о себе, что они беспомощны. Скорее, большинство женщин считает себя неспособными противостоять угрозам внешней и внутренней среды, неспособными влиять на события жизни. Слово «беспомощность» употребляется только для описания экстремальных ситуаций и чаще всего по отношению не к себе, а к другим, нуждающимся в помощи и утешении. Но ведь именно такой сложившейся беспомощностью, как стилем жизни, можно объяснить неумение многих женщин самостоятельно принимать решения, управлять собственной жизнью, поддерживать свою жизнеспособность и жизнестойкость в трудных ситуациях.

Полоролевые стереотипы как основа воспроизведения модели домашнего насилия. В течение двух последних десятилетий многие исследователи, работающие в области психиатрии, психоанализа, психологии, смогли обобщить колоссальный опыт, накопленный при работе с женщинами. Во многих странах мира начали публиковать материалы многолетних исследований, убедительно показывающих антиженскую направленность в сфере психиатрии и других «психонаук». С другой стороны, в некоторых работах зарубежных и отечественных авторов присутствует нетрадиционный (феминистский) подход к осмыслению процессов, оказывающих влияние на формирование личности как женщины, так и мужчины. Суть этого подхода заключается в убеждении, что жизнь в патриархатном, иерархическом обществе воздействует на наше тело и психику. В рамках этого подхода исследуется влияние статуса «второго класса» и полоролевых стереотипов на женскую психику и на восприятие себя и других. В этих психологических и социологических исследованиях активно разрабатываются модели, объясняющие причины возникновения женского самоограничения и беспомощности.

Одной из причин воспроизведения моделей социального неравенства в семейных отношениях является распространение в обществе, и в сознании отдельных людей гендерных стереотипов.

Под стереотипом в психологии понимают упрощенное, схематизированное, зачастую искаженное или даже ложное, характерное для сферы обыденного сознания представление о каком-либо социальном объекте (человеке, группе людей, социальной общности и т.п.). Впервые термин «социальный стереотип» ввел У. Липпман [7]. Он определял социальные стереотипы как картинки мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права. Иногда под стереотипами понимают устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения.

Стереотипы имеют несколько функций: когнитивную, заключающуюся в упорядочении информации; аффективную, противопоставляющую «своего» и «чужого»; социальную, разграничивающую внутригрупповые и внегрупповые явления [8]. Эти функции ведут к образованию структур, на которые люди ориентируются в обыденной жизни.

Существует огромное множество самых разных стереотипов, в том числе и интересующие нас гендерные стереотипы — культурно и социально обусловленные представления о качествах и нормах поведения мужчин и женщин. По мнению А. В. Кирилиной [9] гендерные стереотипы правомерно рассматривать с двух позиций: в мужском и женском самосознании, с одной стороны, и в коллективном общественном сознании — с другой.

Американские психологи, занимавшиеся изучением гендерных стереотипов, сделали два важных вывода. Первый из них заключается в том, что гендерные стереотипы сильнее расовых. Второй вывод состоит в том, что существуют сильные гендерные стереотипы, и члены группы, в отношении которых эти стереотипы действуют, принимают эти стереотипы.

Гендерные стереотипы выглядят как социальные нормы. У всех людей есть представления о том, что мужчинам и женщинам свойственны определенные наборы конкретных качеств и моделей поведения, что подавляющее большинство людей придерживается этой точки зрения, и что обычно мы осознаем, какое поведение считается правильным для представителей того или иного пола.

Все существующие гендерные стереотипы можно разделить на три группы [8].

Первая группа — это стереотипы маскулинности-фемининности — нормативные представления о соматических, психических, поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин. Мужчины компетентны, доминантны, независимы, агрессивны, самоуверенны, склонны рассуждать логически, способны управлять своими чувствами. Женщины более пассивны, зависимы, эмоциональны, заботливы и нежны.

Другая группа стереотипов касается содержания труда мужчин и женщин: традиционной для женщин считается деятельность обслуживающая, исполнительская; для мужчин же характерна деятельность инструментальная, творческая.

Третья группа стереотипов связана с закреплением семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом. Для мужчин главные роли — профессиональные, для женщин — семейные. «Нормальный» мужчина стремится к построению карьеры, профессиональному успеху; «нормальная» женщина хочет выйти замуж и иметь детей, вести домашнее хозяйство.

Указанные стереотипы отличаются поразительной жизнестойкостью. Их прочная укоренённость в сознании большей части населения способствует воспроизводству стереотипов из поколения в поколение в процессе социализации. Во многих странах представления о роли женщины противоречат активному жизненному стилю, поэтому значительное число женщин не стремится к самореализации в сферах, выходящих за рамки традиционно предлагаемых им трех «К» (Kinder, Küche, Kirche). Женщина, проявившая свои способности, желающая реализовать свой потенциал, часто приходит к конфликту с традиционными взглядами окружающих на место женщины в обществе и, возможно, к конфликту с собственным представлением о себе как о личности. Женщины работают и в то же время несут большую часть обязанностей по дому и уходу за детьми. Женщины сталкиваются с завышенными требованиями, дискриминацией при приеме на работу, при служебном продвижении — все это препятствует реализации женщиной себя как личности.

Для полноценного развития и самореализации человеку необходимо избавиться от ограничений, накладываемых традиционным стереотипом мышления на поведение мужчин и женщин, и которые представляют собой лишь условность. Свобода от подобных стереотипов (а по сути — социальных предрассудков) дает человеку возможность обрести душевное и физическое здоровье и способность жить полной жизнью.

Обобщая опыт работы в Тверском кризисном центре, мы можем привести наиболее характерные черты женщин — жертв домашнего насилия:

- Низкая самооценка;
- Подверженность традиционным взглядом на мужское/женское поведение;
- Заторможенность;
- Синдром беспомощности в жизненно-важных ситуациях;
- Непризнание себя жертвой домашнего насилия.

Таким образом, гендерные стереотипы очень сильны и принимаются даже теми группами, относительно которых они созданы. Существующие стереотипные представления о женственности и мужественности достаточно близки в разных культурах. Стереотипы имеют тенденцию рано усваиваться и с большим трудом могут быть изменены.

Полоролевые стереотипы современных молодых людей. Нас заинтересовал вопрос о степени принятия гендерных стереотипов в мужской и женской выборке молодых людей от 18 до 21 года. При этом мы исходим из определения стереотипа, который был предложен Р. Таджури: склонность воспринимающего

субъекта легко и быстро воспринимаемого человека в определенные категории в зависимости от его возраста, пола, этнической принадлежности, национальности и профессии и тем самым приписывать ему качества, которые считаются типичными для людей этой категории [10]. Стереотипы как социальные установки обладают следующими свойствами: слабой когнитивной освоенностью, наличием поляризованных оценок (плохой-хороший), устойчивостью, интенсивностью эмоционального реагирования.

Мы провели исследование степени принятия гендерных стереотипов в группах девушек (104 чел.) и юношей (122 чел.) в возрасте от 18 до 21.

Женская выборка состояла из студенток факультета психологии и социальной работы Тверского государственного университета. Девушки, по роду своей будущей деятельности призванные оказывать психологическую и социальную помощь людям, по нашей гипотезе, должны были понимать, что любые стереотипы снижают возможность рефлексии своих поступков, уменьшают поведенческий репертуар человека, лишают возможности совершать осознанные и обоснованные выборы в сложных или значимых жизненных ситуациях.

Мужская выборка включала курсантов военного вуза в возрасте от 18 до 21 года. Представители военной профессии, как известно, чаще всего разделяют традиционные представления о полоролевом поведении. Сам выбор военной профессии может быть основан на представлении о военных как настоящих мужчинах, способных защитить более слабый женский пол. Это подтверждается данными исследования Д. Навольской, проведенного среди учащихся первых курсов высших и средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Согласно его результатам, у мужчин, выбирающих «военную» профессию, гендерные стереотипы выражены более, чем у мужчин, выбирающих другие профессии [11].

В нашем исследовании испытуемым предлагалось ответить согласием или несогласием на утверждения в анкете «Гендерные стереотипы». Эта анкета представляет собой список из 18 утверждений, относящихся к общим гендерным стереотипам и мифам о домашнем насилии (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты опроса по анкете «Гендерные стереотипы»
(в % к числу опрошенных в выборке)

п/п	Утверждение	Количество положительных ответов в женской выборке	Количество положительных ответов в мужской выборке
1.	Замужество – признак «социальной нормы»	85	60
2.	Как вам кажется, существуют ли по-настоящему «мужские» и «женские» профессии?	72	92
3.	Женщине лучше быть дома	30	95
4.	Женщина не должна стремиться овладеть типично мужской профессией	76	92
5.	Мужчина главнее, он продолжатель рода	68	82
6.	Мужчины и женщины в своих отношениях видятся прежде всего как сексуальные партнеры	85	80

Окончание табл. 1

п/п	Утверждение	Количество положительных ответов в женской выборке	Количество положительных ответов в мужской выборке
7.	Женщина должна быть сексуально привлекательной	74	85
8.	Содержать семью должен мужчина	60	90
9.	Женщине стоит выбирать профессию исходя из интересов семьи	68	86
10.	Мужчина может быть пьяным, и это его не портит	48	90
11.	Принятие решений не женское дело	64	86
12.	Женщины, подвергающиеся насилию в семье, сами провоцируют его и в большинстве случаев заслуживают такое обращение	42	78
13.	Женщины, подвергающиеся насилию в семье, – мазохистки	24	68
14.	Женщины являются обидчиками в той же мере, что и мужчины	46	88
15.	Люди, подвергающие насилию членов семьи, психически нездоровы	50	36
16.	Ссоры между мужьями и женами существовали всегда, это естественно и не может иметь серьезных последствий	40	58
17.	Мужчины – домашние деспоты – являются неудачниками и не могут по-другому справиться со своим стрессом	68	36
18.	Бесполезно бороться с семейным насилием. Оно всегда было и будет	64	70

При анализе ответов на вопросы анкеты выявились следующие различия:

Больше половины опрошенных в обоих выборках выразили согласие со всеми утверждениями. Этот факт может свидетельствовать о значительной укоренённости традиционных представлений о полоролевом поведении в студенческой среде, как среди молодых людей, так и среди девушек – будущих специалистов т.н. помогающих профессий.

Отметим наиболее значимые различия между женской и мужской выборкой. Молодые люди в два раза чаще, чем девушки, выражают согласие со следующими утверждениями:

- Женщине лучше быть дома.
- Мужчина главнее, он продолжатель рода.
- Мужчина может быть пьяным, и это его не портит.
- Женщины, подвергающиеся насилию в семье, сами провоцируют его и в большинстве случаев заслуживают такое обращение.
- Женщины, подвергающиеся насилию в семье, – мазохистки.
- Женщины являются обидчиками в той же мере, что и мужчины.
- Девушки более согласны с утверждением о том, что мужчины – домашние деспоты – являются неудачниками и не могут по-другому справиться со своим стрессом.

По многим позициям молодые люди и девушки показывают схожие взгляды. Можно предполагать, что опрошиваемые, находящиеся в одной возрастной группе (от 18 до 21 года) видят в представителях противоположного пола прежде всего сексуальных партнеров, чем супругов и, соответственно, настроены в отношении с ними на привлечение их интереса, флирт, подчеркивание женственности («женщина не должна стремиться овладеть типично мужской профессией») или мужественности («мужчина главное, он продолжатель рода»). Можно также выявить некоторые мотивы манипулирования, т.е. ожидания каких-то выгод от общения с противоположным полом.

Мы также можем предположить, что замужество представляется для молодых женщин необходимой частью их жизни, как реализация основных жизненных планов женщин. Поэтому они готовы отдать мужчине первенство в отношениях (как продолжателю рода).

В целом в группе молодых людей и девушек наблюдается принятие гендерных стереотипов и представлений по поводу сексуальных и семейных отношений.

Мы можем предполагать, что женщины, демонстрирующие высокую степень принятия гендерных стереотипов, имеют высокую вероятность стать жертвами домашнего насилия. Сами стереотипы могут быть следствием интериоризованных установок родительского воспитания, личного или травматического опыта. В ситуациях жизненного выбора такие женщины выбирают неизменность, сохранение привычной ситуации и даже привычной опасности, так как любые перемены, расширение неопределенности воспринимают ими как сильный стресс, для преодоления которого они не чувствуют в себе никаких личностных, энергетических ресурсов.

Мужчины с выраженными гендерными стереотипами также имеют высокую вероятность формирования сценария домашнего деспота, в основе которого лежит неуважение к женщине, уверенность в ее слабости, незащитности, зависимости от сильного партнера.

Заключение. Изменению описанных установок у мужчин и женщин может служить специально организованное обучение по проблемам насилия и агрессии, как делается во многих развитых странах, например, в Канаде. Одним из направлений такого обучения является воспитание жизнестойких убеждений. Особенно актуальным является обучение жизнестойким убеждениям женщин с психологической беспомощностью и выраженной психологией жертвы.

Сделанные в процессе работы выводы могут быть использованы в процессе обучения студентов в военных и гражданских учебных заведениях.

Как мы видим, домашнее насилие представляет собой сложное комплексное явление, содержащее в себе элементы психологического, физического, морального насилия. Жертвами домашнего насилия и домашними деспотами могут стать люди, имеющие различный материальный статус, возраст, уровень образования, этническую и культурную принадлежность. Это затрудняет анализ причин домашнего насилия. Но в любом случае, государство и общество должно искать пути разрешения семейных конфликтов и устранения любых проявлений социального неравенства, особенно и в первую очередь в семейной частной жизни, так как усвоенная детьми форма разрешения противоречий в виде домашнего насилия обычно транслируется в моделях поведения в своих собственных семьях.

В обществе и среди представителей государственных структур распространены установки, воспроизводящие ценности патриархатной культуры, оправдывающие неравенство полов, экономическую зависимость женщин и ограни-

чение ее возможностей в частной и профессиональной сфере. Сами женщины во многом подвержены существующим стереотипам по поводу моделей полоролевого поведения, что в большой мере препятствует переходу на равноправные эгалитарные взаимоотношения.

Разрушению гендерного неравенства может способствовать изменение гендерных установок при разработке учебных курсов по социологическим, психологическим дисциплинам через включение в содержание дисциплин и педагогической практики тем, касающихся причин человеческой агрессии, форм предотвращения насилия и развития жизнестойкости.

Библиографический список

1. *Ильин, Е. П.* Пол и гендер. Санкт-Петербург : Питер, 2010. 686 с. ISBN 978-5-49807-453-5.
2. *Ищенко, М. В.* Социальные практики предотвращения домашнего насилия над женщинами : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Ищенко Марина Валерьевна : Саратов, 2005. 152 с. EDN [NNCXEJ](#).
3. *Берн, Ш.* Гендерная психология. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2001. 320 с. ISBN 5-93878-019-5.
4. *Walker, L. E.* The battered woman. New York : Harper & Row, 1979. 296 p. ISBN 0-06-014582-X.
5. *Кон, И. С.* Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 47-57.
6. *Эрхардт, У.* Хорошие девочки отправляются на небеса, а плохие – куда захотят / Пер. с нем. Е. Файгль. Москва : Альпина Диджитал, 2014. 230 с. ISBN 978-5-9614-3471-2.
7. *Литман, У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. Москва : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с. ISBN 5-93947-016-5. EDN [OXCHMG](#).
8. *Клецина, И. С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. Санкт-Петербург : Изд-во Алетейя, 2004. 403 с. ISBN 5-89329-722-9. EDN [QXKKZP](#).
9. *Кирилина, А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. Москва : ИС РАН, 1999. 189 с. ISBN 5-89697-42-0.
10. *Азеев, В. С.* Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 283-293.
11. *Навольская, Д. В.* Особенности влияния гендерных стереотипов на выбор военной профессии / Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 176-179. EDN [KHONRX](#).

Дата поступления в редакцию: 23.07.2022.

Принята к печати: 13.08.2022.

Сведения об авторе:

Светлана Брониславовна Калинина, кандидат психологических наук, доцент, Московское высшее общевойсковое командное училище. Москва, Россия.

e-mail: klenova_s@mail.ru

Author ID РИИЦ: 335755

ORCID: 0000-0002-6131-5618

S. B. Kalinina¹

¹ Moscow Higher Combined Arms command school. Moscow, Russia.

ADHERENCE TO STEREOTYPES AS A PREREQUISITE FOR ACCEPTANCE OF THE SITUATION OF DOMESTIC VIOLENCE IN CIVIL AND MILITARY UNIVERSITY STUDENTS

Abstract. The article is devoted to the study of the degree of acceptance of gender stereotypes in the professional and private fields as a factor that increases the likelihood of accepting a situation of domestic violence both as an aggressor and as a victim. The article analyzes approaches to understanding domestic violence in sociological, psychological, and philosophical schools. Domestic violence is considered by the author as a manifestation of social inequality, leading to the criminalization of family relations, a decrease in the level of social and personal security, and the formation of helplessness among victims of family aggression. The concepts of social and gender stereotype are revealed, the structure and typology of social stereotypes are described. Summarizing the experience of working in the Tver crisis center, the author gives a description of the characteristic features of a victim of domestic violence, among which most are adherents of gender stereotypes. The article describes a study aimed at studying the degree of adherence to gender stereotypes among young people studying in the civil and military spheres and conducted with the help of a questionnaire compiled by the author. The empirical basis of the study is a survey of girls and young people from Tver and Moscow (226 people).

The analysis of the obtained data showed that in the male and female samples there is a high degree of acceptance of traditional ideas about gender-role behavior, which, according to the author, can be the basis for accepting the situation of domestic violence as a model of family relations and its transmission in the next generations. According to the author, one of the important directions of combating gender stereotypes and increasing the level of social equality in Russian society can be training courses on the problems of domestic violence. The above research results and their analysis will be useful to practitioners in the field of helping professions, state and social institutions.

Keywords: social inequality, domestic violence, gender stereotype, internalization of parental attitudes.

For citation: Kalinina, S.B. (2022) *Adherence to stereotypes as a prerequisite for acceptance of the situation of domestic violence in civil and military university students. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 58-70. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.5*

References

1. Пыин, Е. П. (2010) *Gender and Gender [Pol i gender]*. St. Petersburg, Peter. 686 p. ISBN 978-5-49807-453-5 (in Russ.).
2. Ishchenko, M. V. (2005) *Social practices of preventing domestic violence against women: Dis. ... cand. of sociology : 22.00.04*. Ishchenko Marina Valer'evna. Saratov. 152 p. (in Russ.).
3. Bern, Sh. (2001) *Social Psychology of Gender*. St. Petersburg, Praim-Evroznak Publ. 320 p. ISBN 5-93878-019-5 (in Russ.).
4. Walker, L. E. (1979) *The battered woman*. New York, Harper & Row. 296 p. ISBN 0-06-014582-X (in Eng.).
5. Kon, I. S. (1981) Psychology of sexual differences. *Voprosy Psichologii*. No. 2. Pp. 47-57 (in Russ.).
6. Ehrhardt, U. (2014) *Gute Madchen kommen in den Himmel, bese uberall hin*. Transl. from German by E. Feigl. Moscow, Alpina Digital. 230 p. ISBN 978-5-9614-3471-2 (in Russ.).
7. Lippman, W. (2004) *Public opinion*. Trans. from Eng. by T. V. Barchunova. Moscow, Fond "Obshchestvennoe mnenie" Publ. 384 p. ISBN 5-93947-016-5 (in Russ.).
8. Kletsina, I. S. (2004) *Psychology of gender relations. Theory and practice*. St. Petersburg, Aleteiya Publ. 403 c. ISBN 5-89329-722-9 (in Russ.).

9. Kirilina, A. V. (1999) *Gender: linguistic aspects*. Moscow, IS RAS. 189 p. ISBN 5-89697-42-0 (in Russ.).

10. Ageev, V. S. (1987) Psychological and social functions of gender role stereotypes. *Voprosy Psichologii*. No. 2. Pp. 283-293 (in Russ.).

11. Navol'skaya, D. V. (2009) Features of the gender stereotypes' influence on the choice of the military profession. *Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*. No. 105. Pp. 176-179 (in Russ.).

The article was submitted on July 23, 2022.

Accepted on August 13, 2022.

Information about the author:

Svetlana B. Kalinina, Candidate of Psychology, Associate professor,
Moscow Higher Combined Arms command school. Moscow, Russia.

e-mail: klenova_s@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6131-5618

DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.6

EDN PME0IA

УДК 316.36, 070.11

О. В. Китайцева¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет.
Москва, Россия.

ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ОСНОВНОЙ РЕПЕРТУАР РОССИЙСКИХ СМИ

Аннотация. В статье рассматривается репертуар российских СМИ по освещению проблемы домашнего насилия в отношении женщин, а также кризису российской семьи. Выявлено, что в репертуаре российских СМИ преимущественно присутствуют публикации которые направлены на освещение деятельности, связанной с принятием закона о насилии в семье; выявление и тиражирование отдельных случаев насилия, получивших широкий общественный резонанс; продвижение результатов исследований и мнений экспертов НКО, занимающихся проблемой домашнего насилия о распространенности этого явления в России, о мерах по приведению российского законодательства в соответствие требованиями международной конвенции. Автор приходит к выводу, что информационное пространство наполнено преимущественно негативными публикациями, которые формируют в обществе впечатление о наличии серьезных проблем внутрисемейного общения и кризисе российской семьи на примере фактов, связанных с проблематикой семейного насилия в отношении женщин. При этом мало уделяется внимания освещению фактов позитивного внутрисемейного общения и выполнению целей, указанных в политике развития семьи о пропаганде и воспроизводстве в СМИ практик семейного взаимодействия, направленных на становление и развитие крепкой семьи. По мнению автора, российское медиапространство нуждается в более активном освещении позитивных практик внутрисемейного взаимодействия для закрепления их в сознании россиян, что окажется более действенным механизмом формирования здоровых семейных отношений, чем укоренение представления о семье, как проблемной и кризисной социальной ячейке.

Ключевые слова: домашнее насилие, насилие над женщинами в семье, государственная семейная политика, позиционирование российской семьи в СМИ.

Для цитирования: Китайцева, О.В. Проблема домашнего насилия в отношении женщин в российском медиапространстве: основной репертуар российских СМИ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 71-82. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.6. EDN PME0IA

Введение. Сегодня многочисленные российские средства массовой информации (СМИ), – как крупные печатные издания, так и сетевые ресурсы, – достаточно активно освещают проблему, связанную с домашним насилием (насилием в семье) в отношении женщин. Опираясь на международную и российскую статистику по этой проблематике, можно сказать, «что насилие в отношении женщин в России является не менее серьезной проблемой, чем в других государствах-членах Совета Европы»¹. Вместе с тем оценить реальный масштаб проблемы в России на сегодняшний день достаточно сложно, что связано с отсутствием систематического сбора статистики по преступлениям,

¹ Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в РФ // Council of Europe. URL: <https://u.to/OmxGHA> (дата обращения: 26.05.2022).

связанным с домашним насилием в отношении женщин; существующие источники являются данными ведомственных государственных учреждений. Поэтому представление о распространенности проблемы проявления домашнего насилия в отношении женщин зачастую формируется именно из публикаций в СМИ. На страницах прессы «лавинообразно разворачивается обсуждение самых разных примеров межличностного взаимодействия, которые начинают интерпретироваться в категориях насилия, что вызывает неоднозначную реакцию со стороны общества и представителей отдельных социальных групп» [1, с. 12]. Несмотря на то, что повестка по проявлению различных форм насилия – в том числе домашнего насилия, – прочно укрепились в репертуаре российских СМИ и в общественных дискуссиях, всё же нет единого понимания и оценки распространённости этого явления. Таким образом, весьма важно понимать, что образ российской семьи в общественном сознании формируется в СМИ и от того какие материалы в первую очередь освещаются информационными источниками зависит, какой образ будет сформирован, что в целом даже не зависит от цифр реальной статистики по проблемам семьи и домашнему насилию.

Освещение в СМИ результатов альтернативных исследований способствует тому, что ценность семьи как таковой не выглядит для женщины привлекательно, потому что не может обеспечить защиту от жизненных угроз, а воспринимается как достаточно рискованный проект. Опираясь на такой образ российской семьи, СМИ активно продвигают важность принятия закона о домашнем насилии, при этом не делая акцент на закреплении традиционных ценностей семейного общежития, присутствующих в российской ментальной карте и упуская цели и задачи, заложенные в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, где говорится о «проведении в средствах массовой информации на постоянной основе целенаправленной пропаганды и поддержки традиционных ценностей семьи и брака, морали и нравственности; проведении информационной кампании по повышению общественного престижа семейного образа жизни, многодетности и многопоколенной семьи путем создания специальных телевизионных передач и радиопередач, ток-шоу, газетных и журнальных рубрик, иных информационных проектов, популяризирующих традиционные семейные ценности и способствующие формированию позитивного отношения к браку, родительству, достойному отношению к старшему поколению и родному дому»².

Освещение проблемы проявлений домашнего насилия в отношении женщин в СМИ является важным источником для формирования публичного дискурса по проблеме внутрисемейных отношений. Никто сегодня уже не оспаривает формирующее воздействие СМИ на аудиторию, можно сказать, что человечество живет в ллюзорном мире, который создают средства массовой информации, ведь телевидение, радио, печатные и электронные издания не просто сообщают о происходящем, а формируют публичную повестку дня, отбирая из множества происходящих событий и поступающих в информационные агентства сведения определенные темы для освещения их на своих страницах и ранжируя их по значимости.

Медиапространство в сфере массовой коммуникации. Возникновение некоторого общего пространства, объединяющего коммуникаторов и средства массовой коммуникации, принято называть «медиапространством». Впервые понятие

² Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ 25 августа 2014 г. № 1618-р // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/92699> (дата обращения: 06.02.2021).

«медиапространство» было введено в конце двадцатого столетия и использовалось для объяснения нового типа информационно-коммуникационных систем, построенных на основе цифровых технологий, где люди в реальном времени создают и распространяют цифровой контент [2]. В дальнейшем категория «медиапространство» стала предметом множества исследований. Так американский исследователь П. Адамс [3] предлагает изучать пространственную организацию медиапространства с одной стороны, как физические пространства с определенными правилами и ограничениями налагаемыми на коммуникации, с другой, стороны уделять внимание презентации идей, формируемых в медиапространстве, которые не имеют географических координат.

Подчеркивая взаимосвязь медиа и пространства, исследователи при изучении социального пространства обращают внимание на то, что физическое пространство является формой репрезентации пространства социального, которое можно рассматривать как силовое поле, создаваемое индивидами в результате социальных взаимодействий, формируемых посредством, усвоенных индивидами социальных ролей и ценностей [4].

Н. Коулдри и А. Маккарти [5], продолжая исследовать взаимосвязь медиа и пространства, обратили внимания на электронные медиа, которые насыщают нашу повседневную жизнь как реальными, так и воображаемыми образами. В российской научной практике существуют разные подходы к определению данного понятия. Одной из самых распространенных точек зрения считается подход М. Литвинович, которая определяет медиапространство как «совокупность источников, из которых люди получают информацию, и смысловое поле, которое эти источники формируют» [6, с. 28]. Однако не все исследователи соглашались с таким недостаточно полным определением.

Еще один подход предложила Е. Н. Юдина, которая рассматривает медиапространство как часть или форму социального пространства, существующего объективно и независимо. Несмотря на то, что, отношения в нём структурированы и иерархизированы, медиапространство является открытой социальной системой, которая создается взаимообусловленной целостностью отношений производителей и потребителей массовой информации, передаваемой через средства массовой коммуникации [7].

Таким образом, в настоящее время средства массовой коммуникации не только служат инструментом транслирования, передачи информации, но и создают некоторую реальность, которая «формирует картину мира за пределами чувственного опыта индивида». Автор считает, что в данной работе уместнее всего определять медиапространство как «особую реальность, являющуюся частью социального пространства и организующую социальные практики, и представления агентов, включенных в систему производства и потребления массовой информации» [7, с. 153]. Такой подход позволяет использовать социологический понятийный аппарат для определения медиапространства.

Распространение информации и формирование системы коммуникаций в медиапространстве становится возможным посредством масс-медиа, к которым, как правило, относят телевидение, кино, прессу и интернет. Масс-медиа на данный момент не только информируют аудиторию, но и формируют общественное мнение, в том числе и в сфере рассмотрения проблемы, связанной с проявлением насилия в отношении женщин в семье.

Исследователи выделяют пять категорий современных медиаканалов: СМИ, интерактивные медиа, контролируемые медиа, массовые мероприятия и коммуникация один на один [8, с. 21]. Интерактивные медиа, мероприятия и коммуникация один на один не предполагают воздействия на широкую аудиторию,

в тоже время другие категории лучше всего подходят для формирования публичного дискурса. Именно эти категории медиаканалов представляют интерес для анализа в рамках рассматриваемой проблемы. В предлагаемой работе анализ ограничен одним видом масс-медиа, – цифровые электронные газеты. Также интересным для анализа средством коммуникации, представленном в медиапространстве в цифровую эпоху, стали сетевые средства передачи информации, такие как социальные сети, блоги, интерактивные площадки и т.д. Существенное отличие новых нетрадиционных средств передачи информации, в том, что они обеспечивают всем акторам формируемого дискурса возможность высказывать свое мнение, в отличие от традиционных СМИ, которые по сути являются монологом небольшого количества акторов, действующих в медиапространстве и обладающих сильными инструментами влияния [9].

Репертуар российских СМИ, касающийся насилия в отношении женщин и кризиса семьи. Выбор СМИ для авторского анализа, проведенного в представленной работе, основан на данных «Медиалогии»³, где ключевые научно-популярные СМИ ранжированы с учетом частоты их цитирования, что отражает ситуацию, сложившуюся в сфере коммуникаций в России за апрель-октябрь 2021 г. Анализу были подвергнуты онлайн-версии российских федеральных газет «Коммерсантъ» и «Российская газета», которые заняли в рейтинге самых цитируемых газет соответственно второе и четвертое места. Кроме того, анализировались материалы медиа-площадки ТАСС, представленные на сайте информационного агентства. В рейтинге цитируемости СМИ ИА ТАСС занимает вторую строчку⁴ и его можно отнести к одному из новых медиа.

Анализ публикаций в названных электронных изданиях состоял в проведении внутреннего анализа содержания статей по следующим параметрам: понимание, причины и признаки насилия в семье, масштабы распространенности явления, стереотипы, обидчики и жертвы домашнего насилия, помощь пострадавшим от насилия со стороны НКО и государственных структур и др. Единицей анализа выступило упоминание проблемы насилия в семье. Всего было проанализировано 23 статьи в этих изданиях. Другим направлением исследования стал качественный контент-анализ статей в вышеупомянутых изданиях. Были отобраны публикации, в которых упоминается «семья» за период с марта по декабрь 2021 года. Целью исследования стал анализ информационных поводов и модальности публикаций, посвященных тематике, связанной с российской семьей.

Анализ позволил объединить статьи по смысловым блокам. Пожалуй, самый крупный блок касается правовых аспектов регулирования проблем насилия в семье. Также были выявлены блоки статей, в которых описываются непосредственно случаи домашнего насилия; блок, касающийся экспертных суждений или интервью на тему насилия в семье; статьи, связанные с пандемией COVID-19, статьи содержащие рекомендации и предлагающие пути решения данной проблемы; и статьи, касающиеся деятельности НКО по решению проблем насилия в семье.

Характеризуя вышеуказанные блоки надо отметить, что в «Российской газете» периодически встречаются статьи, которые рассматривают как конкретные случаи домашнего насилия, так и ход принятия законопроекта «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации». В статьях

³ «Медиалогия» – автоматическая система мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей в режиме реального времени.

⁴ Федеральные СМИ: май 2022 // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/~j5s1p> (дата обращения: 08.06.2022).

можно найти оценочные суждения о нагнетании правозащитниками страстей по поводу распространенности проблемы домашнего насилия, не соответствующих реальной картине распространенности этого феномена в нашей стране⁵. Согласно представленным на дискуссионной площадке ТАСС результатам всероссийского опроса «Отношение россиян к феминизму и гендерному неравенству», проблему насилия в семье считают актуальной только 39% опрошенных, 47% из которых называют её частной и считают, что она должна решаться исключительно внутри семьи. С тем, что проблема должна решаться на уровне государства согласны лишь 23% мужчин и 38% женщин⁶.

Вместе с тем в статьях поддерживается мысль о необходимости более широкого освещения проблемы, связанной с проявлением домашнего насилия. Автор публикации «В столичном метро появилась реклама против домашнего насилия»⁷ позитивно оценивает использование социальной рекламы для решения этой проблемы. В статьях достаточно часто представлены статистические данные о распространенности домашнего насилия в нашей стране и в мире в целом. Эта неутешительная статистика взята, в основном, из докладов инициативных некоммерческих организаций, которые формируют ее на основании данных кризисных центров, в которые обращаются жертвы насилия. Также в статьях можно найти информацию о НКО, которые занимаются этой проблемой.

Статьи газеты «Коммерсантъ» выносят в публичный дискурс дискуссионные темы, связанные с проблематикой домашнего насилия. В статье «Насилию нет, а Минюст есть»⁸ выносятся на обсуждение ситуация с аккредитацией НКО «Насилию.нет», которая была признана иностранным агентом, что вызвало волну общественного резонанса. Собственно, статья направлена в большей степени на освещение позиции автора по поводу принятия закона об иностранных агентах, а проблема домашнего насилия становится лишь фоном для его обсуждения. Руководители и активные деятели НКО используют коммуникационные возможности медиа, чтобы закрепить в публичном дискурсе мнение о том, что насилие в семье в отношении женщин не является нормой [10]. Большое внимание уделяется продвижению продуктов НКО, которые кроме юридической и психологической помощи предоставляют жертвам домашнего насилия возможность для проживания в убежище, занимаются просветительской деятельностью.

Еще один важный аспект, поднимаемый в статьях газеты «Коммерсантъ», касается уголовного преследования женщин, которые были осуждены за убийства, совершенные в ходе защиты от насилия в своей семье. Фактически в статье представлен доминирующий в российском обществе взгляд на проблему домашнего насилия. Действующие на сегодняшний день в законодательстве гендерно нейтральные меры в отношении самообороны не учитывают того обстоятельства, что насилие может носить преднамеренный характер со стороны одного из партнеров. Ситуация обострилась на фоне пандемии COVID-19: в период карантина проживающие совместно с домашним тираном оказались в условиях, когда нет возможности оперативно уйти [11]. По данным ВЦИОМ 77% россиян считают, что в стране существует много случаев

⁵ Куликов, В. Суд не признал самообороной удар ножом в семейной ссоре // Российская газета: [сайт]. 13 декабря 2021. URL: <https://u.to/hwxHHA> (дата обращения: 07.06.2022).

⁶ Опрос: россияне считают, что проблемы неравенства полов и харассмента неактуальны в стране // ИА ТАСС. 22 мая 2019. URL: <https://u.to/lAxHHA> (дата обращения: 07.01.2022).

⁷ Жук, С. В столичном метро появилась реклама против домашнего насилия // Российская газета: [сайт]. 09 ноября 2021. URL: <https://u.to/swxHHA> (дата обращения: 07.01.2022).

⁸ Курилова, А. Насилию нет, а Минюст есть // Коммерсантъ: [сайт]. 02 марта 2021. URL: <https://u.to/3AxHHA> (дата обращения: 05.02.2022).

незафиксированного насилия, а жертвы насилия скорее предпочитают замалчивать случившееся, такое мнение женщины разделяют чаще чем мужчины (57% против 48%) соответственно⁹. Кроме того, «...в большинстве юрисдикций абьюз не признается в качестве смягчающего фактора. Из-за этого не удается идентифицировать виновника домашнего насилия как главного агрессора»¹⁰. Более половины россиян (58%) сомневаются, что в нашем обществе женщина защищена от домашнего насилия, при этом нередко жертва насилия воспринимается как провокатор и виновник произошедшего (44%)¹¹.

Таким образом широкое отражение в медиа проблемы семейного насилия в отношении женщин привлекает внимание к проблеме и помогает сформировать общественный консенсус о недопустимости и аморальности подобных действий. Вместе с тем, акцент на публикации материалов о распространенности домашнего насилия в российских семьях достаточно ярко высвечивает современный кризис семейных отношений и одновременно создает негативное позиционирование российской семьи вследствие того, что количество публикаций, описывающих проблемы в семье, заметно перевешивает позитивные примеры конструктивного духовного внутрисемейного взаимодействия, формирующего крепкие узы, которые не теряют свою силу и актуальность для человека на протяжении всей жизни, когда семья осуществляет функцию поддержки, опоры, дает тепло столь необходимые каждому человеку.

Сказанное, однако, не означает, что тема насилия в семье вовсе не должна освещаться в средствах массовой информации. СМИ имеет сильное влияние на общество и тон, который используется в публикации для описания социальной проблемы, формирует отношение аудитории к ней. В статьях могут рассматриваться схожие темы, но очень важен именно ракурс описания проблемы. В случае рассмотрения темы домашнего насилия авторы публикаций обычно затрагивают семью как таковую и важно, чтобы тема семьи не подавалась все время через категорию насилия и других кризисных явлений в семье. При рассмотрении подходов к разработке и реализации государственной семейной политики исследователи рекомендуют использовать более широкую концептуальную основу при выработке семейной политики [12]. Важно с какого ракурса описана проблема: политическая ситуация вокруг законопроекта, конкретные громкие случаи насилия в семье, ход судебных разбирательств или традиции и практики семейного взаимодействия в российских семьях, члены которых гордятся своими семьями и готовы делиться позитивными примерами семейного строительства.

В электронной версии «Коммерсанта» за период с 01.03.2021 по 28.12.2021 по запросу «семья» выявлено 598 публикаций, за тот же период по соответствующему запросу в электронной версии «Российской газеты» выявлено 1294 публикации. Большинство статей используют понятие «семья», обозначая смысл совместного ведения бизнеса или в контексте освещения потребительских предпочтений российских семей, присутствуют статьи, освещающие социальные аспекты функционирования семьи, в том числе различные виды государственной поддержки семьи. В газете «Коммерсантъ» преобладающее количество статей по тематике семьи – это отчеты о мероприятиях книжной индустрии или информация с кинофестивалей – как российских, так и зарубежных, – где как прави-

⁹ Насилие. Безнаказанность. Возмездие? : аналитический обзор // ВЦИОМ. 15 сентября 2016. URL: <https://u.to/1g1HHA> (дата обращения: 05.03.2022).

¹⁰ Царева, М. Гражданская необходимая оборона // Коммерсантъ: [сайт]. 14 декабря 2021. URL: <https://u.to/4g1HHA> (дата обращения: 07.02.2022).

¹¹ Насилие. Безнаказанность. Возмездие? : аналитический обзор // ВЦИОМ. 15 сентября 2016. URL: <https://u.to/1g1HHA> (дата обращения: 05.03.2022).

ло отражен именно кризис семьи в различных формах его проявления. В том и другом издании можно найти статьи о проблемах семей мигрантов, связанных с регистрацией в РФ, с обучением детей и получением пособий на них. Можно найти материалы об инклюзивном образовании в России, выплатах пособий на детей семьям в регионах, семейной ипотеке и т.д. В обоих изданиях более 20 статей посвящены проблеме насилия и более 10 статей посвящены проблеме загруженности женщин при переходе на дистанционную работу в связи с пандемией COVID-19, также можно найти статьи о том, как семьи с детьми переносят пандемию и о разных видах поддержки семей в период пандемии.

Однако в публикациях «Российской газеты», в отличие от «Коммерсанта», встречается большое количество статей, направленных на формирование позитивного имиджа семьи в сознании читателей. Примерами позитивных публикаций, вселяющих веру в то, что семья может быть дружная, работающая, заботящаяся и надежная, может служить рассказ о семье Ю. Никулина, которая поддерживает память о великом клоуне и строит храм у него на родине, в маленьком городке Демидове Смоленской области¹². Такие статьи создают резкий контраст с публикациями в газете «Коммерсант», где авторы зачастую просто глумятся над любыми инициативами общественных организаций или государственных лидеров, направленных на поддержку семьи: будь то принятие законопроекта о материальной помощи семьям с детьми или вступление в должность чиновников, курирующих семейную политику¹³, по присущей современным российским либералам традиции порицать любые инициативы, и не предлагать ничего конструктивного.

Другим примером может служить статья П. Савинкина «Частный день календаря» в «Российской газете»¹⁴. Он опубликовал в виде статьи календарь семейных событий 2021 года, которые он выкладывал каждый день в социальных сетях. Статья выполнена в виде нарративов от первого лица, где повествуется о хорошей семье, дружбе, любви и вере в будущее. Безусловно подобные материалы несут позитивный заряд, особенно для молодых читателей. Здесь нет места злости, самолюбанию, это то, что называется «быть счастливым» и как это случается.

Если обратиться к новым СМИ, например интерактивной площадке, созданной совместно ТАСС и ВЦИОМ, и их вкладу в формирование публичного дискурса, то надо отметить, что они активно используют коммуникационные возможности новых медиа не только для продвижения своего видения проблемы насилия в семье, но и предоставляют трибуну для обсуждения и наполнения публичного дискурса новыми смыслами, исходящими от всей целевой аудитории, включенной в эту проблему¹⁵.

¹² Новоселова, Е. Как Юрий Никулин помогает крошечному райцентру в Смоленской области // Российская газета: [сайт]. 16 декабря 2021. URL: <https://u.to/KA5HHA> (дата обращения: 01.04.2022).

¹³ См. например: Колесников, А. Правам ребенка нашли новую мать // Коммерсантъ: [сайт]. 27 октября 2021. URL: <https://u.to/bQ5HHA>; Колесников, А. Красная линия всех сильнее // Коммерсантъ: [сайт]. 22 апреля 2021. URL: <https://u.to/gg5HHA>; Колесников, А. Организация объединенных координаций // Коммерсантъ: [сайт]. 13 апреля 2021. URL: <https://u.to/hg5HHA> и пр. (дата обращения: 07.05.2022).

¹⁴ Савинкин, П. В уходящем году наш читатель из Благовещенка попробовал перелистать свою жизнь // Российская газета: [сайт]. 15 декабря 2021. URL: <https://u.to/1Q5HHA> (дата обращения: 07.04.2022).

¹⁵ См. например: Опрос: россияне считают, что проблемы неравенства полов и харассмента неактуальны в стране // ИА ТАСС. 22 мая 2019. URL: <https://u.to/lAxHHA>; Новая норма или закипающий котел: психоэмоциональное состояние российского общества в условиях четвертой «волны» коронавируса // ВЦИОМ. 11 ноября 2021. URL: <https://u.to/SA9HHA>; Детские самоубийства, интернет и социальные сети // ВЦИОМ: [YouTube-канал]. 09 июня 2016. URL: <https://youtu.be/lcAxHatHE6A>; ВЦИОМ совместно с ТАСС провел заседание Научного совета по теме: «Российское общество в условиях пандемии коронавируса: анализ и прогноз» // ВЦИОМ. 02 апреля 2020. URL: <https://u.to/bw9HHA> (дата обращения: 06.06.2022).

В отличие от официальных СМИ, новые медиа дают возможность применить новые методы, часть которых уже опробована европейскими коллегами. Как новую форму профилактики домашнего насилия по отношению к женщине, сегодня рассматривают публикации нарративов женщин, которые испытали на себе или находятся в процессе применения к ним тех или иных форм насилия [13]. Существенное отличие воздействия на аудиторию таких интервью в том, что рассказ ведется от первого лица человеком, который попал в трудную жизненную ситуацию. В отличие от других публикаций в СМИ, где автором даётся оценка событий, произошедших с другим человеком, собственный рассказ от первого лица заставляет читателя формулировать для себя лично отношение к конкретной рассказчице и её проблеме, которая со страниц издания рассказывает о ней. Уходит отстраненность от описываемого эпизода, происходит включение в проблему конкретного человека, и автор нарратива становится нашим собеседником. Воздействие подобных материалов гораздо более сильное и конструктивное в плане формирования общественного дискурса отношения к проблеме. Именно по этой причине большой резонанс и общественную поддержку получают случаи насилия, когда жертва говорит о себе сама. Как раз эти единичные конкретные публикации и становятся катализаторами влияния общественного мнения на разрешение конкретной ситуации. К такому же выводу пришли и европейские исследователи, которые проанализировали потенциал применения подобного метода и пришли к заключению о важности повествования женщин от первого лица как «инструмента разрушения искаженного социального представления о насилии по признаку пола, которое способствует сохранению его нормализации, «снятию ответственности» с виновного и сексистских предрассудков в отношении женщин, ставших жертвами такого насилия» [13, с. 43].

Этот подход работает и в направлении создания позитивного имиджа семьи через публикацию нарративов о позитивных примерах внутрисемейного взаимодействия и наличии дружных, крепких семей. Например статья С. Сибиной в «Российской газете» от 15.12.2021 г.¹⁶ повествует о выпуске в Омске необычной книги «Семейные традиции рода Осипенко». Написали её потомки белорусов, переехавших в Сибирь на волне Столыпинской реформы. Это рассказ о трудолюбивых, героических и жизнерадостных людях, ярких представителях большой дружной семьи. Авторы объясняют: «Возможно, кому-то покажется, что в книге наши предки идеализированы. В жизни каждого, и правда, всякое бывало. Но злых, завистливых, трусливых, бессовестных людей в нашем роду никогда не было. Это подтвердит любой из нашей деревни. Здесь все, как на ладони, скрыть пороки невозможно. А семья Осипенко испокон веку пользовалась у односельчан огромным уважением»¹⁷. Собственно, на важность публикаций позитивных примеров социальной ответственности в различных социальных сферах указывают и другие авторы [14].

Конечно, сложно измерить то, как освещенность проблемы в публичном дискурсе влияет на её решение, однако большинство опрошенных отметили, что о существовании проблемы домашнего насилия они узнали из таких источников как телевидение (44%), газеты (10%), интернет (25%)¹⁸. Таким образом, СМИ,

¹⁶ Сибина, С. Жители сибирской деревни издали книгу о своих белорусских корнях // Российская газета: [сайт]. 15 декабря 2021. URL: https://u.to/_A9HHA (дата обращения: 06.06.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Худой мир – или добрая ссора? : аналитический обзор // ВЦИОМ. 16 декабря 2019. URL: <https://u.to/ERBHHH> (дата обращения: 04.06.2022).

являясь важнейшим источником информации, а также социальным и политическим институтом, формируют в публичном дискурсе видение проблемы домашнего насилия в отношении женщин в семье и придают ей общественный резонанс. Средства массовой информации, создавая устойчивые образцы, стандарты поведения в данном обществе, обладают серьезным потенциалом для изменения существующего стереотипного содержания общественного мнения по поводу главенствующей роли мужчины в семье [15], который имеет право наказывать женщину, создавая тем самым возможность для формирования насильственных взаимоотношений в семье.

Заключение. В заключение можно сказать, что анализ публикаций СМИ, посвященных проблеме домашнего насилия и российской семье показывает высокую наполненность публичного дискурса обозначенными проблематиками, однако публикации часто носят формальный, а не аналитико-проблемный характер и воспроизводят сформировавшиеся в обществе стереотипы касающиеся проблемы домашнего насилия, особенно в отношении женщин.

Если в целом говорить о репертуаре СМИ и исключить из анализа фактологические публикации, касающиеся тех или иных форм социальной поддержки семей, принятия тех или иных государственных и общественных инициатив, то остальные публикуемые материалы создают ощущение, что семья это что-то, сравнимое по впечатлению от просмотра недавно вышедшей британо-американской анимационной антологии Netflix «Дом»¹⁹, где в доме происходят сюрреалистические истории, которые в причудливой форме отображают различные аспекты кризиса семьи и общего социокультурного кризиса, в котором пребывает наш современник, что также сопровождается многочисленными фактами семейного насилия в отношении женщин. Такие публикации еще сильнее углубляют негативное позиционирование семьи, вместо того чтобы укреплять имидж семьи как места силы, источника радости и благополучия для всех её членов. К сожалению публикации, в которых российская семья показана как кризисная социальная ячейка, для которой характерны различные формы применения домашнего насилия, особенно в отношении женщин, активно тиражируются в печатных изданиях, они бесконечно ссылаются друг на друга и создается впечатление о большом количестве фактов, свидетельствующих о кризисе семьи. На самом деле в публичном дискурсе присутствуют одни и те же сюжеты, к которым СМИ многократно отсылают своих читателей. С другой стороны, сюжеты, формирующие позитивный имидж российской семьи, встречаются гораздо реже и не во всех изданиях, и отсылки к ним не тиражируются от издания к изданию и от публикации к публикации. Поэтому недостаточное освещение в СМИ примеров позитивного взаимодействия супругов в семье создает репрезентацию насилия как единственно возможную форму внутрисемейного взаимодействия супругов, что укрепляет негативное позиционирование семьи как формы, социальной ячейки построения отношений между мужчиной и женщиной. Тем самым в сознании россиян закрепляется проявление насилия в семье как единственной формы взаимодействия в семье, при этом жертвой насилия в подавляющем большинстве случаев становится женщина.

---

¹⁹ Вышел трейлер анимационной антологии Netflix «Дом» // Российская газета: [сайт]. 18 декабря 2021. URL: <https://u.to/PhBHNA> (дата обращения: 04.06.2022).

Библиографический список

1. Чернова, Ж., Шпаковская, Л. Семья и родительство // СоциоДиггер. 2020. Т. 1. №. 2. С. 1-38. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_092020.pdf (дата обращения: 04.07.2022).
2. Stults, R. Media Space / Xerox PARC. 1986. 20 p.
3. Adams, P. C. Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction. London : Wiley-Blackwell, 2009. 288 p. ISBN 978-1-405-15414-7.
4. Ильин, В. Теория социального неравенства (структуралистско-конструктивистская парадигма). М. : Институт социологии РАН, 2000. 212 с.
5. Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age / Ed. by N. Couldry and A. McCarthy. New York : Routledge, 2004. 320 p. ISBN 978-0203010228.
6. Литвинович, М. Как интернет меняет медиапространство // Impuls. 2010. № 4. С. 10-12.
7. Юдина, Е. Н. Медиапространство как новая социологическая категория // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 151-154. EDN LKRFLZ.
8. Путерова, А. Ю., Иванушко, А. М. Политический PR: «актуальные» каналы коммуникации // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 2(18). С. 173-179. EDN LXAQNV.
9. Китайцева, О. В. Проблема насилия в отношении женщин в российском медиапространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1-3. С. 435-447. DOI [10.28995/2073-6401-2022-1-435-447](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-435-447). EDN OLPOJI.
10. Ирсетская, Е. А., Китайцева, О. В. Роль лидеров некоммерческого сектора в формировании информационной повестки по проблемам домашнего насилия // Интеллигенция в новой реальности: Сб. статей XXII Междунар. теоретико-методологич. конф. (Москва, 30 сентября – 01 октября 2021 г.). Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2021. С. 241-252. EDN BPFZXS.
11. Фадеева, Е. В., Великая, Н. М., Белова, Н. И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2(26). С. 58-71. DOI [10.28995/2073-6401-2021-2-58-71](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-2-58-71). EDN OAJLZI.
12. Козлова, Н. Н., Овчарова, О. Г., Рассадин, С. В. Социально-философский анализ государственной семейной политики в современной России: основные подходы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2(52). С. 117-123. EDN DXPMIB.
13. Saccà, F., Belmonte, R. Women first-person narrative as a tool for deconstructing stereotyped representations of gender-based violence // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 1. С. 43–53. DOI [10.19181/nko.2022.28.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.4). EDN GRIRZK.
14. Белова, Н. И. Современная российская медицина в социологических и медийных оценках // Современная российская медицина: новые риски и вызовы. Москва : Ключ-С, 2020. С. 66-83. EDN HQHSHV.
15. Великая, Н. М. Женщины vs феминистки: парадоксы гендерного дискурса в России // Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов (Москва, 06–08 декабря 2018 г.). Москва : Аспект Пресс, 2018. С. 107-108. EDN YYBLZB.

Дата поступления в редакцию: 01.08.2022.

Принята к печати: 20.08.2022.

Сведения об авторе:

Ольга Вячеславовна Китайцева, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Российский государственный гуманитарный университет.

Москва, Россия.

e-mail: olga_kitaitseva@mail.ru

Author ID РИИЦ: 617701

ORCID: 0000-0001-7893-8945

Researcher ID (WoS): Q-7352-2016

O. V. Kitaitseva¹

¹ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST WOMEN IN THE RUSSIAN MEDIA SPACE: THE MAIN REPERTOIRE OF THE RUSSIAN MEDIA

Abstract. The article examines the repertoire of Russian media covering the problem of domestic violence against women, as well as the crisis of the Russian family. It was revealed that in the repertoire of the Russian media there are mainly publications that are aimed at highlighting activities related to the adoption of a law on domestic violence. Among other important issues are the following topics: the identification and replication of individual cases of violence that caused a wide public outcry; promotion of research results and opinions of non-profit organization experts who dealing with the problem of domestic violence; articles about measures to bring Russian legislation in line with the requirements of an international convention. The author comes to the conclusion that the information space is filled with mostly negative publications that form an opinion about the serious problems of intra-family communication and the crisis of the Russian family on the example of facts related to the issue of domestic violence against women. At the same time, little attention is paid to highlighting the facts of positive intra-family communication and fulfilling the goals specified in the family development policy on the promotion and reproduction in the media of family interaction practices that are aimed at the formation and development of strong Russian families. According to the author, the Russian media space needs more active coverage of positive practices of interaction within the family in order to fix them in the minds of Russians. It will turn out to be a more effective mechanism for the formation of healthy family relationships than rooting the idea of the family as a problematic and crisis social unit.

Keywords: domestic violence, violence against women in the family, state family policy, positioning of the Russian family in the media.

For citation: Kitaitseva, O.V. (2022) *The problem of domestic violence against women in the Russian media space: the main repertoire of the Russian media. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 71-82. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.6*

References

1. Chernova, Zh., Shpakovskaya, L. (2020) Family and Parenthood. *SocioDigger*, Vol. 1, No. 2. Pp. 1-38. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/podborka/wciom_sociodigger_092020.pdf (in Russ.).
2. Stults, R. (1986) *Media Space*. Xerox PARC. 20 p. (in Eng.).
3. Adams, P. C. (2009) *Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction*. London, Wiley-Blackwell. 288 p. ISBN 978-1-405-15414-7 (in Eng.).
4. Ilyin, V. (2000) *Theory of social inequality (structuralist-constructivist paradigm)*. Moscow, Institute of Sociology of the RAS. 212 p. (in Russ.).
5. Couldry, N. & McCarthy, A. (eds.) (2004) *Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. New York, Routledge. 320 p. ISBN 978-0203010228 (in Eng.).
6. Litvinovich, M. (2010) How the Internet is changing the media space. *Impulse*. No. 4. Pp. 10-12 (in Russ.).
7. Yudina, E. N. (2008) Media space as a new sociological category. *Prepodavatel XXI vek*. No. 2. Pp. 151-154 (in Russ.).
8. Piterova, A. Yu., Ivanishko, A. M. (2017) Political PR: "actual" communication channels. *Science. Society. State*. Vol. 5, No. 2. Pp. 173-179 (in Russ.).
9. Kitaitseva, O. V. (2022) The issue of violence against women in the Russian media space. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 1-3. Pp. 435-447. DOI 10.28995/2073-6401-2022-1-435-447 (in Russ.).
10. Irsetskaya, E. A., Kitaitseva, O. V. (2021) The role of leaders of the non-profit sector in the formation of an information agenda on domestic violence. *Intelligentsia in a new*

reality: a coll. of art. of the XXII Internat. theor. and methodol. conf. (Moscow, September 30 - October 01, 2021). Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing Publ. Pp. 241-253 (in Russ.).

11. Fadeeva, E. V. and Velikaya, N. M. Belova, N. I. (2021) Social well-being of Russians during the spread of coronavirus. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*. No. 2(26). Pp. 58-71. DOI [10.28995/2073-6401-2021-2-58-71](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-2-58-71) (in Russ.).

12. Kozlova, N. N., Ovcharova, O. G., Rassadin, S. V. (2020) Socio-philosophical analysis of the state family policy in contemporary Russia: the main approaches. *Vestnik TVGU. Seriya: Filosofiya*. No. 2(52). Pp. 117-123 (in Russ.).

13. Saccà, F., Belmonte, R. (2022) Women first-person narrative as a tool for deconstructing stereotyped representations of gender-based violence. *Science. Culture. Society*. Vol. 28. No. 1. Pp. 43–53. DOI [10.19181/nko.2022.28.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.1.4) (in Eng.).

14. Belova, N. I. (2020) Modern Russian medicine in sociological and media assessments. In: *Modern Russian medicine: new risks and challenges*. Moscow, Key-S Publ. Pp. 66-83 (in Russ.).

15. Velikaya, N. M. (2018) Women vs Feminists: Paradoxes of Gender Discourse in Russia. In: *Development Policy, State and World Order*. Materials of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists (Moscow, December 06-08, 2018). Moscow, Aspect Press. Pp. 107-108 (in Russ.).

The article was submitted on August 01, 2022.

Accepted on August 20, 2022.

Information about the author:

Olga V. Kitaitseva, Candidate of Sociology, senior lecturer,
Department of Applied Sociology,
Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.
e-mail: olga_kitaitseva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7893-8945
Researcher ID (WoS): Q-7352-2016

DOI [10.19181/nko.2022.28.2S.7](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.2S.7)

EDN [PQAGBZ](https://www.edn.ru/PQAGBZ)

УДК 316.4

Н. Н. Козлова¹, С. В. Рассадин¹, О. Г. Овчарова^{2,3}

¹ Тверской государственной университет. Тверь, Россия.

² Российская государственная специализированная академия искусств. Москва, Россия.

³ Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РФ: АНАЛИЗ СЕТЕВЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. Рассматривается проблема домашнего насилия в контексте реализации государственной семейной политики РФ, репрезентируемая в сетевом пространстве регионов. Авторы статьи выдвигают гипотезу, что в субъектах РФ с трендом на повышенную рождаемость тема домашнего насилия артикулируется гражданами и властью, в социальных сетях содержится информация о каналах, механизмах, институтах решения данной проблемы, что способствует формированию эффективной коммуникации между органами государственной власти и гражданским сообществом в рамках реализации государственной семейной политики, а также повышению рождаемости. В регионах же с трендом на суженное воспроизводство населения представленность проблемы домашнего насилия в интернете минимальна, ресурсы для реализации государственной семейной политики используются недостаточно. В качестве объектов исследования были выбраны Тюменская область, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Тамбовская область, Чукотский автономный округ. Непосредственным предметом анализа стали сетевые ресурсы, а прежде всего, группы во «ВКонтакте» – «Подслушано в...», в которых граждане обсуждают семейную проблематику. Авторы приходят к выводу, что в четырех из пяти рассматриваемых субъектов федерации гипотеза о связи представленности проблемы домашнего насилия в сетевых ресурсах региональных сообществ с различными демографическими трендами подтвердилась.

Ключевые слова: домашнее насилие, насилие над женщинами, сетевые ресурсы, регион, государственная семейная политика.

Для цитирования: Козлова, Н.Н., Рассадин, С.В., Овчарова, О.Г. Проблема домашнего насилия в контексте реализации государственной семейной политики РФ: анализ сетевых ресурсов региональных сообществ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 83-95. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.7. EDN PQAGBZ

Актуальность и степень исследования проблемы. Исследование домашнего насилия в современной России фундируется необходимостью обеспечения условий безопасной жизнедеятельности граждан, права каждого на жизнь, достоинство, личную неприкосновенность, реализацию равных прав и возможностей женщин и мужчин. Данная проблема приобретает особую актуальность в связи с негативными демографическими трендами. Семейная политика в современной России является объектом внимания как государственных органов, так и институтов гражданского общества. В официальном дискурсе (Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года,

принятая распоряжением Правительства РФ 25 августа 2014 г. № 1618-р) одна из задач артикулирована как «профилактика семейного неблагополучия», для решения которой предусмотрено «развитие кризисных центров (приютов, центров временного пребывания и отделений) для женщин и мужчин, в том числе с детьми, подвергшихся насилию, в том числе, в семье», «развитие программ по работе с лицами, подвергающимися психическому и физическому насилию членов своей семьи»¹. В Концепции указано, что «по-прежнему имеют место случаи семейно-бытового насилия, а также совершения правонарушений в отношении детей в семье»². Разработанный в соответствии с Концепцией и внесенный 28.09.2016 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД ФС РФ) законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» № 1 183 390–6 вызвал острую публичную дискуссию в российском обществе и на данный момент до сих пор не принят³. Критические замечания в адрес данного законопроекта затрагивают концептуальные основания проблемы домашнего насилия, поэтому обратимся к трудам исследователей данной темы.

Домашнее насилие проблематизируется как объект изучения в контексте развития таких отраслей знания как психология, социология, юриспруденция, криминалистика, гендерные исследования. Пионерами в сфере домашнего насилия являются американские социологи М. Страус, Р. Добаш [1; 2], которые исследовали причины и последствия жестокого обращения в американской семье. Однако выделяя такие факторы домашнего насилия, как индивидуальные особенности агрессора, влияние межгрупповых взаимоотношений, ученые не рассматривали данный феномен как социальную проблему. В дальнейших исследованиях семейного насилия эксперты дифференцировались преимущественно по двум направлениям: насилие против женщин, которые в основном являются жертвами мужа-агрессора [3], и насилие в отношении детей [4]. Значительный импульс для развития первого направления был придан теоретиками феминизма и женского движения. В трудах Г. Рубин [5] анализировались истоки супружеского насилия, в работах Т. де Лауретис предлагалось дискурсивное и семиотическое прочтение домашнего насилия [6]. Анализ феминистского осмысления проблемы домашнего насилия привел исследователей к выводу, что данное направление не затрагивает проблему домашнего насилия над мужчинами, игнорируя факт, что «женщины обладают примерно таким же насильственным потенциалом, как и мужчины» [7, с. 135]. В исследовании М. Киммела [8] рассматривается проблема домашнего насилия жен в отношении мужей. На данный момент проблема домашнего насилия в зарубежной литературе является настолько разработанной, что создаются специализированные информационные ресурсы, на которых размещаются наиболее важные исследования в данной области⁴.

В современной отечественной науке можно выделить пул исследователей, рассматривающих домашнее насилие с позиций различных методологических подходов. В первую очередь обозначим работы экспертов, изучающих домашнее насилие против женщин в рамках политико-правовой международной по-

¹ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ 25 августа 2014 г. № 1618-р // Правительство России: [официальный сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 06.02.2021).

² Там же.

³ О профилактике семейно-бытового насилия : законопроект № 1183390-6 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://u.to/iVJGHA> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴ См. например: Домашнее насилие. Часть-II // Мужской альманах. URL: <https://u.to/kVJGHA> (дата обращения: 14.04.2022).

вестки дня. В частности, в трудах М. Д. Давтян [9], О. А. Ворониной [10], Н. А. Шведовой [11] и др. анализируются проблемы домашнего насилия над женщинами в контексте нарушения прав человека, разбирается роль Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин при ООН по профилактике и борьбе с домашним насилием, исследуется выполнение различными государствами взятых обязательств по реализации норм международного права в Национальных механизмах продвижения гендерного равенства. Эксперты приходят к выводу, что на данный момент создана солидная база норм международного права, позволяющая эффективно бороться с домашним насилием [12].

Отдельным блоком целесообразно выделить труды российских юристов, которые рассматривают внутрисемейную агрессию как криминологическую проблему: Ю. М. Антонян, И. В. Горшков, Р. М. Зулкарнеев [13], С. Я. Саламова [14] и др. В своих исследованиях эксперты отмечают значительную трансформацию российского законодательства в сторону большей чувствительности к проблемам домашнего насилия, выделяют причины, виды, формы преступлений в области домашнего насилия, а также предлагают конкретные меры для профилактики и борьбы с данным видом правонарушений.

В трудах отечественных психологов домашнее насилие рассматривается в контексте изучения агрессии, суицида и т.д. [15]. В работах социологов комплексно анализируется феномен домашнего насилия [16; 17], а также проводятся кросс-культурные исследования [18], выявляются связи домашнего насилия с институтами воспитания, СМИ, культуры, гендера [18–21]. На основе результатов прикладного исследования «Насилие в семье глазами учителей и воспитателей» О. Здравомыслова резюмирует, что эскалации домашнего насилия в России способствует макросоциальные факторы: «пугающая неопределенность будущего, жизнь в “обществе риска”», «разрушение традиционной опоры семейного воспитания – родительского авторитета», «напряженность, повышенная конфликтность отношений между людьми» и т.д. [22, с. 124–125].

Тема домашнего насилия поднимается социологами и политологами в контексте анализа частного и публичного, женского движения, разработки и реализации гендерной политики [23]. В рамках анализа гражданского общества исследователи рассматривают деятельность кризисных центров [24]. При исследовании государственной семейной политики в регионах тема борьбы с домашним насилием практически не затрагивается [25]. В целом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что в РФ создана научная база для профилактики и борьбы с домашним насилием.

Целью данной статьи является анализ проблемы домашнего насилия в контексте реализации государственной семейной политики РФ в сетевом пространстве регионов. Авторы статьи выдвигают гипотезу, что в субъектах федерации с трендом на повышенную рождаемость тема домашнего насилия артикулируется гражданами и властью, содержится информация о различных каналах, механизмах, институтах решения данной проблемы, что способствует формированию эффективной коммуникация между органами государственной власти и гражданским сообществом в рамках реализации государственной семейной политики и способствует повышению рождаемости; в регионах с трендом на суженное воспроизводство населения представленность проблемы домашнего насилия в Интернете минимальна, дискурсы власти и общества практически не пересекаются, а значит, и ресурсы для реализации государственной семейной политики используются недостаточно. В качестве объектов исследования были выбраны Тюменская область, Республика Дагестан как

регионы с трендом на расширенное воспроизводство, Республика Калмыкия, Тамбовская область, Чукотский автономный округ (далее – Чукотский АО) как регионы с трендом на суженное воспроизводство населения.

Непосредственным предметом анализа стали сетевые ресурсы, прежде всего, группы во «ВКонтакте» – «Подслушано в...», в которых граждане обсуждают семейную проблематику. Используемая в статье методология и методика анализа данных сетевых ресурсов была проработана в трудах Г. В. Градосельской, А. Н. Чуракова, в работах исследователей кубанской школы [26–28].

Группа регионов с повышенным трендом рождаемости

• **Тюменская область.** В сетевом пространстве Тюменской области активно обсуждаются проблемы разработки и реализации государственной семейной политики, в том числе по проблемам домашнего насилия, аборт и пр. В частности, на информационном ресурсе «Типичная Тюмень ЧП» сообщаются данные МВД, что с января по сентябрь 2019 г. в России было совершено 15 381 преступление против женщин в области семейно-бытовых отношений⁵, а число жалоб на домашнее насилие в условиях карантина и режима самоизоляции в России выросло в 2,5 раза⁶.

В интернет-пространстве Тюменской области поэтапно и подробно освещались инициативы, выступления различных общественно-политических акторов по проблемам домашнего насилия. Федеральный законодатель в лице главы Совета Федерации ФС РФ В. И. Матвиенко поддержал законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия», указав на необходимость менять «патриархальный менталитет» в стране, защитить «россиянок от домашних тиранов»⁷. Кроме того, интернет-источник озвучил негативную оценку ЕСПЧ российского законодательства, в котором «нет понятия “домашнее насилие”, не существует охранных ордеров»⁸.

На портале сетевого ресурса «Типичная Тюмень ЧП» также была опубликована информация о реакции гражданского общества на прохождение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» в ГД ФС РФ⁹. В частности, в сети был приведен комментарий Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства Русской православной церкви (далее – РПЦ) и представителей православной общественности (лидера общественного движения «Сорок Сороков» А. Кормухина) о недопустимости принятия закона о домашнем насилии, по мнению которого законопроект является «антисемейным и антинародным» и «разрушает Россию и семью»¹⁰.

В рамках реализации государственной семейной политики региональные власти Тюменской области в интернет-пространстве размещают информацию для пользователей, которые пострадали или могут пострадать от домашнего насилия. В данном регионе женщины с детьми, столкнувшиеся с бытовым насилием, могут получить комплексную помощь в двадцати двух центрах со-

⁵ Типичная Тюмень ЧП / ВКонтакте. 01.12.2019. URL: <https://u.to/1FJGHA> (дата обращения: 15.10.2021).

⁶ Типичная Тюмень ЧП / ВКонтакте. 05.05.2020. URL: <https://u.to/3lJGHA> (дата обращения: 12.11.2021).

⁷ Типичная Тюмень ЧП / ВКонтакте. 01.08.2021. URL: <https://u.to/8VJGHA> (дата обращения: 21.10.2021).

⁸ Там же.

⁹ Типичная Тюмень ЧП / ВКонтакте. 21.12.2019. URL: <https://u.to/GVNGHA> (дата обращения: 03.10.2021).

¹⁰ Там же.

циального обслуживания жителей, четырех социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних, а также в центре обеспечения мер социальной поддержки в нестационарных, стационарных и полустационарных условиях. В систему оказания помощи пострадавшим от домашнего насилия включен социально-некоммерческий сектор Тюменской области. В частности, адресной помощью занимаются волонтеры под эгидой проекта «Творить добро – просто!». В разрешение ситуаций внутрисемейного насилия включены институты уполномоченных по правам ребенка и по правам человека в Тюменской области. С 2019 г. в Тюменской области работает региональная служба психолого-педагогической, методической и консультативной помощи женщинам с детьми «Точка опоры». Активно действуют и православные организации по созданию центров помощи пострадавшим от домашнего насилия. Наиболее часто упоминаемое в сети учреждение – Тюменский центр помощи беременным и мамам с детьми «Дом для мам»¹¹. По словам куратора данного проекта, члена комиссии по защите семьи, материнства и детства Тобольско-Тюменской митрополии РПЦ О. Сметанюк, центр сосредоточен на противоборном консультировании и помощи женщинам после рождения ребенка¹². Аналогичную задачу – сохранение женской беременности – ставит перед собой и АНО «Центр развития социальных проектов Тюменской области «Милосердие»¹³.

Таким образом, в сетевом пространстве Тюменской области проблема домашнего насилия имеет информационную поддержку со стороны органов государственной власти субъекта федерации, общественных организаций. Анализируя сообщения сетей, можно прийти к выводу, что в регионе развита система институтов по профилактике и борьбе с домашним насилием. Таким образом, выдвинутая в статье гипотеза подтверждается.

• **Республика Дагестан.** В сетевых ресурсах «Нетипичная Махачкала» Республики Дагестан тема профилактики и борьбы с домашним насилием в контексте реализации государственной семейной политики практически не артикулируется. При этом в 2018 г. в Махачкале был открыт благотворительный центр защиты материнства и детства «Теплый дом на горе», объектом помощи которого являются «женщины, которым судьба не дает шанса сохранить беременность, забрать ребенка из роддома, избежать изъятия детей органами опеки, убежать от домашнего насилия»¹⁴. Анализ сетевых ресурсов показывает, что тема насилия, в том числе семейного, присутствует как часть криминальной хроники. Из постов пользователей соцсети очевидно, что в Дагестане существуют разные формы насилия – издевательства над детьми в школах, воровство девушек, изнасилование, использование оружия при разрешении конфликтов и пр. Часть информации в сети затрагивает трагические развязки браков, заключенных по договоренности родителями.

В сетевом сообществе обсуждаются отношения внутри дагестанского общества: между поколениями, между полами, между представителями разных этносов. Посты показывают сложный и противоречивый характер современной дагестанской культуры – установки на традиционное воспитание в духе мусульманских традиций, с одной стороны, и желание соответствовать духу современности, с дру-

¹¹ Помощь мамам с детьми Дом для мам, Тюмень / ВКонтакте. URL: <https://u.to/O1NGHA> (дата обращения: 10.09.2021).

¹² Помощь мамам с детьми Дом для мам, Тюмень / ВКонтакте. 04.02.2020. URL: <https://u.to/RINGHA> (дата обращения: 10.11.2021).

¹³ АНО ЦРСП ТО «Милосердие». URL: <https://blago-dar.sznto.ru> (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁴ В Дагестане в полную силу заработал Центр защиты материнства // Агентство социальной информации. 29.01.2018. URL: <https://u.to/VINGHA> (дата обращения: 23.11.2021).

гой. Значительная часть комментариев представляет собой сознательное оскорбление молодых девушек, которые не соответствуют идеалам мусульманской жены – женам пророков: «Хиджаб в обтяжку со стразами, выщипанные брови, стрелки до ушей. Губки бантиком, килограмм шпаклёвки. Пара выученных арабских слов... Дешевые мерзкие понты. Зачем вся эта показуха и гламур? Вы видимо стали забывать, что Ислам – это религия, а не мода. Девушки прекратите это. Вы же мусульманки, у вас есть своя естественная красота!»¹⁵. Авторы критикуют влияние западной культуры, а также позицию по данному вопросу государственной власти, которая попустительствует этому проникновению. Надевать хиджаб или нет, участвовать в конкурсе красоты или нет, выходить замуж без согласия родителей или нет, разводиться или нет – эти и другие вопросы вызывают бурную дискуссию в сообществе. Некоторые посты женщин содержат обвинения обществу в наличии двойных стандартов. При этом из материалов социальных сетей очевидно, что семья – это одна из наиболее важных ценностей для дагестанской культуры. Молодые люди в возрасте до 20 лет озабочены созданием семьи, нацелены на рождение детей. Пользователи сетей описывают дагестанские свадьбы с большим количеством приглашенных гостей, поп-звезд: «“Замуж” это отдельная история, для большинства (не для всех) дагестанок “выйти замуж” это религия, это как достичь nirваны – конечная цель их существования»¹⁶.

С нашей точки зрения, противоречивость дагестанской культуры имеет последствия в виде эскалации домашнего насилия. В 2020 г. жившие в «Теплом доме на горе» женщины обвинили руководство центра в моральном шантаже и принуждении к труду, в том, что без их согласия были опубликованы фото и видео с тренингов¹⁷. В результате опубликования визуального контента помещение центра было разгромлено. Согласно федеральному интернет-контенту в Республике Дагестан действует женская правозащитная группа «Марем», которая не афиширует свою работу в соцсетях¹⁸.

Таким образом, несмотря на то, что в сетевых ресурсах Дагестана тема профилактики и борьбы с домашним насилием практически не артикулируется, тем не менее данная проблема актуальна для республики. Наличие правозащитной группы и центра помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия, говорит об попытках гражданского общества и государства решать данную латентную проблему в условиях преобладания консервативных трендов в государственной семейной политике. Выдвигаемая в статье гипотеза о связи артикуляции дискурса о домашнем насилии и повышенном тренде на рождаемость не подтвердилась. Анализ показал, что пользователями социальных сетей в регионе в основном является не состоящая в браке молодежь, в круг интересов которой не входит проблема домашнего насилия. Кроме того, вероятно, что тенденция на расширенное воспроизводство определяется особенностями национальной культуры – установками дагестанцев иметь многодетную семью.

Группы регионов с пониженным трендом рождаемости

• **Республика Калмыкия.** В группе «Подслушано Калмыкия» присутствует в основном позитивный контент. Слово «дети» входит в десять наиболее используемых в указанном ресурсе. В интернет-пространстве Республики Кал-

¹⁵ Нетипичная Махачкала // ВКонтакте. 11.10.2015. URL: <https://u.to/aFNGHA> (дата обращения: 10.10.2021).

¹⁶ Махачкала // ВКонтакте. 22.07.2014. URL: <https://u.to/b1NGHA> (дата обращения: 22.11.2021).

¹⁷ Винокурова Е. Безопасное место: как устроены кризисные центры помощи женщинам в трудных ситуациях // RT. 24.06.2021. URL: <https://u.to/dVNGHA> (дата обращения: 20.10.2021).

¹⁸ Там же.

мыкья подробно освещены многочисленные мероприятия, направленные на реализацию семейной политики (фестивали, конкурсы и пр.), опубликованы пошаговые инструкции для обращения семей за различного рода выплатами, льготами и пр. Слово «домашнее насилие» в данном информационном ресурсе используется два раза.

В первом случае оно упоминается в связи с освещением торжественной церемонии открытия первого в республике социального приюта для женщин и детей, страдающих от домашнего насилия и оказавшихся в трудной жизненной ситуации «Дом надежды». На информационном ресурсе сообщается, что реализация данного проекта стала возможной в результате конкурсного отбора Министерством экономики и торговли Республики Калмыкия программ СОНКО в рамках реализации подпрограммы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Калмыкия на 2014–2020 годы»¹⁹. Создание «Дома надежды» рассматривается организаторами не как новая технология социальной работы с женщинами в рамках реализации государственной семейной политики, а как продолжение национальной традиции. Его директор Н. Аккай на торжественной церемонии открытия учреждения отметила, что «испокон веков в нашем народе было принято не оставлять в беде женщин и детей, я рада, что могу продолжить эту традицию»²⁰.

Во втором случае упоминания термина «домашнее насилие» в сети «Подслушано Калмыкия» речь шла об участии министра социального развития, труда и занятости Республики Калмыкии М. П. Ользятиевой в семинаре «Межведомственное сотрудничество – модели предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин в регионах», организованном в апреле 2019 г. Минтрудом России и Советом Европы в рамках совместного проекта по сотрудничеству Российской Федерации и Совета Европы в осуществлении Национальной стратегии действий РФ в интересах женщин (2017–2022)²¹.

Анализируя другие посты пользователей, становится очевидным конфликтный характер гендерной культуры регионального сообщества, который способствует эскалации домашнего насилия. Женщины полагают, что в обществе сложился двойной стандарт по отношению к гендерным ролям: «Почему-то в нашем обществе все так размышляют. Бросил папашка жену с 2-3 детьми. Сама виновата. Плохо ухаживала за ним, за собой, мало терпела, располнела, зачем столько рожала и т.д. Изнасиловали девушку. Сама виновата! Спровоцировала. Повод дала. <...> С мужика, как с гуся вода, захотел ушел, захотел пришёл, захотел – помогает детям, захотел – нет. А женщине одной все расхлёбывать»²². Аналогичные посты размещают и мужчины²³. По нашему мнению, отсутствие консенсуса в понимании базовых принципов гендерного порядка потенциально содержит риски провокации домашнего насилия.

Таким образом, в Республике Калмыкия институционализировало такое направление государственной социальной политики как борьба с домашним насилием. В то же время при сравнении частоты упоминаний понятий «домашнее

¹⁹ Социальный приют для женщин и детей страдающих о // ВКонтакте. URL: <https://u.to/r1NGHA> (дата обращения: 12.03.2022).

²⁰ Круглосуточно в Калмыкии женщины и дети, страдающие от домашнего насилия, могут обратиться за помощью в «Дом надежды» // РИА Калмыкия. 27.11.2017. URL: <https://u.to/s1NGHA> (дата обращения: 15.03.2022).

²¹ Подслушано Калмыкия // ВКонтакте. URL: <https://u.to/y1NGHA> (дата обращения: 27.03.2022).

²² Подслушано Калмыкия // ВКонтакте. 26.06.2020. URL: <https://u.to/21NGHA> (дата обращения: 21.03.2022).

²³ Подслушано Калмыкия // ВКонтакте. 09.08.2020. URL: <https://u.to/21NGHA> (дата обращения: 21.03.2022).

насилие» и «выплаты семьям» приоритет, безусловно, отдается второму. Анализ постов показывает, что межличностные конфликты в семье фундируются неконсенсусным характером гендерного порядка, создавая тем самым основу для эскалации домашнего насилия. Предложенная в статье гипотеза подтвердилась на материалах сетевых ресурсов Республики Калмыкии: практическое отсутствие рефлексии по проблеме домашнего насилия в дискурсивном поле соцсетей при наличии фактической проблемы противоречит тренду на расширенное воспроизводство населения.

• **Чукотский автономный округ и Тамбовская область.** В сетевом пространстве Чукотского АО, как и в случае с Калмыкией, контент носит преимущественно позитивный характер, органы государственной власти регулярно размещают в социальных сетях сообщения о различных льготах, выплатах для семей, прежде всего, семей оленеводов²⁴. Сообщения по теме домашнего насилия носят эпизодический характер: по данным МВД Чукотского АО, за девять месяцев 2021 г. было составлено 29 административных протоколов, по статье «Побои» возбуждено 195 уголовных дел²⁵. В ноябре 2021 г. по инициативе Уполномоченного по правам человека в сотрудничестве с Региональным отделением Союза женщин России Чукотского АО прошел круглый стол «Проблемы насилия в семье и в отношении женщин и их разрешение на территории Чукотского автономного округа»²⁶. Одним из субъектов, занимающихся проблемами домашнего насилия в Чукотском АО, являются представители Анадырской и Чукотской Епархии РПЦ и православной общественности в лице ОМОО «Союз православных женщин» Чукотского АО, перспективной целью которых являлось открытие кризисного центра для женщин, пострадавших от насилия²⁷. По мнению экспертов по профилактике и борьбе с домашним насилием Чукотского АО, «самой распространенной причиной домашнего насилия было и остается – пьянство, в том числе и совместное распивание спиртных напитков»²⁸.

В сетевом пространстве «Тамбов» проблема домашнего насилия не обсуждается. В сети представлена реклама Центра защиты семьи, материнства и детства Тамбовской епархии имени преподобного Амвросия Оптинского²⁹. Согласно официальной странице Центра, данный проект реализуется по благословению митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия при поддержке Управления социальной защиты Тамбовской области для оказания поддержки беременным женщинам и женщинам с детьми, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Несмотря на то, что основная задача центра – профилактика абортов, руководитель центра Л. Соколова отмечает, что «Чаще всего они (женщины. – *Прим. авт.*) жертвы домашнего насилия либо оказались без средств существования и крыши над головой. Развод, потеря работы, нежелательная беременность, муж-алкоголик – вот причины таких ситуаций»³⁰.

Таким образом, в государственной семейной политике обоих регионов отсутствует направление по профилактике и борьбе с домашним насилием. Инициативы по решению данной проблемы предлагает РПЦ, которая нацелена на

²⁴ По инициативе Уполномоченного по правам человека в Чукотском автономном округе прошел круглый стол посвященный проблемам домашнего насилия // Чукотский АО. 21.11.2021. URL: https://u.to/_1NGHA (дата обращения: 02.04.2022).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Тамбов // ВКонтакте. 05.05.2019. URL: <https://u.to/A1RGHA> (дата обращения: 23.03.2022).

³⁰ Там же.

противоабортное консультирование. Таким образом, на материалах Чукотского АО и Тамбовской области гипотеза исследования о связи между пониженным демографическим трендом и отсутствием институализированных практик предотвращения и борьбы с домашним насилием подтвердилась.

Заключение. Приведенный выше анализ показал, что в четырех из пяти рассматриваемых субъектов федерации гипотеза о связи представленности проблемы домашнего насилия в сетевых ресурсах региональных сообществ с различными демографическими трендами подтвердилась. В Тюменской области, с присущим ей трендом на расширенное воспроизводство населения, проблема артикулируется гражданами и властью, в сети содержится информация о различных институтах и механизмах решения данной проблемы. В Республике Дагестан, характеризующейся аналогичным трендом, проблема домашнего насилия не присутствует в публичном поле социальных сетей. Анализ показал, что пользователями социальных сетей в регионе в основном является не состоящая в браке молодежь, в круг интересов которой не входит проблема домашнего насилия. Кроме того, вероятно, что тенденция на расширенное воспроизводство населения определяется особенностями национальной культуры – установками дагестанцев иметь многодетную семью.

В субъектах федерации с трендом на суженное воспроизводство населения представленность проблемы домашнего насилия в Интернете минимальна. Исследование показало, что в рамках проводимой государственной семейной политики не созданы институциональные механизмы решения проблемы домашнего насилия. Для данных регионов характерны традиционные в своей основе дискурсы – теологический (кейс Тамбовской области, Чукотского АО) и национальный (кейс Республики Калмыкии). Учитывая негативную позицию РПЦ к законопроекту «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», ее нацеленность на противоабортное консультирование, использование словосочетания «женщины, находящиеся в трудной жизненной ситуации», а не «женщины, подвергшиеся домашнему насилию», можно сделать вывод, что решение проблемы домашнего насилия нуждается в государственных институтах и финансах. Анализ сетевых ресурсов также дает основания полагать, что одной из причин домашнего насилия является проблема гендерного порядка, которая, с нашей точки зрения, требует внимания со стороны государства при проведении семейной и демографической политики.

Библиографический список

1. *Straus, M. A., Gelles, R. J.* Physical violence in American families: Risk factors and adaptations to violence in 8,145 families. New Brunswick : Transaction Publ., 1990. 622 p. ISBN 978-0887382635.
2. *Dobash, R. E., Dobash, R. P.* Violence against wives: A Case against the patriarchy. New York : Free Press, 1983. 350 p. ISBN 978-0029078105.
3. *Pagelow, M. D.* Family violence. New York : Praeger Publ., 1984. 592 p. ISBN 978-0275916237.
4. *Browne, K. D., Herbert, M.* Preventing family violence. Chichester, England : Wiley, 1999. 402 p. ISBN 978-0471941408.
5. *Rubin, G.* The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex // Toward an Anthropology of Women / ed. by R. Reiter. New York : Monthly Review Press, 1975. P. 157–210.
6. *Lauretis, T. de.* Technologies of Gender. Bloomington : Indiana University Press, 1987. 168 p. ISBN 978-0-253-20441-7.
7. *Родина, И. В.* Феминистский дискурс домашнего насилия: проблемы и противоречия // Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 125-139. EDN MINTWZ.

8. *Kimmel, M.* The gendered society. New York : Oxford University Press, 2011. 560 p. ISBN 978-0190260316.

9. *Давтян, М. Д.* Борьба с домашним насилием: развитие содержания обязательств государства в рекомендациях Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении // Право и современные государства. 2018. № 4. С. 43–66. DOI [10.14420/ru.2018.4.3](https://doi.org/10.14420/ru.2018.4.3). EDN [PCGFFE](https://www.edn.ru/PCGFFE).

10. Гендерное равенство в современном мире : роль национальных механизмов / Отв. ред. О. А. Воронина. М. : Макс-Пресс, 2008. 768 с. ISBN 978-5-317-02300-3. EDN [QOIHVD](https://www.edn.ru/QOIHVD).

11. *Шведова, Н. А.* Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте международных обязательств: прогресс или упущенные возможности? // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 22–29. EDN [OJMXIX](https://www.edn.ru/OJMXIX).

12. *Воскобитова, М. Р.* Подходы Европейского суда по правам человека к рассмотрению дел о домашнем насилии в отношении женщин // Международное правосудие. 2017. № 1(21). С. 85–95. DOI [10.21128/2226-2059-2017-1-85-95](https://doi.org/10.21128/2226-2059-2017-1-85-95). EDN [YNQIKT](https://www.edn.ru/YNQIKT).

13. *Антонян, Ю. М., Горшков, И. В., Зулкарнеев, Р. М.* Проблемы внутрисемейной агрессии. М. : НИИ МВД, 1999. URL: <https://u.to/r1VGHA> (дата обращения: 15.04.2022).

14. *Саламова, С. Я.* Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex russica (русский закон). 2018. № 9. С. 129–138. DOI [10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138). EDN [YAQPXN](https://www.edn.ru/YAQPXN).

15. *Нигматуллин, М. Р.* Домашнее насилие как причина доведения до самоубийства // Виктимология. 2020. № 2(24). С. 19–26. EDN [BLTOCM](https://www.edn.ru/BLTOCM).

16. *Горшкова, И. Д., Шурыгина, И. И.* Насилие над женами в современных российских семьях. М. : МАКС Пресс, 2003. 136 с. ISBN 5-317-00786-0.

17. *Клименкова, Т.* Реализация права граждан на свободу от насилия // Права женщин в России: исследования региональной практики, их соблюдения и массового сознания. М. : Московский философский фонд, 1998. Т. 2. С. 144–189.

18. *Ростовская, Т. К., Калиев, Т. Б., Завьялова, Н. Б., Безвербный, В. А.* Профилактика насилия как фактор безопасности семьи: Российский и казахстанский опыт // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86) С. 78–88. DOI [10.21064/WinRS.2018.1.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.7). EDN [YTVKYU](https://www.edn.ru/YTVKYU).

19. *Фахретдинова, А. Б.* Роль средств массовой информации в существовании супружеского насилия над женщиной в современном российском обществе социологический анализ : 22.00.06 : дис. ... канд. социол. наук / Фахретдинова Альбина Баязитовна. Казань, 2009. 243 с. EDN [QENBBF](https://www.edn.ru/QENBBF).

20. *Кон, И. С.* Сексуальность и культура. СПб. : СПбГУП, 2004. 104 с. ISBN 5-7621-0136-3. EDN [UJUWKD](https://www.edn.ru/UJUWKD).

21. *Данилова, О. Л.* Психология восприятия насилия: культурный и гендерный аспекты // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. СПб. : Питер, 2003. С. 388–403.

22. *Здравомыслова, О. М.* Насилие в семье и кризис традиционной концепции воспитания // Социальная педагогика. 2005. № 1. С. 123–127.

23. *Забелина, Т. Ю.* Домашнее насилие в отношении женщин: государственная проблема или «личное дело»? // Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 77–85. EDN [JVKCWF](https://www.edn.ru/JVKCWF).

24. Кризисный центр для женщин: опыт создания и работы / Отв. ред. и сост. Т. Забелина, Е. Израелян. М. : Преображение, 1998. 243 с.

25. *Гнедаш, А. А.* Семейная политика в регионах современной России: институциональные и программные аспекты // Женщина в российском обществе. 2015. № 3–4. С. 96–108. EDN [VKPSHX](https://www.edn.ru/VKPSHX).

26. *Градосельская, Г. В.* Анализ социальных сетей 22.00.01 : дис. ... канд. социол. наук / Градосельская Галина Витальевна. М., 2001. 223 с. EDN [QDORNB](https://www.edn.ru/QDORNB).

27. *Чураков, А. Н.* Анализ социальных сетей // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 108–121. EDN [MPHCYT](https://www.edn.ru/MPHCYT).

28. Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. (Краснодар, 22–23 октября 2020). Краснодар : Вика-Print, 2020. 400 с. ISBN 978-5-904370-45-9. EDN [EUNCOS](https://www.edn.ru/EUNCOS).

Дата поступления в редакцию: 01.08.2022.

Принята к печати: 20.08.2022.

Сведения об авторах:

Наталья Николаевна Козлова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет. Тверь, Россия.

e-mail: tver-rapn@mail.ru

Author ID РИНЦ: 346665

ORCID: 0000-0003-1212-6412

Researcher ID (WoS): D-5405-2019

Scopus ID: 56446454300

Сергей Валентинович Рассадин, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет.

Тверь, Россия.

e-mail: s_r08@mail.ru

Author ID РИНЦ: 418951

ORCID: 0000-0002-3478-0792

Researcher ID (WoS): AAS-7665-2021

Scopus ID: 56518236300

Ольга Геннадиевна Овчарова, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств; профессор кафедры политической социологии, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

e-mail: ovcharovao@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 680002

ORCID: 0000-0002-2918-331X

N. N. Kozlova¹, S. V. Rassadin¹, O. G. Ovcharova^{2,3}

¹ Tver State University. Tver, Russia.

² The Russian State Specialized Academy of Arts. Moscow, Russia.

³ Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATE FAMILY POLICY OF THE RF: ANALYSIS OF NETWORK RESOURCES OF REGIONAL COMMUNITIES

Abstract. The problem of domestic violence is considered in the context of the implementation of the state family policy of the Russian Federation, represented in the network space of the regions. The authors of the article hypothesize that in the subjects of the Russian Federation with a trend for increased fertility, the topic of domestic violence is articulated by citizens and the authorities, social networks contain information about various channels, mechanisms, institutions for solving this problem, which contributes to the formation of effective communication between public authorities and the society within the framework of the implementation of state family policy and the increase in fertility; in regions with a trend towards narrowed reproduction of the population, the representation of the problem of domestic violence on the Internet is minimal, resources for the implementation of state family policy are not used enough. The objects of the study were the Tyumen Region, the Republic of Dagestan, the Republic of Kalmykia, the Tambov Region, the Chukotka Autonomous District. The immediate

subject of the analysis were network resources, first of all, groups in VKontakte – “Overheard in ...”, in which citizens discuss family issues. The authors conclude that in four out of five of the subjects of the federation under consideration, the hypothesis about the connection of the representation of the problem of domestic violence in the network resources of regional communities with various demographic trends was confirmed.

Keywords: domestic violence, violence against women, network resources, region, state family policy.

For citation: Kozlova, N.N., Rassadin, S.V., Ovcharova, O.G. (2022) The problem of domestic violence in the context of the implementation of the state family policy of the RF: analysis of network resources of regional communities. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 83-95. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.7

References

1. Straus, M. A., Gelles, R. J. (1990) *Physical violence in American families: Risk factors and adaptations to violence in 8,145 families*. New Brunswick, Transaction Publ. 622 p. ISBN 978-0887382635 (in Eng.).
2. Dobash, R. E., Dobash, R. P. (1983) *Violence against wives: A Case against the patriarchy*. New York, Free Press. 350 p. ISBN 978-0029078105 (in Eng.).
3. Pagelow, M. D. (1984) *Family violence*. New York, Praeger Publ. 592 p. ISBN 978-0275916237 (in Eng.).
4. Browne, K. D., Herbert, M. (1999) *Preventing family violence*. Chichester, England, Wiley. 402 p. ISBN 978-0471941408 (in Eng.).
5. Rubin, G. (1975) The Traffic in Women: Notes on the «Political Economy» of Sex». *Toward an Anthropology of Women*. Ed. by R. Reiter. New York, Monthly Review Press. Pp. 157–210 (in Eng.).
6. Lauretis, T. de (1987) *Technologies of Gender*. Bloomington, Indiana University Press. 168 p. ISBN 978-0-253-20441-7 (in Eng.).
7. Rodina, I. V. (2007) Feminist discourse of domestic violence: problems and contradictions. *Social policy and sociology*. No. 3. Pp. 125–139 (in Russ.).
8. Kimmel, M. (2011) *The gendered society*. New York, Oxford University Press. ISBN 978-0190260316 (in Eng.).
9. Davtyan, M. D. (2018) Combating domestic violence: development of the scope of state obligations in recommendations of the committee on the elimination of all forms of discrimination against women. *Law and Modern States*. No. 4. Pp. 43–66. DOI [10.14420/ru.2018.4.3](https://doi.org/10.14420/ru.2018.4.3) (in Russ.).
10. Voronina, O. A. (ed.) (2008) *Gender equality in the modern world. The role of National mechanisms*. Moscow, Maks-Press. 768 p. ISBN 978-5-317-02300-3 (in Russ.).
11. Shvedova, N. A. (2011) Gender equality in Russia in the XXI century in the context of international obligations: progress or missed opportunities? *Woman in Russian Society*. No. 3. Pp. 22–29 (in Russ.).
12. Voskobitova, M. R. (2017) Approaches of the European Court of Human Rights to the consideration of cases of domestic violence against women. *International justice*. No. 1(21). Pp. 85–95. DOI [10.21128/2226-2059-2017-1-85-95](https://doi.org/10.21128/2226-2059-2017-1-85-95) (in Russ.).
13. Antonyan, Yu. M., Gorshkov, I. V., Zulkarneev, P. M. (1999) *Problems of intrafamily aggression*. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs. URL: <https://u.to/r1VGHA> (last request: 15.04.2022) (in Russ.).
14. Salamova, S. Ya. (2018) Domestic violence in modern Russia: general characteristics. *Lex russica*. No. 9. Pp. 129–138. DOI [10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.129-138) (in Russ.).
15. Nigmatullin, M. R. (2020) Domestic violence as a cause of suicide. *Victimology*. No. 2(24). Pp. 19–26 (in Russ.).
16. Gorshkova, I. D., Shurygina, I. I. (2003) *Violence against wives in modern Russian families*. Moscow, MAKS Press. 136 p. ISBN 5-317-00786-0 (in Russ.).
17. Klimenkova, T. (1998) Realization of the right of citizens to freedom from violence // *Women's rights in Russia: Studies of regional practice, their Observance and mass Consciousness*. Moscow, Moscow Philosophical Foundation Publ. Vol. 2. Pp. 144–189 (in Russ.).
18. Rostovskaya, T. K., Kaliev, T. B., Zavyalova, N. B., Bezverbnyy, V. A. (2018) Prevention of violence as a factor of family security: Russian and Kazakhstan experience. *Woman in Russian Society*. No. 1(86). Pp. 78–88. DOI [10.21064/WinRS.2018.1.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.7) (in Russ.).

19. Fakhretdinova, A. B. (2009) *The role of mass media in the existence of marital violence against women in modern Russian society sociological analysis*: dis. ... candidate of Social Sciences. Fakhretdinova Albina Bayazitovna. Kazan. 243 p. (in Russ.).
20. Kon, I. S. (2004) *Sexuality and culture*. St. Petersburg, SPbGUP Publ. 104 p. ISBN 5-7621-0136-3 (in Russ.).
21. Danilova, O. L. (2003) Psychology of violence perception: cultural and gender aspects // *Practicum on gender psychology*. Ed. by I. S. Kleitsina. St. Petersburg, Peter Publ. Pp. 388–403 (in Russ.).
22. Zdravomyslova, O. M. (2005) Domestic violence and the crisis of the traditional concept of education. *Social pedagogy*. No. 1. Pp. 123–127 (in Russ.).
23. Zabelina, T. Y. (2008) Domestic violence against women: a state problem or a «personal matter»? *Woman in Russian Society*. No. 4. Pp. 77–85 (in Russ.).
24. *Crisis center for women: experience of creation and work* (1998) Ed. by T. Zabelina, E. Israelyan. Moscow, Preobrazhenie Publ. 243 p. (in Russ.).
25. Gnedash, A. A. (2015) Family policy in the regions of modern Russia: institutional and policy aspects. *Woman in Russian Society*. No. 3–4. Pp. 96–108 (in Russ.).
26. Gradoselskaya, G. V. (2001) *Analysis of social networks*: dis. ... candidate of Social Sciences. Gradoselskaya Galina Vitalyevna. Moscow. 223 p. (in Russ.).
27. Churakov, A. N. (2001) Analysis of social networks. *Sociological Studies [Sotsiologicheskie Issledovaniia]*. No. 1. Pp. 108–121 (in Russ.).
28. *Development policy in the context of digitalization of society: materials of the All-Russian scientific conf. with international participation* (2020) (Krasnodar, October 22–23, 2020). Krasnodar, Vika-Print. 400 p. ISBN 978-5-904370-45-9 (in Russ.).

The article was submitted on August 01, 2022.
Accepted on August 20, 2022.

Information about the authors:

Nataliya N. Kozlova, Doctor of Political Science, Associate professor, Chair of Political Science Department, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia.

e-mail: tver-rapn@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1212-6412
Researcher ID (WoS): D-5405-2019
Scopus ID: 56446454300

Sergey V. Rassadin, Candidate of Philosophy, Associate professor of Political Science Department, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia.

e-mail: s_r08@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3478-0792
Researcher ID (WoS): AAS-7665-2021
Scopus ID: 56518236300

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, Associate professor, Professor at the Department of Humanities, The Russian State Specialized Academy of Arts; Professor at the Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

e-mail: ovcharovao@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2918-331X

DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.8

EDN PTFZYI

УДК 316.4, 330.16

А. В. Швецова¹, М. С. Кривощёкова¹¹Уральский государственный педагогический университет.
Екатеринбург, Россия.

СЦЕНАРИИ НЕМАТЕРИНСКИХ ПРАКТИК МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ МАТЕРЕЙ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», <https://rscf.ru/project/22-28-00636/>.

Аннотация. Статья представляет собой часть исследовательского проекта, посвященного специфике современного материнства в контексте трансформации гендерного порядка. Основная цель – изучение и описание актуальных для российского социума сценариев материнства в фокусе нематеринских практик. Основываясь на предположении, что консервативность социальной системы в наибольшей степени влияет на ритм жизни женщин после рождения детей, авторы используют понятие «нематеринские практики молодых матерей», определяя его как совокупность действий женщин в период декретного отпуска, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей. На результатах прикладных исследований (онлайн-опрос, N=146; изучение русскоязычных профилей молодых матерей, N=720) сформулированы возможные сценарии нематеринских практик: профессионально-ориентированные, образовательные, предпринимательские, активистские, самопродвижение, досуговые и рискогенные. Выбор исследовательской оптики обусловлен тем, что значительная часть материнских активностей реализуется в онлайн-пространстве, что позволяет преодолеть социальную изоляцию этого периода. Показано, что тематическое поле современного материнского сообщества формируется не только вокруг специфических детско-родительских тем, но служит способом интеграции матерей в социальные и экономические процессы. Большинство сценариев основаны на стремлении женщин к общению, самореализации и заработку, что объяснимо с точки зрения гендерного анализа и экономических реалий. Рискогенность цифровой среды связана с уязвимостью молодых матерей перед интернет-мошенничеством и формированием интернет-зависимости. Основным результатом исследования заключается в фиксации факта существования нематеринских практик молодых матерей, выявлении возможных сценариев их реализации и описании вариантов прикладного использования полученных данных для оптимизации системы социальной защиты материнства.

Ключевые слова: гендерный порядок, материнство, экономическое поведение, интернет, цифровая среда, онлайн-практики, социальные сети.

Для цитирования: Швецова, А.В., Кривощёкова, М.С. Сценарии нематеринских практик молодых российских матерей // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2S. С. 96-104. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.8. EDN PTFZYI

Введение. Современные сценарии материнства реализуются в условиях консервативного поворота гендерного порядка [1; 2]. Не успев стабилизироваться в логике эгалитарной общественной системы, которая предполагает перераспределение ресурсов и ролевых моделей в сторону баланса семейных и профессиональных практик, российская гендерная идеология сменила курс на консервативный, что связано с возвратом к традиционалистским практикам. При этом

экономические реалии противоречат намеченному курсу, поскольку активное, паритетное участие женщин в процессах управления и производства является необходимым условием развития. На практике это означает усиление двойного бремени на женщин, от которых требуется успешная реализация двух сценариев одновременно: и материнского, и профессионального.

В этой связи возникает необходимость изучения форм пересечения двух обозначенных плоскостей и определение практик, позволяющих женщинам балансировать (хотя, в ряде случаев уместнее говорить о жонглировании) в выполнении различных ролевых функций. Большинство классических исследований в области материнства сосредоточены на диаде «мать-ребенок». Современным научным трендом является акцент на социально-культурную обусловленность материнства, его вариативность, зависимость от статуса, уровня образования, дохода и иных характеристик, например исследования о влиянии демографических характеристик на различия в родительском отношении [3], влиянии идеологии интенсивного материнства на репродуктивные стратегии женщин [4], взаимосвязи между воздействием средств массовой информации и современным материнством на основе теории социального сравнения (social comparison theory) [5]. Вместе с тем проблема институционализированной практики исключения молодой мамы из социально-экономических процессов остается белым пятном в гендерных исследованиях.

Период декретного отпуска, который до рождения ребенка вызывает идеалистические ожидания, оказывается периодом внутренних и внешних трансформаций, приспособления к новой реальности и отмены привычного ритма жизни. Как ответ на эти вызовы, происходит формирование новых практик (экономических и досуговых), принципиально меняющих структуру социальных транзакций в системе «мать – общество». В первую очередь эти изменения касаются субъектности женщины, необходимости и возможности быть включенной в иные, помимо внутрисемейных, системы общественных отношений в первые годы материнства (этап максимальной вовлеченности в процесс ухода и воспитания). Кроме того, усложняются жизненные траектории; вместо линейности, когда по завершению одного процесса начинается другой, действуют принципы комбинирования (например, материнство и учеба/развитие карьеры идут параллельно), перераспределения (материнство отодвигается на более поздний срок) или замещение (чайлдфри). И наконец, материнство перестает быть функцией, оно становится периодом жизненного цикла. Это означает вариативность формирования жизненных сценариев, которые с той или иной степенью осознанности выбирают для себя современные женщины.

Методы. Основываясь на методологии социального конструирования гендера, в качестве отправной точки исследования была определена вариативность сценариев нематеринских практик женщин в период декретного отпуска. Мы предположили, что образовательные, классовые, культурные, этнические и иные различия задают условия для возникновения множества индивидуальных форм материнства, в том числе интересующих нас «нематеринских» активностей. На начальном этапе был инициирован экспресс-опрос (сервис Google-forms, метод формирования выборки – снежный ком, N=146), основной задачей которого была фиксация факта существования нематеринских практик. Далее мы сфокусировались на изучении аккаунтов молодых матерей в социальных сетях, что позволило собрать данные о способах реализации внесемейной активности женщин, находящихся в декрете (сеть Instagram, N=720, сбор информации – январь – февраль 2022 года. Отбор осуществлялся по двум параметрам: открытость аккаунта и использование соответствующего хештегирования (#мамавде-

крете, #мамаблогер, #молодаямама и т.д.). Таким образом все женские профили, попавшие в окончательную выборку, соответствовали трем условиям:

- a. наличие ребенка дошкольного возраста;
- b. наличие информации о дополнительной деятельности;
- c. профиль активен, записи регулярно обновляются.

Выбор онлайн-метода был основан на том, что во время декретного отпуска многие женщины оказываются в социальной изоляции и виртуальное общение становится чуть ли не главным способом взаимодействия с внешним миром. Кроме того, предпочтение цифровых площадок в качестве источников информации обусловлено тем, что это доступные данные, содержащие потенциальные ответы на максимально широкий круг научных вопросов. Очевидным ограничением этого метода является сложность обработки сверхбольших массивов и как следствие не всегда прозрачная методология. Компенсировать эту особенность мы решили минималистичным набором переменных (количество подписчиков и количество постов – показатели активности, количество детей, основной вид «нематеринской» активности), что позволило сосредоточиться на возможных способах репрезентации себя в интернет-сообществе и определить преобладающие дискурсы.

Мы также опираемся на данные других исследований материнства, результаты которых согласуются с нашими и подтверждают отдельные позиции. Таким образом, хотя предметом данного исследования являются именно онлайн-практики, многие выводы релевантны и за пределами интернет-сообществ.

Основные результаты. По данным Росстата, 48,7% занятых на основной работе российских граждан – женщины, причем соотношение специалистов высшего уровня квалификации практически один к двум (6921 тыс. мужчин и 11 674 тыс. женщин в 2020 году)¹. Рождение ребенка вносит существенные коррективы в стиль жизни современной женщины, ограничивая возможность для профессиональной самореализации и финансового обеспечения. Значительная часть молодых матерей находятся в сложной экономической ситуации (для сравнения: доля малоимущих домашних хозяйств в общей численности домашних хозяйств – 6,8%, доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 3 лет в общей численности домашних хозяйств с детьми в возрасте до 3 лет – 28,5%², что объясняет необходимость досрочного выхода из декрета или, при отсутствии таковой возможности, поиск альтернативных способов заработка.

Согласно полученным нами данным, лишь менее четверти россиянок не приступают к трудовой деятельности до достижения ребенком трехлетнего возраста, тогда как основная часть возвращаются на работу или находят дополнительный источник заработка по достижении ребенком полугода. Преобладающими мотивами профессиональной активности являются экономические трудности, стремление к саморазвитию, опасение потерять должность или профессиональную компетенцию. Кроме этого, респондентки указывали на появление новых интересов и увлечений, скучную и однообразную «декретную» жизнь, добровольно-принудительную установку руководства. Среди видов занятости преобладают основная официальная работа, удаленный формат основной работы, фриланс, открытие собственного бизнеса. Таким образом, можно констатировать высокую

¹ Занятое население в возрасте 15 лет и старше по полу и группам занятий на основной работе в 2017-2020 гг. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.06.2022).

² Семья, материнство и детство : Социально-экономическое положение семей и тенденции их жизнедеятельности // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 01.06.2022).

вовлеченность женщин в период декретного отпуска в трудовые и производственные процессы, что не вполне соответствует традиционному игнорированию данной категории как значимого экономического звена и актуализирует уязвимость социальной политики, меры которой носят преимущественно поддерживающий характер.

Основные ресурсы, ограничение которых ощущает на себе молодая мама – это время и свобода передвижения. Поскольку большая часть времени посвящена уходу и заботе о ребенке, а также выполнению бытовых обязанностей, образованные и экономически активные российские женщины в период декрета оказываются в новых для себя реалиях и пытаются задействовать интернет как механизм выхода из сложившихся ограничений. Цифровое пространство становится для молодых мам основным источником информации, средой общения и реализации различных сценариев нематеринских практик.

Обсуждение и выводы. Анализ русскоязычных профилей молодых матерей показал, что сетевое сообщество воспринимается ими как пригодный способ для удовлетворения различных потребностей (как экономических – посредством продвижения товаров и услуг, выполнения дистанционной работы, блоггерства и т.д., так и потребностей в общении, саморазвитии, самопрезентации). Социальные сети являются средой реализации различных сценариев нематеринской активности, имеющей свои достоинства и специфические риски. Мы обнаружили следующие наиболее распространенные сценарии, которые позволяют говорить о разнообразии интересов и видов активностей современных российских мам:

- профессионально-ориентированные
- образовательные
- предпринимательские
- активистские
- самопродвижение
- досуговые
- рискогенные.

Профессионально-ориентированные сценарии предполагают акцент на карьерное развитие, сохранение профессиональных позиций и компетенции в ситуации длительного перерыва. Гендерный дисбаланс, описываемые в научной литературе метафорами «стеклянного потолка», «липкого пола» и «протекающей трубы», усугубляется в связи рождением детей. Юридически статус работницы в период декрета защищен, однако де-факто женщины детородного возраста рассматриваются работодателями как потенциальный балласт. Согласно данным исследования о востребованности женщин, выходящих из декретного отпуска на рынок труда³, основные опасения работодателей касаются утраченных компетенций (44%), необходимости корректировать рабочий график (32%) и «отправиваний» (20%). В большинстве российских компаний нет никаких программ адаптации и поддержки сотрудниц после выхода из декрета. Традиционные гендерные нормы, предписывающие, что профессиональная активность женщины должна реализовываться по остаточному принципу, игнорируют тот факт, что в России более 5 млн одиноких матерей⁴ (43% от всех семей с детьми),

³ Исследование: почему в большинстве случаев женщины работают во время декрета // Forbes. 04 июня 2021 г. URL: <https://u.to/weZDHA> (дата обращения: 01.06.2022).

⁴ Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет (включая супружеские пары без детей и с детьми, матерей с детьми, отцов с детьми) // Росстат. URL: <https://u.to/g1ZiHA> (дата обращения: 01.06.2022).

единолично выполняющих функцию «добытчика». Кроме того, сохраняются и существенные институциональные барьеры (доступность детских дошкольных и досуговых организаций, структура подготовки кадров, неравномерность оплаты труда в разных областях), неравномерность доступа к ресурсам (в первую очередь, управленческим), низкие карьерные амбиции россиянок и самодискриминация. В этих условиях интернет является альтернативной средой для решения профессиональных задач. Согласно нашим наблюдениям, молодые мамы реализуют свои профессиональные сценарии досрочно выходя из декретного отпуска, а также посредством удаленной работы, фриланса.

Выбор *образовательного сценария* обоснован усилением тенденции непрерывного образования. Многомерность и изменчивость социального пространства, названная Зигмундом Баумоном текучей современностью [6], привела к необходимости перманентного саморазвития в том числе адаптации к цифровым технологиям и работе по поддержанию профессионального лица. Трансформации в системе внутренних ценностей женщины в связи с материнством, объективное существование которых подтверждается данными нейрофизиологов и психологов [7; 8], дополнительно стимулируют к получению новых навыков вплоть до осознания необходимости кардинальной смены вида деятельности. Реализация образовательного сценария происходит путем повышения уровня диплома, расширения компетенции в смежных отраслях, получение прикладных знаний (языковых, компьютерных). Оптимальным способом получения дополнительного образования является участие в федеральных целевых проектах и программах, ориентированных на молодых матерей (например, нацпроект «Демография»).

Одним из наиболее привлекательных с точки зрения возможности совмещения с материнскими функциями сценариев нематеринских практик является *развитие собственного бизнеса*. Очевидным препятствием остается сложность входа в предпринимательское сообщество, требующая, как правило, значительных финансовых инвестиций, знаний бизнес-процессов и навыков ведения налоговой и бухгалтерской документации. Частичное решение этих вопросов инициировано в рамках государственных программ поддержки предпринимательства (например, проект «Сделано Мамой – сделано в России» комитета по поддержке женского предпринимательства «Опора России»), однако о достижении массового эффекта пока речи не ведется, поскольку масштаб бизнес-проекта зависит не только от предпринимательской амбициозности молодых мам, но и от поддержки со стороны семьи и государства. Более доступным (но имеющим свои риски, о которых будет сказано далее) механизмом развития микробизнеса выступают социальные сети, позволяющие создавать бесплатный контент и привлекать первых клиентов. Популярны следующие сегменты «мама-бизнеса»: изготовление кондитерских изделий, полуфабрикатов, домашней выпечки; пошив детской и женской одежды, вязание, аксессуары и украшения; оказание парикмахерских и косметологических услуг «на дому»; репетиторство; консультации в сфере бухгалтерского и налогового учета; риелторские и туристические услуги; услуги творческого характера (фотография, дизайн, ивент-менеджмент).

Активистские сценарии предполагают наличие интересов и убеждений относительно решения актуальных общественных проблем: экология, защита животных, помощь малозащищенным группам населения. Отдельным, довольно распространенным, сценарием является самопомощь, когда, столкнувшись со сложной жизненной ситуацией, женщина инициирует проект по ее решению (например, таким «проектом» может выступать спасение жизни и здоровья ребенка, сбор средств на его лечение и реабилитацию. Помимо локального значе-

ния такие сценарии имеют общественный резонанс – артикулируется проблема, распространяется информация о ее причинах, способах решения, имеющихся институциональных препятствиях).

Сценарии самопродвижения стали возможны благодаря распространению социальных сетей и развитию культуры блогерства. По нашим данным, число подписчиков у популярных мама-блогеров достигает 15 млн человек, что обеспечивает высокие заработки на рекламе. Поддержание интереса публики требует значительных усилий и на определенной стадии – работы целого коллектива по созданию имиджа идеальной (ухаженной, обеспечивающей всестороннее развитие детей и имеющей разнообразный досуг) мамы. Сценарий самопродвижения привлекателен возможностью заработка на демонстрации своего образа, однако его легкость иллюзорна: менее 5% мам, маркирующих свою деятельность как «блогерство», достигают отметки в 1 млн подписчиков. Самопродвижение, не связанное с ведением блога, может реализовываться как участие в конкурсах для мам, телевизионных шоу или «продюсировании» собственных детей, что на наш взгляд может служить маркером детско-родительских отношений на современном этапе.

Досуговые сценарии имеют рекреационную цель и связаны с желанием выйти за пределы круга семейных обязанностей. Помимо просмотра контента в социальных сетях и телевизионных программ, широкое распространение имеют «мамские» форумы, позволяющие реализовать потребность в общении и обмене информацией специфического содержания. Такие форумы создаются в период беременности и объединяют женщин по признакам локации (обычно крупный город) и прогнозируемого периода родов (например, «декабрята», «ноябрята»). В случайных группах возникают обсуждения согласно сроку беременности (планирование, состояние здоровья, развитие плода, отношения с родственниками, подготовка к родам) и далее возрасту ребенка (здоровье, уход, развитие, послеродовая депрессия и т.д.). Досуговые оффлайн-сценарии связаны, как правило, с сопровождением ребенка в секции и школы раннего развития, увлечением спортом, танцами и иными практиками.

Рискогенные сценарии являются не осознанными, целенаправленными практиками, а скорее побочными следствиями описанных выше сценариев. В данном случае мы не рассматриваем деструктивные линии поведения (алкоголизм, наркоманию, преступность) а имеем в виду новообетенные в связи с материнством привычки и способы жизнедеятельности, которые могут трактоваться как потенциально опасные. В частности, активное вовлечение в социальные сети как компенсация привычного внесемейного общения вызывает цифровую зависимость, что помимо нерационального использования времени чревато проблемами психологического характера. Доказано, что технологии и повседневное общение с их помощью занимают одно из ведущих место среди факторов, влияющих на психическое здоровье общества [9; 10]. Кроме того, стремление решить финансовые проблемы в сети делает женщин уязвимыми перед интернет-мошенничеством. Агрессивный сетевой маркетинг, обещания научить быстрым заработкам в интернете, иные финансовые ловушки представляют собой риск для экономической безопасности молодых матерей, механизмов регулирования которых пока нет.

Заключение. Современные сценарии нематеринских практик при всей вариативности вписываются в рамку консервативной гендерной модели. Если до рождения ребенка давление гендерных стереотипов женщинами ощущается в меньшей степени, то первые годы материнства оказываются для большинства

россиянок периодом социальной изоляции и ограничений. Послеродовая депрессия, негативное влияние на качество жизни которой доказано эмпирически [11], не рассматривается как значимая проблема на уровне социальной политики, хотя от эмоционального состояния матери напрямую зависит благополучие детей [12]. Пытаясь самостоятельно найти выход из сложившейся ситуации, современные мамы используют интернет в качестве механизма удовлетворения потребностей и реализации идей. Полученные нами данные позволяют утверждать, что активность молодых матерей представляет собой потенциал экономического и социального развития, однако отсутствие концептуального осмысления феномена нематеринских практик и как следствие адекватных мер поддержки женщин в период декретного отпуска оставляет этот потенциал невостребованным. Мы полагаем, что доступные образовательные программы, в том числе бизнес-программы, в сочетании с решением институциональных проблем по организации дошкольной среды для детей, снизили бы рискогенность существующих нематеринских практик. Описанные нами сценарии не являются окончательными и будут дополняться по мере получения нового эмпирического материала.

Библиографический список

1. *Силласте, Г. Г.* Социальные транзичии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3-16. DOI [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1). EDN [QLAZIW](https://www.edn.ru/qlaziw/).
2. *Великая, Н. М., Овчарова, О. Г.* Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России // Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества : материалы XII Междунар. науч. конф. «Байкальская встреча» (Улан-Удэ, 12–16 сентября 2018 г.). Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2018. С. 29-34. EDN [YMISFN](https://www.edn.ru/ymisfn/).
3. *Forbes, L. K., Donovan, C., Lamar, M. R.* Differences in Intensive Parenting Attitudes and Gender Norms Among U.S. Mothers // The Family Journal. 2020. Vol. 28, Issue 1. Pp. 63-71. DOI [10.1177/1066480719893964](https://doi.org/10.1177/1066480719893964).
4. *Myers, K.* “If I’m Going to Do It, I’m Going to Do It Right”: Intensive Mothering Ideologies among Childless Women Who Elect Egg Freezing // Gender & Society. 2017. Vol. 31, Issue 6. Pp. 777-803. DOI [10.1177/0891243217732329](https://doi.org/10.1177/0891243217732329).
5. *Chae, J.* “Am I a Better Mother Than You?”: Media and 21st-Century Motherhood in the Context of the Social Comparison Theory // Communication Research. 2015. Vol. 42, Issue 4. Pp. 503-525. DOI [10.1177/0093650214534969](https://doi.org/10.1177/0093650214534969).
6. *Бауман, З.* Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1.
7. *Rippon, G.* Gendered Brain: the new neuroscience that shatters the myth of the female brain. London : The Bodley Head Ltd. 2019. 317 p. ISBN 978-1847924759.
8. *Tucker, A.* Mom Genes: Inside the New Science of Our Ancient Maternal Instinct. New York : Gallery Books, 2021. 336 p. ISBN 978-1501192852.
9. *Allen, K.-A., Ryan, T., Gray, D., McInerney, D., Waters, L.* Social Media Use and Social Connectedness in Adolescents: The Positives and the Potential Pitfalls // Australian Journal of Educational and Developmental Psychology. 2014. Vol. 31, Issue 1. Pp. 18-31. DOI [10.1017/edp.2014.2](https://doi.org/10.1017/edp.2014.2).
10. *Young, K. S.* Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder // Cyberpsychology & behavior. 1998. Vol. 1(3). Pp. 237-244. DOI [10.1089/cpb.1998.1.237](https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237).
11. *Горьковская, И. А., Коргожа, М. А.* Влияние течения беременности и качества жизни женщины на развитие послеродовой депрессии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 293-296. EDN [JGTRTJFE](https://www.edn.ru/jgtrtjfe/).
12. *Филоненко, А. В.* Последствия влияния послеродовой депрессии родильницы на психосоматические показатели здоровья младенца // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2012. Т. 57. № 4-1. С. 37-43. EDN [PVSXFH](https://www.edn.ru/pvsxfh/).

Дата поступления в редакцию: 20.07.2022.

Принята к печати: 13.08.2022.

Сведения об авторах:

Анастасия Владимировна Швецова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований, Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, Россия.

e-mail: shvetsovaav@mail.ru

Author ID РИНЦ: 715435

ORCID: 0000-0002-3379-1959

Марина Сергеевна Кривошчѣкова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, Россия.

e-mail: kmsolimp@mail.ru

Author ID РИНЦ: 798254

A. V. Shvetsova¹, M. S. Krivoshchekova¹

¹ Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, Russia.

SCENARIOS OF NONMATERNAL PRACTICES OF RUSSIAN MOTHERS

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 22-28-00636 “Modern “non-maternal” practices of young mothers: repertoire, potential and social risk”

Abstract. The article is part of a research project dedicated to the specifics of modern motherhood in the context of the transformation of the gender order. The main goal is to study and describe the scenarios of motherhood that are relevant for the Russian society in the focus of non-maternal practices. Based on the assumption that the conservatism of the social system most affects the rhythm of women's lives after the birth of children, the authors use the concept of “non-maternal practices of mothers”, defining it as a set of actions of women during maternity leave aimed at meeting social, economic, psychological needs. On the basis of the results of applied research (online survey, N=146; study of Russian-speaking profiles of young mothers, N=720), possible scenarios of non-maternal practices were formulated: professionally oriented, educational, entrepreneurial, activist, self-promotion, leisure and risky. The choice of research optics is due to the fact that a significant part of maternal activities are implemented in the online space, which makes it possible to overcome the social isolation of this period. It is shown that the thematic field of the modern maternal community is formed not only around specific child-parent topics, but also serves as a way for mothers to integrate into social and economic processes. Most scenarios are based on women's desire for communication, self-realization and earnings, which is understandable in terms of gender analysis and economic realities. The riskiness of the digital environment is associated with the vulnerability of mothers to Internet fraud and the formation of Internet addiction. The main result of the study is to fix the fact of non-maternity practices of mothers, identify possible scenarios for their implementation and describe options for the application of the data obtained to optimize the system of social protection of motherhood.

Keywords: gender order, motherhood, economic activity, internet, digital environment, online practices, social networks.

For citation: Shvetsova, A.V., Krivoshchekova, M.S. (2022) Scenarios of nonmaternal practices of Russian mothers. Science. Culture. Society. Vol. 28. No. 2S. Pp. 96-104. DOI 10.19181/nko.2022.28.2S.8

References

1. Sillaste, G. G. (2019) Social transitions and the formation of a new gender order. *Woman in Russian society*. No. 2. Pp. 3–16. DOI [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1) (in Russ.).

2. Velikaya, N. M., Ovcharova, O. G. (2018) Gender Rhetoric Against the Background of the Conservative Turn in Modern Russia. *The Intelligentsia and Problems of the Socio-Cultural Modernization of Modern Society*: Proc. of the XII International scientific conf. "Baikal Meeting". Ulan-Ude, Buryat State University. Pp. 29-34 (in Russ.).
3. Forbes, L. K., Donovan, C., Lamar, M. R. (2020) Differences in Intensive Parenting Attitudes and Gender Norms Among U.S. Mothers. *The Family Journal*. Vol. 28. Issue 1. Pp. 63-71. DOI [10.1177/1066480719893964](https://doi.org/10.1177/1066480719893964) (in Eng.).
4. Myers, K. (2017) "If I'm Going to Do It, I'm Going to Do It Right": Intensive Mothering Ideologies among Childless Women Who Elect Egg Freezing. *Gender & Society*. 2017. Vol. 31. Issue 6. Pp. 777-803. DOI [10.1177/0891243217732329](https://doi.org/10.1177/0891243217732329) (in Eng.).
5. Chae, J. (2014) "Am I a Better Mother Than You?": Media and 21st-Century Motherhood in the Context of the Social Comparison Theory. *Communication Research*. Vol. 42. Issue 4. Pp. 503-525. DOI [10.1177/0093650214534969](https://doi.org/10.1177/0093650214534969) (in Eng.).
6. Bauman, Z. (2008) *Liquid modernity* / Transl. from Eng. ed. by Yu. V. Asochakov. St. Petersburg, Peter. 240 p. ISBN 978-5-469-00034-1 (in Eng.).
7. Rippon, G. (2019) *Gendered Brain: the new neuroscience that shatters the myth of the female brain*. London, The Bodley Head Ltd. 317 p. ISBN 978-1847924759 (in Eng.).
8. Tucker, A. (2021) *Mom Genes: Inside the New Science of Our Ancient Maternal Instinct*. New York, Gallery Books. 336 p. ISBN 978-1501192852 (in Eng.).
9. Allen, K.-A., Ryan, T., Gray, D., McInerney, D., Waters, L. (2014) Social Media Use and Social Connectedness in Adolescents: The Positives and the Potential Pitfalls. *Australian Journal of Educational and Developmental Psychology*. Vol. 31. Issue 1. Pp. 18-31. DOI [10.1017/edp.2014.2](https://doi.org/10.1017/edp.2014.2) (in Eng.).
10. Young, K. S. (1998) Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *Cyberpsychology & behavior*. Vol. 1(3). Pp. 237-244. DOI [10.1089/cpb.1998.1.237](https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237) (in Eng.).
11. Gorkovaya, I. A., Korgozha, M. A. (2018) The impact of the gestation course and the women's quality of life on the development of postpartum depression. *Azimuth Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. Vol. 7. No. 4(25). Pp. 293-296 (in Russ.).
12. Filonenko, A. V. (2012) Consequences of the influence of postpartum depression of the puerperal on the psychosomatic indicators of the health of the infant. *Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics*. Vol. 57. No. 4-1. Pp. 37-43 (in Russ.).

The article was submitted on July 20, 2022.

Accepted on August 13, 2022.

Information about the authors:

Anastasia V. Shvetsova, Candidate of Sociology, Senior Researcher,
Office of Scientific Research,
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.
e-mail: shvetsovaav@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3379-1959

Marina S. Krivoshechkova, Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Department
of Professionally-Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia.
e-mail: kmsolimp@mail.ru

Журнал «Наука. Культура. Общество» зарегистрирован Роскомнадзором
(ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30.06.2021).

Учредители:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Общественная российская академия социальных наук

Главный редактор:
В. К. Левашов

Ответственный секретарь:
О. В. Гребняк

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<http://www.journal-scs.ru/>

Журнал индексируется в национальной библиографической базе данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). Включён в перечень ВАК по социологическим и политическим отраслям науки

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.
Freely available online. No charges for authors.

ISSN 2713-0681

Подписано в печать 29.08.2022 г.

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Контакты редакционного отдела:
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
тел.: +7(499) 530-27-32
e-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru